

ДЭВИД САЙМОН

НАСТОЯЩЕЕ

ПРЕСТУПЛЕНИЕ

ОТ СОЗДАТЕЛЯ КУЛЬТОВОЙ «ПРОСЛУШКИ»,
«МЫ ВЛАДЕЕМ ЭТИМ ГОРОДОМ» И «ДВОЙНИ»

18+

ОТДЕЛ УБИЙСТВ: ГОД НА СМЕРТЕЛЬНЫХ УЛИЦАХ

ЛАУРЕАТ ПРЕМИИ «ЭДГАР» В НОМИНАЦИИ «BEST FACT CRIME»

КНИГА, ПОСЛУЖИВШАЯ ОСНОВОЙ ДЛЯ СЕРИАЛА «УБОЙНЫЙ ОТДЕЛ»

Настоящее преступление

Дэвид Саймон

**Отдел убийств: год на
смертельных улицах**

«Издательство АСТ»

1991, 2006

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Сое)

Саймон Д.

Отдел убийств: год на смертельных улицах / Д. Саймон —
«Издательство АСТ», 1991, 2006 — (Настоящее преступление)

ISBN 978-5-17-146579-7

Реальная история, которая легла в основу сериала «Убойный отдел», от Дэвида Саймона – лауреата премии «Эдгар», создателя культовой «Прослушки», «Мы владеем этим городом», «На углу» и «Двойки» с Джеймсом Франко в главной роли. Саймон был первым репортером, получившим неограниченный доступ в убойный отдел, и эта захватывающая книга рассказывает о целом годе, проведенном на жестоких улицах американского города. Место действия – Балтимор, где постоянно кого-то застреливают, нарезают или забивают до смерти. В центре этого урагана преступности находится убойный отдел, маленькое братство суровых мужчин, которые борются за справедливость в этом жестоком мире. Среди них: Дональд Уорден, опытный следователь; Гарри Эджертон, черный детектив из преимущественно белого подразделения; и Том Пеллегрини, новичок, который берется за самое сложное дело года – жестокое изнасилование и убийство одиннадцатилетней девочки.

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Сое)

ISBN 978-5-17-146579-7

© Саймон Д., 1991, 2006

© Издательство АСТ, 1991, 2006

Содержание

Ante mortem[1]	6
Действующие лица	9
1	10
Вторник, 19 января	10
Понедельник, 18 января	25
Среда, 20 января	35
Вторник, 26 января	42
2	50
Четверг, 4 февраля	50
Пятница, 5 февраля	64
Понедельник, 8 февраля	70
Понедельник, 8 февраля	79
Среда, 10 февраля	89
3	98
Среда, 10 февраля	98
Пятница, 12 февраля	109
Конец ознакомительного фрагмента.	110

Дэвид Саймон

Убойный отдел: Год на смертельных улицах

Copyright © 1991, 2006 by David Simon «Ante Mortem»

copyright © 2006 by Richard Price «Case Closed»

copyright © 2006 by Terry McLarney

© Сергей Карпов, перевод, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Для Линды

Если в земле, которую Господь Бог твой дает тебе во владение, найден будет убитый, лежащий на поле, и неизвестно, кто убил его, то пусть выйдут старейшины твои и судьи твои и измерят расстояние до городов, которые вокруг убитого;

и старейшины города того, который будет ближайшим к убитому, пусть возьмут телицу, на которой не работали, и которая не носила ярма, и пусть старейшины того города отведут сию телицу в дикую долину, которая не разработана и не засеяна, и заколют там телицу в долине;

и придут священники, сыны Левиины; и все старейшины города того, ближайшего к убитому, пусть омоют руки свои над головою телицы, зарезанной в долине, и объявят и скажут:

руки наши не пролили крови сей, и глаза наши не видели; очисти народ Твой, Израиля, который Ты, Господи, освободил, и не вмени народу Твоему, Израилю, невинной крови.

Второзаконие, 21: 1-9

При ранении от выстрела в упор ствол подносится вплотную к телу... края отверстия обожжены горячими газами и черные от сажи. Следы остаются в обожженной коже и их нельзя удалить, отмывая или с силой оттирая ранение.

Винсент Дж. М. Димайо, доктор

«Огнестрельные ранения: практические аспекты огнестрельного оружия, баллистики и криминалистической техники»

Ante mortem¹ Ричард Прайс

Однажды Джимми Бреслин написал о Дэймоне Раньоне²: «Он делал все, что и положено делать хорошему журналисту, – шел на улицу и общался». Но в «Убойном отделе», хронике одного года в отделе по расследованию убийств Балтиморского департамента полиции, Дэвид Саймон не просто общался с полицией – он в ней прямо-таки поселился. Саймон и как репортер, и как писатель всегда верил, что Бог – перворазрядный романист, и *быть рядом*, когда Он поигрывает своими драматургическими мускулами, – не только нужно для работы, но и в целом почетное доброе дело. Саймон – прекрасный коллекционер и толкователь фактов, к тому же еще и наркоман с особой зависимостью – зависимостью от желания *видеть*.

Я говорю как эксперт (рыбак рыбака), и эта зависимость устроена так: что бы мы ни видели на улице – полицию, дилеров, людей, которые просто пытаются выжить, не потеряв семью, в мире, усеянном разномастными минами, – все только обостряет аппетит и желание общаться, общаться и еще раз общаться с кем угодно, кто поможет в бесконечных поисках какой-то городской протоправды. Вот наша молитва перед сном: «Прошу, Господи, дай еще денек, еще ночку, дай увидеть, услышать то, что будет ключом, золотой метафорой для всего на свете», – а это, как вам скажет любой безнадежный игроман, обязательно выпадет в следующем броске костей. Истина всегда прямо за углом, в следующей уличной фразочке вскользь, в следующем вызове по рации, в следующей передаче наркотиков из рук в руки, в следующей полицейской ленте вокруг места преступления, пока этот зверь по имени Балтимор, по имени Нью-Йорк, по имени городская Америка, аки ненасытный Сфинкс с совершенно невразумительными загадками, все жрет и жрет отчаянные души одну за другой.

А может, дело просто в нашем неумении успевать к дедлайнам...

Впервые я встретился с Саймоном 29 апреля 1992 года, в ночь бунтов из-за Родни Кинга³. Мы оба только что опубликовали Большие Книги: Саймон – ту, что вы держите в руках; я – роман «Толкачи» (Clockers). Нас свел наш общий редактор Джон Стерлинг. Причем получилось это почти комично: «Дэвид – Ричард, Ричард – Дэвид. Вы должны стать друзьями – у вас столько общего». И, естественно, первым делом мы двинули через реку в Джерси-Сити, одну из горячих точек той ночи, где нас встретил Ларри Маллейн, детектив убойного отдела округа Хадсон и мой Вергилий в предыдущие три года творчества. Отец Дэвида вырос в Джерси-Сити, так что Маллейны и Саймоны наверняка не раз пересекались в прошлом – и теперь пересеклись вновь. Сами бунты оказались неуловимыми, вечно где-то за углом и за кадром, так что главное, что я запомнил из той ночи, – желание Саймона *быть там*, а для меня это все равно что встретить давно утраченного сиамского близнеца.

Во второй раз мы встретились через несколько лет, когда я после страшного дела Сюзан Смит⁴ в Южной Калифорнии отправился в этакий тур на тему Медеи, чтобы заложить основу романа «Страна свободы» (Freedomland). В Балтиморе произошла отдаленно похожая трагедия: белая мать двух девочек смешанного происхождения спалила собственный дом, пока

¹ Здесь и далее прим. пер. Ante mortem – «до смерти» (лат.). Post mortem – «после смерти», обычно относится к заключению патологоанатома или посмертным фотографиям.

² Дэймон Раньон (1880–1946) – американский журналист и автор рассказов, прославился описанием мира Бродвея в эпоху Сухого закона.

³ Родни Кинг (1965–2012) – чернокожий преступник. При задержании за вождение в нетрезвом виде и превышение скорости 2 марта 1992 года был избит полицейскими Лос-Анджелеса. Трое из четверых полицейских были оправданы, но из-за этого среди возмущенных черных сообществ после широкого освещения дела в СМИ поднялись бунты. В конечном счете двое полицейских были осуждены на тюремные сроки, двое оправданы, а Родни Кинг получил компенсацию в 3,8 млн долларов.

⁴ Сюзан Смит (1971) – американка, осужденная за утопление двух сыновей.

они спали. Предполагаемый мотив – убрать все преграды с пути ее истинной любви к новому парню, который, по ее словам, был не в восторге от перспективы занять двух дочек (сам он это впоследствии отрицал).

Дэвид, не слезая с телефона, свел меня со всеми основными лицами, которых только можно было опросить: с проводившими задержание детективами, парнем матери, втрое скорбящей бабушкой, арабом – хозяином магазинчика через улицу, куда мать прибежала якобы позвонить 911. (По словам хозяина, первым делом она позвонила своей матери.) С журналистской точки зрения у сюжета уже вышел срок годности, но Саймон, просто из желания помочь *мне*, все равно переключился в рабочий режим. Мне впервые пришлось успевать за уличным репортером как умственно, так и физически; вдобавок к сбору интервью мы еще безуспешно пытались не мытьем, так катаньем проникнуть за кордон копов, по-прежнему охранявших место преступления; не смутились из-за холодного приема и применили обходной маневр; зашли сзади и перелезли через забор, пока не оказались в почерневшем доме; поднялись по обгорелой лестнице в спальню, где девочки задохнулись дымом. И вот наконец мы стояли там – и это было как стоять в брюхе прозрачного тигра: мы не могли оторвать глаз от стен, потолка, пола, от оставленных пламенем обугленных полос. Гнетущий уголок ада.

Но вернемся к той первой ночи в Джерси-Сити. В какой-то момент до нас дошли слухи, что бунтующие натягивают на улице струну, чтобы обезглавить копов на мотоциклах, и Ларри Маллейну – тоже в прошлом мотоцикле, – пришлось сорваться и оставить нас. Мы оказались в одиночестве в полицейской машине без опознавательных знаков (каков оксюморон), я – за рулем, Саймон – на пассажирском. Маллейн дал на прощание совет: «Оставайтесь в движении – и если к вам кто-нибудь приблизится, дайте по газам со злобным видом». Так мы и делали, и тут встает вопрос, который давно меня мучает: писатели вроде нас – одержимые тем, чтобы записать в фактах и небылицах мелочи жизни в уличных окопах Америки, писатели, во многом зависящие от благорядия полиции, – неужто мы (ох черт...) фанаты копов?

И я пришел к такому ответу: да не больше, чем фанаты преступников или штатских. Просто мы неизбежно соперничаем любому, кто разрешает нам пожить в его шкуре, по какую бы сторону закона он ни находился, – по сути, становимся «сообщниками». Хотя это не так уж страшно, как можно подумать, покуда благодарственная мантра звучит так: погостив в твоей жизни, я, хроникер, отблагодарю тебя точным репортажем о том, что видел и слышал. А уж каким ты предстанешь – тут ты сам копаешь себе могилу или возводишь памятник своим образом жизни, так что удачи и спасибо за потраченное время.

Саймон невероятно подробно и ясно пишет о том, что работа детектива убойного отдела невозможна. Полиции приходится разбираться не только с трупом, но и с тем, что лежит на их плечах, то есть с целой иерархией начальников и их начальников – тяжким грузом бюрократического самосохранения. Несмотря на прогресс криминологии, который показывают в сериалах вроде CSI, временами кажется, что у детективов внизу пищевой цепочки есть в распоряжении только одна надежная наука – физика карьеризма, где один-единственный простой и надежный закон гласит: как только убийство попадет в газеты или заденет какой-нибудь политический нерв, достается всегда крайнему. И от лучших детективов – то есть тех, кто под огромным и бессмысленным давлением чаще других превращает красные имена на доске в черные, – веет как усталостью от жизни, так и заслуженной элитистской гордостью.

«Убойный отдел» – это дневник повседневности, мешанина из быта и библейского зла, где на каждой странице чувствуется готовность и страсть Саймона поглощать, переваривать, *быть там* и показывать всей остальной вселенной то, что он видит. Это любовь ко всему подряд перед глазами, неизбывная вера в красоту простой идеи: все, что происходит в реальном времени, и есть «истина» мира – вот как бывает, вот как все устроено, вот что говорят люди, как себя ведут, как не ведут, как отстраняются, оправдываются, где терпят неудачу, где прыгают выше головы, выживают, гибнут.

Еще у Саймона есть дар передавать огромность мелочей: легкое удивление в приоткрытых глазах свежего мертвеца, невыразимую поэзию брошенной вскользь глупости, физический балет бесцельности на углах улиц, неосознанный танец гнева, скуки и радости. Он документирует жесты, прискорбные ошибки, как буравят глаза, как поджимаются губы. Он записывает неожиданные любезности между врагами, кладбищенский юмор (якобы спасающий от безумия, бездушия или что там еще считается оправданием шуток о недавно убиенных), умопомрачительную дурость, из-за которой и совершается большинство убийств, стратегии выживания людей, находящихся в самых отчаянных обстоятельствах, которые просто хотят увидеть еще один день. Саймон доносит до нас, что улицы – сами по себе наркотик и для копов, и для уличных бойцов (а время от времени – и писателей). Здесь всех ломает без новой предсказуемой и все же неожиданной драмы, когда обе стороны вдруг приходят в движение, а оказавшиеся поблизости зеваки бросаются под окно спальни или во вроде бы пуленепробиваемую ванну – в тесноте, зато не под пулями. И раз за разом Саймон вдалбливает нам, что в мире очень мало черного и белого, зато серого – до черта.

«Убойный отдел» – это книга о войне, причем театр военных действий раскинулся от развалившейся блокированной застройки Восточного и Западного Балтимора до палат законотворения штата в Аннаполисе. Здесь не без иронии разоблачается, что игры за выживание на улицах – это отражение игр за выживание в ратуше, что все участники войны с наркотиками живут и умирают в цифрах: у одной стороны это килограммы, унции, граммы, колеса, прибыль; у другой – преступления, аресты, процент раскрываемости, сокращения бюджета. Эта книга – исследование муниципальной реалполитик посреди городского бунта в замедленном действии, и авторская рука уверенно указывает на скрытые в хаосе закономерности. Балтимор, по сути, и есть воплощение теории хаоса.

После успеха экранизации этой книги Саймон попробовал себя и в сценаристике – у него есть блестящий шестисерийный мини-сериал, основанный на следующей книге, «Угол» (The Corner, в соавторстве с Эдом Бернсом), и сериал, который не сериал, а прямо-таки целый русский роман, – «Прослушка» на НВО (The Wire). В этих проектах он срезает кое-какие углы, подгоняет истину под слегка искусственную стройность, чтобы ярче показать масштабные социальные проблемы. Но даже со всей творческой свободой Саймон по-прежнему выше всего ставит нюансы, постоянно исследует, как мельчайшие внешние поступки приводят к величайшим внутренним революциям – хоть в жизни одного человека со дна, хоть в духовном и политическом биоритме крупного американского города.

Я это все к тому, что если бы Эдит Уортон⁵ вернулась из мертвых, заразилась интересом к муниципальным политическим игрокам, копам, нарикам, жанру репортажа и не волновалась о том, в чем пойти на работу, то она бы, пожалуй, малость смахивала на Дэвида Саймона.

⁵ Эдит Уортон (1862–1937) – американская писательница, лауреат Пулитцеровской премии за роман «Эпоха невинности» 1920 года о высшем свете конца XIX века.

Действующие лица

Лейтенант Гэри Д'Аддарио

начальник смены

Сержант Терренс Макларни

начальник группы

Детектив Дональд Уорден

Детектив Рик Джеймс

Детектив Эдвард Браун

Детектив Дональд Уолтемейер

Детектив Дэвид Джон Браун

Сержант Роджер Нолан

начальник группы

Детектив Гарри Эджертон

Детектив Ричард Гарви

Детектив Роберт Боумен

Детектив Дональд Кинкейд

Детектив Роберт Макаллистер

Сержант Джей Лэндсман

начальник группы

Детектив Том Пеллегрини

Детектив Оскар Рйкер

Детектив Гэри Данниген

Детектив Ричард Фальтайх

Детектив Фред Черути

1

Вторник, 19 января

Вынув руку из теплого кармана, Джей Лэндсман приседает и берет мертвеца за подбородок, поворачивает голову, пока не показывается рана – маленькое овальное отверстие, откуда сочится красное и белое.

– Так вот же ваша проблема, – говорит он. – Мелкая протечка.

– Протечка? – подыгрывает Пеллегрини.

– Мелкая.

– Это не беда.

– Еще бы, – соглашается Лэндсман. – Сейчас даже продают такие наборы для домашнего ремонта...

– Как для шин.

– Точно, как для шин, – говорит Лэндсман. – Там и заплатка, и все, что может понадобиться. Вот если рана большая, как от 38-го, тут уже придется голову менять, ничего не попишешь. А это залатать – раз плюнуть.

Лэндсман поднимает глаза, и его лицо – сама озабоченность.

Господи ты боже мой, думает Том Пеллегрини, что может быть лучше расследования убийства на пару с шизиком. Ночь в сердце гетто, когда полдюжину патрульных смотрят, как их дыхание замерзает над очередным трупом, – самое то для винтажного Лэндсмана и его шуточек с непрошибаемо каменным лицом, пока уже даже местный начальник смены не хохочет в синем мерцании мигалок. Хотя, конечно, полуночную смену Западного района рассместить несложно; нельзя поехать в патрульной машине в Первом или Втором секторе и не приучиться к больному чувству юмора.

– Его кто-нибудь знает? – спрашивает Лэндсман. – Успели с ним поговорить?

– Какой там, – отвечает патрульный. – Он был «десять-семь» еще до нашего приезда.

Десять-семь. Полицейский код, означающий поломку, в безыскусном приложении к человеческой жизни. Красота. Пеллегрини улыбается, твердо зная: ничто в мире не сможет изменить настоящего копа.

– Карманы уже смотрели? – спрашивает Лэндсман.

– Нет пока.

– А где, блин, карманы-то?

– Гляньте на штанах под спортивным костюмом.

Пеллегрини наблюдает, как Лэндсман встает над телом, расставив ноги по сторонам от талии мертвеца, и свирепо стягивает треники. От его неуклюжих рывков тело сползает по тротуару на пару дюймов, оставляя там, где пробитый череп царапает асфальт, тонкую пленку спекшейся крови и мозга. Лэндсман запикивает мясистую ручищу в передний карман.

– На иголки не напоритесь, – говорит патрульный.

– Эй, – отвечает Лэндсман. – Если тут у кого-то и будет СПИД, никто в жизни не поверит, что это от какой-то сраной иголки.

Сержант достает руку из правого кармана мертвеца – и на тротуар высыпается мелочь где-то на доллар.

– В переднем кошелька нет. Будем ждать, когда тело перевернет медэксперт. Его же вызвали, да?

– Да, должен был выехать, – отзывается второй патрульный, заполняя верхнюю страницу протокола. – Сколько раз в него попали?

Лэндсман указывает на отверстие на голове, потом приподнимает плечо и демонстрирует рваную дырку в кожаной куртке мертвеца.

– Раз в голову, раз в спину, – Лэндсман замолкает, и Пеллегрини видит, как он снова делает каменное лицо. – Может, и больше.

Патрульный старательно записывает.

– Существует вероятность, – произносит Лэндсман профессорским тоном, – и вероятность немалая, что две пули вошли в одно и то же отверстие.

– Да ладно, – ведется патрульный.

Ну, одно слово – шизик. Ему вручили пистолет, значок и сержантские полоски и выпустили на улицы Балтимора – города, вдоволь нахлебавшегося насилия, грязи и отчаяния. Потом еще окружили хором из простофиль в голубой форме и разрешили играть роль одинокого блудного джокера, случайно попавшего в колоду. Джей Лэндсман, с кривой улыбкой и рябым лицом, заявляющий матерям преступников в розыске, что им не о чем волноваться, это всего лишь стандартный ордер на арест за убийство. Лэндсман, который оставляет пустые бутылки в столах других сержантов и не преминет случайно выключить свет в мужском туалете, когда там расположится старший по званию. Лэндсман, который, проехав с комиссаром полиции в лифте, выходит и жалуется, что какой-то сукин сын спер у него кошелек. Джей Лэндсман, который, еще будучи патрульным на Юго-Западе, парковался на Эдмондсон и Хилтон и доставал «радар», сделанный из коробки из-под овсянки «Квакер», обернутой фольгой.

– В этот раз отпускаю с предупреждением, – говорил он благодарным водителям. – И помните: только вы можете предотвратить лесные пожары.

И вот теперь, если только Лэндсман не сорвется и не заржет, в архив почтой департамента уйдет протокол за номером 88-7A37548, где указано, что жертве выстрелили один раз в голову и два раза – в спину, в одно и то же пулевое отверстие.

– Да не, слышь, шучу я, – говорит наконец Джей. – Пока еще ничего не ясно, вскрытие утром покажет.

Он переводит взгляд на Пеллегрини.

– Эй, Филлис, тело перевернет медэксперт.

Пеллегрини выдавливает слабую улыбку. Сержант звал его Филлис, начиная с того длинного дня в тюрьме на Райкерс-Айленде в Нью-Йорке, когда начальница отказалась подчиниться ордеру и отпустить заключенную под охрану двух балтиморских детективов-мужчин: по правилам в конвое должна быть минимум одна женщина. После продолжительных прений Лэндсман выпихнул вперед Тома Пеллегрини, грузного итальянца из семьи шахтера, родом из округа Аллегейни.

– Прошу любить и жаловать, Филлис Пеллегрини, – заявил Лэндсман, расписываясь за заключенную. – Это моя напарница.

– Здрасьте, – не смутился Пеллегрини.

– Вы не женщина, – сказала начальница.

– Но когда-то был.

В синем свете мигалок, отражающемся на бледном лице, Том Пеллегрини делает шаг, чтобы присмотреться к тому, что еще полчаса назад было двадцатилетним уличным дилером. Мертвец раскинулся на спине, ногами в придорожной канаве, руки частично разведены в стороны, головой на север, у боковой двери углового дома в ряду⁶. Темно-карие глаза застыли под прикрытыми веками в выражении смутного узнавания, распространенного у скончавшихся недавно и внезапно. Это не ужас, не ступор и даже не страдание. Чаще всего послед-

⁶ Для Балтимора характерна блокированная жилая застройка, поэтому большинство домов находится в рядах и называются rowhouses.

нее выражение лица убитого напоминало изумленного школьника, которому только что объяснили логику простого уравнения.

– Если у тебя здесь все схвачено, – говорит Пеллегрини, – я перейду улицу.

– А что такое?

– Ну...

Лэндсман подходит поближе, и Пеллегрини понижает голос, словно само предположение, что у этого убийства может быть свидетель, – постыдная демонстрация оптимизма.

– В дом на той стороне зашла женщина. Первым патрульным на месте происшествия сказали, что она была на улице, когда начали стрелять.

– Она все видела?

– Ну, вроде как она кому-то рассказала, что это были трое черных в темной одежде. После стрельбы они убежали на север.

Мелочь, и Пеллегрини так и читает мысли сержанта: трое йо в черном – да уж, сузили, на хрен, круг подозреваемых до половины города. Лэндсман неопределенно кивает, и Пеллегрини идет через Голд-стрит, осторожно обходя ледяные лужицы на перекрестке. Сейчас ночь, полвторого, температура – сильно ниже нуля. На середине улицы детектива застигает бодрящий ветер, пробираясь под пальто. На той стороне Эттинг-стрит в честь такого события собрались местные – молодые парни и подростки, которые по-бандитски жестикулируют, наслаждаются внезапным развлечением и силятся разглядеть лицо мертвеца на той стороне. Они шутят и шепчутся, но даже самым младшим хватает соображения замолкнуть и отвести глаза при первом же вопросе патрульного. А какой смысл поступать иначе? Мертвеца через полчаса положат на стол медэкспертизы на Пенн-стрит, патрули с Запада будут попивать кофе в «7-элевен» на Монро-стрит, а барыги – снова толкать синие колеса на этом богом забытом перекрестке Голд и Эттинг. Что сейчас ни скажи, ничего из вышеперечисленного не изменится.

Толпа пронзает Пеллегрини глазами, как умеют только угловые пацаны⁷ с западной стороны, пока он переходит улицу к крашеному каменному крыльцу и три раза коротко стучит в деревянную дверь. В ожидании ответа детектив смотрит, как на запад по Голд катит мятый «бьюик», неторопливо проезжая мимо. Пеллегрини оборачивается и провожает его взглядом еще пару кварталов на запад, до углов Брант-стрит, где уже возобновила работу ватага бегунов и зазывал⁸, толкая героин и кокаин на почтительном расстоянии от места убийства. «Бьюик» включает задние фары, и от угла отделяется одинокая фигура, наклоняется к окну водителя. Бизнес есть бизнес, и рынок Голд-стрит никого не ждет – уж точно не дохлого дилера через улицу.

Пеллегрини снова стучит и подходит ближе к двери, прислушиваясь к движению внутри. Сверху доносится сдавленный звук. Детектив медленно выдыхает и барабанит до тех пор, пока в следующем доме в ряду, в окне второго этажа, не показывается девочка.

– Привет, – говорит Пеллегрини, – полиция.

– Ага.

– Не знаешь, это тут живет Кэтрин Томпсон?

– Да, тут.

– Она дома?

– Наверно.

Наконец в ответ на тяжелый грохот наверху загорается свет, внезапно и резко поднимают окно. На улицу над подоконником высовывается крупная женщина средних лет – полностью одетая, замечает детектив, – и буравит взглядом Пеллегрини.

⁷ Corner boys (букв. «парни с углов») – балтиморский сленг, обозначающий группу молодых наркочилеров, торгующих на перекрестках.

⁸ Зазывалы (tout) на балтиморском сленге – те, кто принимает заказ у клиента, затем отправляет его с бегуном (runner) для передачи в другом месте, чтобы усложнить работу полиции.

- Кого там черт принес в такой час?
- Миссис Томпсон?
- Да.
- Полиция.
- Поли-иция?

Господи, думает Пеллегрини, а с чего еще белому мужику в тренчкоте быть на Голд-стрит после полуночи? Он достает и показывает значок.

- Можно с вами поговорить?
- Нет, нельзя, – отвечает она нараспев настолько внятно и громко, чтобы слышала толпа через улицу. – Мне вам сказать нечего. Тут люди спят, а вы долбитесь в дверь в такое время.
- Значит, вы спали?
- Я не обязана говорить, что делала.
- Мне нужно поговорить с вами о стрельбе.
- А мне нечего вам сказать.
- Там человек умер...
- Я знаю.
- Мы ведем следствие.
- И?

Том Пеллегрини с трудом подавляет желание затащить эту тетку в автозак и прокатить по всем колдобинам на пути к штабу. Вместо этого он сурово смотрит на нее и говорит свое последнее слово лаконичным тоном, выдающим только усталость.

- Я ведь могу вернуться с повесткой большого жюри⁹.
- Ну и возвращайтесь со своей чертовой повесткой. А то ходите в такое время ночи и говорите, что я должна что-то рассказать, когда я вовсе даже не хочу.

Пеллегрини сходит с крыльца и смотрит на синее мерцание мигалок. У тротуара уже встал фургон из морга – «дожд» с тонированными стеклами, – но пацаны на каждом углу теперь смотрят через улицу на то, как эта женщина четко дает понять детективу, что ни при каких обстоятельствах не пойдет свидетельницей убийства из-за наркотиков.

- Это же ваш район.
- Вот именно, – говорит она и захлопывает окно.

Пеллегрини чуть качает головой, затем переходит улицу обратно – как раз вовремя, чтобы увидеть, как криминалисты из фургона переворачивают тело. Из кармана куртки достают наручные часы и ключи. Из заднего кармана штанов – удостоверение. Ньюсом, Рудольф Майкл, мужчина, черный, дата рождения 02.05.61, адрес – 2900 по Аллендейл.

Лэндсман стягивает с рук белые резиновые перчатки, бросает в канаву и смотрит на своего детектива.

- Есть что? – спрашивает он.
- Нет, – отвечает Пеллегрини. Лэндсман пожимает плечами.
- Тогда я рад, что этот достался тебе.

На точеном лице Пеллегрини мелькает слабая улыбка – он принимает за утешительный приз веру сержанта в его силы. Том Пеллегрини проработал в убойном меньше двух лет, но его уже повсеместно считают самым трудолюбивым сотрудником в бригаде сержанта Джея Лэндсмана из пятерых человек. А сейчас это немаловажно, ведь они оба знают, что тринадцатое убийство 1988 года в Балтиморе, зарегистрированное под конец полуночной смены на углу Голд и Эттинг, – совершенно дохлый номер: убийство из-за наркотиков, без известных свидетелей, без конкретного мотива и без подозреваемых. Возможно, единственного человека во

⁹ Большое жюри – в США коллегия присяжных заседателей, которая определяет обоснованность и целесообразность предъявления кому-либо официальных обвинений для дальнейшей передачи дела в суд.

всем Балтиморе, который мог бы проявить хоть какой-то интерес к распутыванию этого дела, как раз упаковывают в мешок. Позже, утром, брат Руди Ньюсома опознает его с порога «холодильника» напротив прозекторской, но после этого пользы от родственников будет немного. В утренней газете о происшествии не напечатают ни слова. Жизнь района – ну или того подобия района, что еще осталось у Голд и Эттинг, – пойдет своим чередом. Западный Балтимор, родина убийств небольшой тяжести.

Все это, конечно, не говорит о том, что в группе Лэндсмана никто не потормошит убийство Руди Ньюсома. Полицейский департамент живет статистикой, и за раскрытие дела – любого – детектива всегда вызовут за дополнительную плату в суд и погладят по головке. Но Пеллегрини играет в эти игры ради чего-то большего: он все еще что-то себе доказывает, все еще голоден до опыта, свеж и полон сил. Лэндсман видел, как он раскручивает убийства, о которых вроде бы ничего нельзя было узнать. Дело Грина из проджекта¹⁰ Лафайет-Корт. Или стрельба перед «Оделлом» на Норт-авеню, где Пеллегрини бродил по раздолбанной подворотне и копался в мусоре, пока не нашел пулю 38-го калибра, закрывшую дело. Больше всего Лэндсмана поражает, что Том Пеллегрини, ветеран с десятилетним стажем в органах, перешел в убойный из службы безопасности мэрии через пару недель после того, как мэр победил в праймериз демократов и стал верным фаворитом в губернаторы. Проще говоря, это было политическое назначение, спущенное от самого замкомиссара по вопросам правоприменения, – как будто Пеллегрини благословил сам губернатор. В убойном все считали, что новенький выставит себя полным клоуном месяца за три.

– Ну, – говорит Пеллегрини, втискиваясь за руль «шеви кавалер» без опознавательных знаков, – пока что все неплохо.

Лэндсман смеется.

– Раскроем на раз-два, Том.

Пеллегрини бросает на него взгляд, который сержант подчеркнуто игнорирует. «Кавалер» минует квартал за кварталом гетто, едет по Друид-Хилл-авеню до пересечения с бульваром Мартина Лютера Кинга, где Западный район уступает место утреннему запустению в центре города. Не видать даже алкашей на скамьях Говард-стрит – все из-за холода. Пеллегрини замедляется, потом без проблем проезжает все перекрестки, но все-таки натывается на красный на Лексингтон и Калверт, в паре кварталов от штаба, где из подъезда угловой конторы их незаметно манит одинокая шлюха – явный транс. Лэндсман угорает. Пеллегрини удивляется, как проститутка в этом городе может не знать, что предвещает «шеви кавалер» с пятнадцатисантиметровой антенной на жопе.

– Ты только глянь на этого красавца, – говорит Лэндсман. – Давай тормознем и поестемся.

Машина замедляется и сворачивает на обочину. Лэндсман опускает окно со своей стороны. Лицо шлюхи – жесткое, мужиковатое.

– Сэр?

Шлюха отворачивается в немой ярости.

– Мистер! – кричит Лэндсман.

– Я не мистер, – отвечает шлюха, возвращаясь на свой угол.

– Сэр, у вас не найдется пара минут?

– Иди на хер.

Лэндсман злорадно хохочет. Пеллегрини знает, что однажды сержант ляпнет глупость кому не следует – и полгруппы будет еще неделю писать рапорты.

– По-моему, ты задел его чувства.

¹⁰ Проджекты – муниципальные жилкомплексы для рабочего класса, которые в США с 60-70-х стали ассоциироваться с черными гетто.

– Ну, – говорит Лэндсман, отсмеиваясь, – я же не хотел.

Через пару минут они сдают задом во второй ряд в полицейском гараже. Внизу той же страницы, где указаны детали смерти Руди Ньюсома, Пеллегрини записывает номер парковочного места и пробег со спидометра, потом обводит. В этом городе убийства приходят и уходят, но не дай бог тебе не указать в ведомости правильный пробег или того хуже – забыть отметить парковочное место, чтобы следующий коп пятнадцать минут ходил по гаражу и гадал, к какому же «кавалеру» подходит ключ зажигания у него в руке.

Пеллегрини идет за Лэндсманом по гаражу и через металлическую тяжелую дверь – в коридор второго этажа. Лэндсман вызывает лифт.

– Интересно, что там у Фальтайха на Гейтхаус-драйв.

– Там же мокруха? – спрашивает Пеллегрини.

– Ага. Судя по рации, типа того.

Лифт медленно поднимается и выпускает их в другой, похожий длинный коридор с начищенным линолеумом и по-больничному голубыми стенами, и Пеллегрини следует за сержантом. Из аквариума – звуконепроницаемой комнаты из металла и стекла, где ждут допроса свидетели, – доносится тихий женский смех.

Слава тебе Господи. Сие есть свидетельницы фальтайховской перестрелки на другом конце города – дарованные небесами живые свидетельницы из плоти и крови с четырнадцатого убийства этого года. Ну, думает Пеллегрини, хоть кому-то в группе сегодня повезло.

Голоса в аквариуме затихают позади. Перед тем как повернуть за угол в отдел, Пеллегрини заглядывает в боковую дверь темного аквариума и замечает оранжевое свечение сигареты и силуэт ближайшей к двери девушки. Видит ожесточенное лицо, твердые, как гранит, темно-коричневые черты, глаза, в которых читается лишь закаленное презрение. Но формы офигительные: красивая грудь, ножки ничего, желтая мини-юбка. Кто-нибудь уже наверняка бы подкатил, если бы не ее настрой.

Превратно приняв случайный взгляд за настоящую возможность, девушка небрежно выходит из аквариума к двери офиса, тихонько стучит по металлическому косяку.

– Можно позвонить?

– С кем собралась говорить?

– Машину вызвать.

– Нет, рано еще. После допроса.

– А машина?

– Тебя подвезет кто-нибудь из патрульных.

– Я уже час здесь сижу, – говорит она, скрещивая ноги в дверном проеме. У нее лицо дальнобойщицы, но все же она старается как может. Впрочем, Пеллегрини не впечатлен. Он видит, как Лэндсман лукаво улыбается ему с другого конца кабинета.

– Мы постараемся подойти как можно быстрее.

Оставив всякие надежды на соблазнение, она возвращается к подружке на зеленый виниловый диван в аквариуме, снова скрещивает ноги и закуривает новую сигарету.

Она здесь потому, что ей не повезло оказаться в полуподвале многоквартирника Пернелл-Виллидж на Гейтхаус-драйв, где ямайский наркодилер Кэррингтон Браун принимал в гостях коллегу по имени Рой Джонсон. Предварительные ласки, пара обвинений с переливчатым вест-индским акцентом, а потом – продолжительная пальба.

Дика Фальтайха – лысеющего коротышку и ветерана бригады Лэндсмана – вызвали спустя пару минут после того, как диспетчер отправил Пеллегрини с сержантом на Голд-стрит. По прибытии Фальтайх обнаружил в гостиной мертвого Роя Джонсона с более чем десятком пулевых отверстий во всех возможных частях тела. А хозяин квартиры, Кэррингтон Браун, как раз направлялся в реанимацию Университетской больницы с четырьмя ранениями в грудь. Там же были обнаружены дырки в стенах, дырки в мебели, гильзы от автоматического пистолета

девятимиллиметрового калибра и дамы в истерике. Следующие пять часов Фальтайх с двумя криминалистами будет собирать улики на месте.

А значит, именно Лэндсману с Пеллегрини остается сортировать свидетелей, отправленных в центр. Начинается опрос довольно рассудительно и спокойно: детективы по очереди отводят каждую свидетельницу в отдельный офис, заполняют форму с их данными, записывают показания на нескольких страницах и дают на подпись. Рутинная и однообразная работа; только за прошлый год Пеллегрини опросил, наверное, пару сотен свидетелей: многие – вралы, все – не желали сотрудничать.

Через полчаса процесс резко переходит во вторую стадию, более интенсивную, когда разъяренный Лэндсман швыряет четыре страницы показаний на пол заднего офиса, грохает рукой по столу и кричит, чтобы эта телка в желтой мини-юбке тащила свою стремную лживую наркоманскую задницу отсюда на хрен. Что ж, думает Пеллегрини, слушая с другого конца коридора, Лэндсман вообще долго тянуть не любит.

– ЛЖИВАЯ ТЫ СУКА, – орет Лэндсман, хлопнув дверью о резиновый упор. – ТЫ МЕНЯ ЗА ДЕБИЛА ПРИНИМАЕШЬ? Я, БЛЯТЬ, ПО-ТВОЕМУ, ДЕБИЛ?

– Да где я вру-то?

– Все, вали отсюда. Наговорила себе на обвинение.

– За что?

Лицо Лэндсмана искажается в чистейшем гневе.

– ТЕБЕ ЭТО ЧТО, ИГРЫ, ЧТО ЛИ? ИГРЫ?

Девушка молчит.

– Я только что тебя привлек, сука лживая.

– Да я не врала.

– Пошла ты. Привлеку за ложные показания.

Сержант указывает ей на маленькую допросную, где она падает на стул и вытягивает ноги под пластмассовым столом. Мини-юбка задирается, но Лэндсман сейчас не в том настроении, чтобы оценить, что под юбкой у нее ничего нет. Уходя, он сначала оставляет дверь приоткрытой и кричит Пеллегрини через всю инструктажную.

– НА НЕЙТРОН ЭТУ СУКУ, – и только потом закрывает звуконепроницаемую дверь в малую допросную, оставляя девушку гадать, что за технологические пытки ее теперь ждут. Нейтронно-активационный анализ – всего лишь безболезненный мазок с рук для определения наличия бария и антимония – продуктов выстрела, но Лэндсман хочет, чтобы она мариновалась в этой коробчонке и думала, будто ее будут облучать, пока она не засветится от радиации. Напоследок сержант для пущей важности бьет ладонью по металлической двери, но, когда входит в главный офис, гнева уже и след простыл. Театральная постановка со вкусом и правдоподобием – снова-таки винтажный Лэндсман, – для лживой суки в желтой мини-юбке.

Пеллегрини выходит из комнаты отдыха и закрывает за собой дверь.

– Что говорит твоя?

– Ничего не видела, – отвечает Пеллегрини. – Но сказала, что твоя в курсе.

– Да я, блин, знаю, что в курсе.

– И что будешь делать?

– Пока возьму показания у твоей, – говорит Лэндсман, стрельнув сигарету у детектива. –

А эта пусть посидит, потом вернусь ей мозги трахать.

Пеллегрини уходит обратно в комнату отдыха, а Лэндсман падает на стул за столом. Из уголка рта тянется сигаретный дым.

– Ну на хер, – произносит Джей Лэндсман в пустоту. – Ебал я два открытых дела в одну ночь.

И безыскусный ночной балет возобновляется – свидетельницы сменяют друг друга под выцветшим светом флуоресцентных ламп, каждая – в сопровождении усталого бесстрастного

детектива, прижимающего к груди черный кофе и стопку пустых форм для записи следующего раунда полуправд. Страницы скрепляются и подписываются, одноразовые стаканчики наполняются вновь, сигареты переходят из рук в руки, пока детективы не собираются в инструктажной вновь, чтобы сравнить показания и решить, кто врёт, кто врёт еще больше и кто совсем заврался. Еще через час вернется после посещения места преступления и больницы Фальтайх и принесет достаточно подробностей, чтобы поручиться за единственную честную свидетельницу, привезенную той ночью в центр: за девушку, которая шла через парковку и узнала одного из двух стрелков, когда тот вошел в квартиру. Она знает, чем чревато проболтаться об убийстве из-за наркотиков, и уже вскоре пожалеет, что столько наговорила Фальтайху на месте преступления. Немедленно отправленная в центр, она находится отдельно от остальных лиц из квартиры и попадает на допрос к Лэндсману и Фальтайху только после того, как детектив возвращается с Гейтхаус-драйв. Стоит им сказать о показаниях перед большим жури, как она резко мотает головой:

– Не могу, – говорит и заливается слезами.

– Тут без вариантов.

– Мои дети...

– Мы проследим, чтобы с ними ничего не случилось.

Лэндсман и Фальтайх выходят, чтобы тихо переговорить в коридоре.

– Да она в ужасе, – говорит Лэндсман.

– Неужто.

– Завтра же первым делом с утра тащим ее к большому жури, пока она не дала заднюю.

– Еще ее надо держать отдельно от остальных, – говорит Фальтайх, указывая на свидетельниц в аквариуме. – Не хочу, чтобы они ее запомнили.

К утру у них будет кличка и описание исчезнувшего стрелка, а к концу недели – имя, фамилия, номер личного дела, фото в анфас и профиль и адрес родственников в Северной Каролине, которые его укрывают. Еще неделя – и пацан уже снова в Балтиморе, схлопотал обвинение в убийстве первой степени¹¹ и незаконном хранении оружия.

История убийства Роя Джонсона brutalна в своей простоте и проста в своей brutalности. Стрелок – Стэнли Гвинн, восемнадцатилетний круглолицый паренек, служивший телохранителем Джонсона, нью-йоркского поставщика кокаина, который вооружил своего преданного подчиненного пистолетом-пулеметом «Ингрэм МАК-11» девятимиллиметрового калибра. Джонсон пришел в квартиру на Гейтхаус-драйв, потому что Кэррингтон Браун задолжал ему за кокаин, а когда Браун отказался платить, Гвинн закончил переговоры долгим залпом из «Ингрэма», выпускающего шесть пуль в секунду.

Импульсивное, неуклюжее нападение – чего еще ожидать от подростка. И настолько очевидное, что Кэррингтону Брауну с лихвой хватило времени схватить Роя Джонсона и прикрыться им. Не успел Стэнли Гвинн осознать происходящее, как уже изрешетил того, кого был нанят охранять. Первоначальная цель, Кэррингтон Браун, истекал кровью от четырех пуль, которые каким-то чудом пробили мертвеца, и Стэнли Гвинн – позже признавший вину в убийстве второй степени и получивший двадцать пять лет – в панике скрылся из многоквартирника.

Когда детективы дневной смены приходят пораньше, в 6:30, дело Н88014 об убийстве Роя Джонсона уже лежит в аккуратном манильском конверте на столе административного лей-

¹¹ Согласно Своду законов США тяжкие убийства делятся на первую и вторую степень. Убийство первой степени – неправомерное убийство, совершенное со злым умыслом (тяжкое убийство, совершенное путем отравления, из засады или другое умышленное, заранее обдуманное, злостное или предумышленное убийство или убийство, осуществленное при совершении или попытке совершения поджога, побега, тяжкого убийства, похищения, измены, шпионажа, саботажа, отягченного сексуального насилия или сексуального насилия, жестокого обращения с детьми, кражи со взломом или грабежа, или совершенное как часть систематического насилия или пыток в отношении детей, или совершенное незаконно и злонамеренно с целью смерти любого человека (кроме самого виновного лица)). Все остальные убийства относятся ко второй степени.

тенанта¹². Через час Дик Фальтайх отправляется домой быстренько принять душ, чтобы потом вернуться на вскрытие. Лэндсман будет в постели уже к восьми утра.

Но когда в окна шестого этажа просачивается солнечный свет и доносится шум утреннего часа пик, ошметки Н88013 – убийства на Голд и Эттинг – так и лежат перед Томом Пеллегрини, этим упитым кофе призраком, что пустыми глазами таращится на протокол первого патрульного, дополнительные данные, квитанции по вещдокам, отчет о приеме тела и отпечатки пальцев Рудольфа Ньюсома. Плюс-минус какие-то пятнадцать минут – и это Пеллегрини бы выехал на Гейтхаус-драйв, где поджидали живая жертва и живые свидетели, готовые добавить убийство в список раскрытых. Но попал Пеллегрини на Голд и Эттинг, где на него с внезапным немым пониманием уставился двадцатилетний мертвец. Лотерея.

После отъезда Лэндсмана Пеллегрини еще десять часов ковыряет эту катастрофу по краям – организует материалы, звонит помощнику прокурора штата, чтобы выписать повестку на слушание большого жюри для Кэтрин Томпсон, передает личные вещи жертвы в отдел вещественных доказательств в подвале штаба. Тем же утром патрульный Западного района звонит в отдел по расследованию убийств насчет уличного пацана-наркодельца, которого взяла полуночная смена и который якобы что-то знает о стрельбе на Голд-стрит. Похоже, он готов заговорить, если ему снизят залог в связи с обвинением в обороте наркотиков. Пеллегрини допивает пятую чашку кофе и едет в Западный, чтобы взять короткое показание у пацана, якобы видевшего, как после стрельбы трое мужчин убежали с Голд-стрит на север. Он говорит, что знает одного, но только по имени Джо: заявление довольно конкретно, чтобы соответствовать истинным событиям, но при этом расплывчато настолько, чтобы не принести никакой пользы. Пеллегрини спрашивает себя, правда ли парень там был – или наслушался об убийстве на Голд-стрит за ночь в обезьяннике и постарался грамотно обернуть сведения себе на пользу, чтобы отделаться от обвинений.

Вернувшись в отдел, детектив подшивает его показания к делу Н88013, а папку подкладывает под дело Роя Джонсона на столе административного лейтенанта, который заступил на смену с восьми до четырех часов и теперь уже уехал домой. Сначала хорошие новости, потом плохие. Затем Пеллегрини отдает ключи от «кавалера» детективу на смене с четырех до полуночи и едет домой. Время – чуть позже семи вечера.

Через четыре часа он возвращается на полуночную смену и кружит, как мотылек, у красного огонька кофемашины. Несет полную чашку в инструктажную, где до него начинает доебываться Лэндсман.

- Привет, Филлис.
- Привет, сержант.
- Раскрыл уже дело, да?
- Мое?
- Да.
- Это какое именно?
- Свежее, – говорит Лэндсман. – С Голд-стрит.
- Ну, – медленно произносит Пеллегрини, – уже готов выписывать ордер.
- Ну прям?
- Ну прям.
- Хм-м-м, – Лэндсман выпускает сигаретный дым в телеэкран.
- Но есть один нюанс.
- Это какой же? – спрашивает сержант уже с улыбкой.
- Не знаю, на кого.

¹² Административный лейтенант в иерархии американской полиции занимается офисной политикой. Лейтенант смены руководит группами детективов.

Лэндсман смеется, тут же закашлявшись от сигаретного дыма.

– Не парься, Том, – говорит он наконец. – Раскроем.

Такая работа:

Сидишь за казенным металлическим столом на шестом этаже из десяти, в поблескивающей стальной душегубке с хреновой вентиляцией, нерабочим кондиционером и таким количеством асбеста, что хватит на полный огнеупорный костюм для самого дьявола. Трескаешь пищу за два пятьдесят по акции, бутерброды с итальянской колбасой и запиваешь горячим кофе от «Марко» на Эксетер-стрит, глядя повторы «Гавайи 5-0» на общем девятнадцатидюймовом телевизоре с непослушной синхронизацией строк. Берешь трубку только на втором-третьем звонке, потому что Балтимор сэконобил на телефонном оборудовании, и новая система не столько звонит, сколько издает металлическое блеяние. Если на том конце провода диспетчер, записываешь адрес, время и его номер на отрывном блокноте или старых погашенных квитках из ломбарда размером 7 на 12 дюймов.

Потом выклянчиваешь или вымениваешь ключи от одного из полудюжины «шевроле кавалеров» без опознавательных знаков, берешь пушку, блокнот, фонарик, белые резиновые перчатки и едешь по адресу, где, скорее всего, стоит полицейский в форме над остывающим телом.

Смотришь на тело. Смотришь на тело так, будто это какое-то произведение абстрактного искусства, глазеешь со всех мыслимых точек зрения в поисках глубокого смысла и текстуры. Почему, спрашиваешь себя, здесь это тело? О чем автор умолчал? Что внес? Что хотел нам донести? Какого хрена не так на этой картинке?

Ищешь причины. Передоз? Сердечный приступ? Огнестрельные ранения? Порезы? Это вон там, на левой руке – раны, полученные в попытке защититься? А украшения? А кошелек? Карманы вывернуты? Трупное окоченение? Трупные пятна? Почему есть кровавый след, почему брызги направлены в сторону от тела?

Обходишь место преступления по краям в поисках пуль, гильз, брызг крови. Просишь патрульного опросить всех в домах и заведениях поблизости – или, если хочешь, чтобы это было сделано хорошо, обходишь сам, задавая те вопросы, которые, возможно, патрульному в жизни в голову не придут.

А потом бросаешь на это весь свой арсенал в надежде, что хоть что-нибудь – что угодно – сработает. Криминалисты забирают оружие, пули и гильзы на баллистическую экспертизу. Если ты в помещении, просишь снять отпечатки с дверей и ручек, с мебели и столовых приборов. Осматриваешь тело и непосредственное окружение на предмет волос или волокон ткани – на тот редкий случай, если трасологическая лаборатория поможет раскрыть дело. Ищешь другие странные признаки – все, что не соответствует окружению. Если что-то бросается в глаза – пустая наволочка, брошенная банка из-под пива, – просишь упаковать на экспертизу и их. Потом просишь измерить ключевые расстояния и сфотографировать место преступления со всевозможных ракурсов. Сам зарисовываешь в своем блокнотике: жертва – палка-палка-огуречик, расположение всей мебели и всех найденных улик.

Исходя из того, что приехавшим патрульным хватило мозгов схватить всех, кто попался под руку, и отправить в центр, возвращаясь в офис и обрушиваешь на обнаруживших тело всю уличную психологию, какую только знаешь. Повторяешь то же самое с теми, кто знал жертву, сдавал ей комнату, взял на работу, трахался, ссорился или ширялся с жертвой. Они врут? Ну естественно врут. Все врут. Они врут больше обычного? Наверняка. А почему? Совпадает ли их полуправда с тем, что ты узнал на месте преступления, или это полная и безоговорочная брехня? На кого наорать первым? На кого наорать громче? Кому угрожать привлечь за соучастие? Кто выслушает речь о том, что может пойти либо свидетелем, либо подозреваемым? Кому подкинуть оправдание – Выход – предположение, что несчастного засранца и правда надо было убить, что в их обстоятельствах его убил бы любой, что они убили засранца

только из-за провокации, что они не хотели и это вышло случайно, что они стреляли только в целях самообороны?

Если все пройдет удачно, закроешь кого-нибудь в ту же ночь. Если не так удачно, берешь все, что узнал, и разрабатываешь перспективные направления, распыляешь факты в надежде, что какой-нибудь поддастся. Когда ничего не поддается, ждешь пару недель, пока из лаборатории не придут подтверждения по баллистике, волокнам или сперме. Когда результаты отрицательные, ждешь звонка. А если нет и звонка, вздыхаешь и снова даешь умереть чему-то внутри. Потом идешь за стол, ждешь нового вызова диспетчера, который рано или поздно отправит тебя смотреть на очередное тело. Потому что в городе, где в год происходит 240 убийств, тело будет всегда.

Телевизор подарил нам миф об энергичном преследовании, бешеной погоне, но на самом деле так не бывает; даже если бы и было, то «кавалер» загнулся бы уже через десяток кварталов, и тебе бы пришлось писать объяснительную по форме 95, уважительно перечисляя старшему по званию причины, почему ты загнал городское четырехцилиндровое ведро до смерти. И драк не бывает, и перестрелок не бывает: славные деньки рукопашной во время бытовухи или пары выстрелов в разгар ограбления заправки закончились, когда ты перевелся из патруля в центр. Убойный приезжает, когда уже все полегли, и детективу перед выездом приходится напоминать себе прихватить 38-й калибр из верхнего правого ящика. И уж точно не бывает тех идеальных мгновений правосудия, когда детектив – научный волшебник с зорким глазом – наклоняется к пятнышку на окровавленном ковре, находит яркий рыжий волос белого мужчины, собирает подозреваемых в изящном салоне и объявляет, что дело раскрыто. Сказать по правде, в Балтиморе вообще с изящными салонами плоховато; а если бы их и было больше, даже лучшие детективы признают, что в девяноста случаях из ста расследование спасает поразительная предрасположенность убийц к дилетантству или, по крайней мере, заметной ошибке.

Чаще всего убийца оставляет живых свидетелей или даже сам хвастается о преступлении. Удивительно часто из убийцы – особенно незнакомого с системой уголовного правосудия – можно хитростью вытянуть чистосердечное в допросной. В редком деле скрытый отпечаток со стакана или рукоятки ножа совпадает с чьей-нибудь карточкой в компьютере «Принтрак», но большинство детективов могут пересчитать дела, раскрытые лабораторией, по пальцам одной руки. Хороший коп едет на место преступления, собирает все возможные улики, говорит с правильными людьми и, если повезет, находит вопиющие промахи убийцы. Но для этого достаточно таланта и инстинкта.

Если все сойдется, какому-нибудь невезучему гражданину достанутся серебристые браслеты и поездка на автозаке в тесную камеру Балтиморской городской тюрьмы. Там он сидит, пока дату судебного заседания откладывают на восемь, десять или столько месяцев, сколько нужно, чтобы твои свидетели два-три раза изменили показания. Затем тебе звонит помощник прокурора, готовый любой ценой не уронить уровень осуждаемости ниже среднего, чтобы в будущем устроиться в юридическую контору выше среднего. Он тебя заверяет, что это самое слабое обвинительное заключение, какое он только имел несчастье видеть, настолько слабое, что ему не верится, что его одобрило большое жюри, и не мог бы ты, пожалуйста, собрать тот безмозглый скот, который зовешь свидетелями, и привезти на досудебный опрос, потому что вообще-то дело идет в суд уже в понедельник. Если, конечно, он до этого не уговорит адвоката на сделку об убийстве по неосторожности и пятерке условно.

Если по делу не будет сделки, отказа и приостановки на неопределенный срок, если по какому-то внезапному благоволению судьбы его будет слушать суд присяжных, тебе представится возможность сесть на свидетельскую скамью и пересказать под присягой факты дела – недолгий миг в лучах славы, который быстро помрачнеет с появлением вышеупомянутого адвоката. В худшем случае он обвинит тебя в вопиющем нарушении, а в лучшем – в настолько некомпетентном ведении следствия, что настоящему убийце позволили сбежать на свободу.

Когда обе стороны громко обсудят факты, двенадцать присяжных заседателей, отобранных из компьютерных баз зарегистрированных избирателей в городе с одним из самых низких уровней образования в Америке, отправятся в отдельную комнату и начнут орать. Если этим милым людям удастся преодолеть природное нежелание заниматься коллективным осуждением, может случиться и так, что они в самом деле признают одного человека виновным в убийстве другого. Тогда ты сможешь пойти в паб «Шер» на Лексингтон и Гилфорд, где все тот же помощник прокурора, если в нем есть хоть что-то человеческое, поставит тебе бутылочку домашнего пива.

И ты его выпьешь. Потому что в департаменте полиции с тремя сотнями душ ты – один из тридцати шести сотрудников, уполномоченных расследовать самое серьезное преступление: лишение человеческой жизни. Ты говоришь от лица мертвых. Ты несешь возмездие за ушедших. Может, платят тебе из налогов, но твою мать, после шести бутылок пива ты уже можешь себя убедить, что работаешь на самого Господа Бога. Если ты не так уж хорош, через год-другой ноги твоей здесь не будет – переведут в другой конец коридора: в отдел розыска беглецов, автоугонов или мошенничества. Если ты хорош, то тебе уже не найти в органах ничего важнее. Убойный – это высшая лига, главный ринг, гвоздь программы. И так было всегда. Когда Каин грохнул Авеля, Большой Босс послал возбуждать дело не парочку зеленых патрульных. Ни хрена – он послал, сука, детектива. И будет так всегда, потому что убойный отдел любого города уже много поколений является ареалом обитания особо редкого вида: думающего копа.

Это измеряется не корочками из вузов, не особой подготовкой и не умными книжками, потому что вся теория мира ничего не значит, если ты не умеешь читать улицу. Но и этого мало. В каждом гетто найдутся престарелые патрульные, которые знают все то же, что и человек из убойного, но все-таки проводят жизнь в помятой машине, ведут собственные битвы по восемь часов подряд и переживают о преступлении только до следующей смены. Хороший детектив начинается с хорошего патрульного, бойца, который годами расчищает уличные углы и останавливает на дорогах машины, разбирает бытовые драки и проверяет черные ходы на складах, пока городская жизнь не станет для него второй натурой. И дальше этот детектив оттачивает навыки во время работы в штатском – в отделе ограблений, наркотиков или угонов, – пока не поймет, что такое наружка, как использовать информатора, а не быть использованным им, как писать вменяемый ордер на обыск. И, конечно, есть специализированная подготовка – солидная база в криминологии, патологической анатомии, уголовном праве, дактилоскопии, волокнах ткани, типах крови, баллистике и ДНК. Еще хорошему детективу необходимо так набить голову фактами из существующей полицейской базы данных – аресты, тюремные сроки, регистрация оружия, технические характеристики транспорта, – что хоть сдавай госы по информатике. Но при всем этом у хорошего детектива есть что-то еще, что-то внутри, инстинктивное. В каждом хорошем детективе сидят скрытые механизмы – компасы, которые в кратчайшие сроки ведут от окоченевшего тела к живому подозреваемому, гироскопы, которые гарантируют устойчивость даже в самые страшные бури.

Балтиморский детектив ведет около девяти-десяти убийств в год как старший следователь и еще полдесятка – как младший, хотя нормы ФБР предписывают нагрузку вдвое меньше. Он берет на себя от пятидесяти до шестидесяти тяжких нападений с тупыми предметами, огнестрельным и холодным оружием. Он расследует все сомнительные или подозрительные смерти, которые нельзя списать на возраст или здоровье жертвы. Передозировки, припадки, самоубийства, случайные падения, утопления, внезапные детские смерти, аутоэротические удушения – все рассматривает тот же детектив, у которого в любой момент на столе лежат еще три заведенных дела по убийствам. Еще в Балтиморе все происшествия с участием полиции также достаются детективам убойного, а не отделу внутренних расследований; на каждый инцидент назначается сержант и группа детективов, чтобы на следующее же утро представить всесторонний отчет начальству департамента и прокуратуре штата. Помимо этого любая угроза любому

полицейскому, прокурору или госслужащему проходит через убойный, как и все заявления о запугиваниях свидетеля обвинения.

Но и это еще не все. Испытанная способность убойного отдела расследовать и полностью документировать любой инцидент ведет к тому, что его же привлекут к политически чувствительным делам: утопление в городском бассейне, где есть подозрение на административную ответственность, звонки с угрозами главе администрации мэра, длительная проверка странного заявления от законодателя штата о похищении неведомыми врагами. В Балтиморе правило простое: если что-то выглядит как скандал, пахнет как скандал и крикает как скандал, отправляйте убойному. Того требует пищевая цепочка.

Судите сами:

Двумя сменами по восемнадцать детективов и сержантов убойного руководит пара многотрадных лейтенантов, которые отвечают перед капитаном, стоящим во главе отдела преступлений против личности. Капитан, желающий уйти с пенсией майора, не торопится связываться с тем, что доставит неприятности полковнику во главе угрозыска. И не только потому, что полковник – такой приятный и интеллигентный чернокожий, имеющий все шансы взлететь на пост заместителя комиссара или еще выше – ведь он живет в городе с новым черным мэром и черным большинством, которое не отличается ни доверием, ни почтением к полиции. Полковника оберегают от неприятностей потому, что ему достаточно подняться на лифте на пару этажей, чтобы довести что угодно до сведения самого Яхве – заместителя комиссара по операциям Рональда Дж. Маллена, который возвышается над Балтиморским департаментом полиции, как колосс, и требует, чтобы ему обо всем докладывали спустя пять минут после того, как оно случится.

Для руководства среднего звена он просто Большой Белый Маллен – человек, чей непрерывный путь вверх начался после недолгой службы в патруле Юго-Западного района и продолжался, пока он не остановился на восьмом этаже штаба. Там-то Маллен и поселился почти на десять лет в качестве второго человека в департаменте, закрепившись благодаря неизменной осторожности, хорошему политическому чутью и настоящему управленческому дару, но все же не имея шансов на кресло комиссара, потому что он – белый в городе черных. В результате комиссары приходят и уходят, а Рональд Маллен остается, чтобы следить, кто и в какие шкафы раскладывает скелеты. Каждое звено в цепочке, от сержанта и выше, скажет вам, что заместитель знает почти все, что творится в департаменте, и может угадать почти все остальное. А то, что не знает или не может угадать, ему после всего одного звонка положат на стол уже к обеду в виде аккуратной служебной записки. Вот почему замкомиссара Маллен – вечный геморрой всей уличной полиции и незаменимая подмога для комиссара Эдварда Дж. Тилмана, копа-ветерана, тридцать лет накапливавшего политический капитал, чтобы мэр назначил его на пятилетний срок. А в таком однопартийном городе, как Балтимор, офис мэра – это поднебесная вершина, место неограниченных полномочий, ныне принадлежащее Курту Л. Шмоку – черному выпускнику Йеля, которому повезло с метрополией, где проживает подавляющее демократическое и черное большинство. Естественно, комиссару положено дышать только после того, как он угодит всем потребностям мэра, у которого выше шансы на переборы, когда Его полицейский департамент не причиняет Ему унижений или скандалов, служит, как Он того пожелает, и борется с преступностью во имя всеобщего блага – примерно в таком порядке.

Под этой тяжелой пирамидой власти раскорячился детектив убойного, бесславно трудящийся над телом какой-нибудь забитой насмерть проститутки или расстрелянного барыги, пока в один прекрасный день телефон не проблеет дважды, и это не окажется тело одиннадцатилетней девочки, спортсмена из городской сборной, священника на пенсии или какого-нибудь заезжего туриста из другого штата, который забрел в проджекты с фотоаппаратом «Никон» на шею.

«Красные шары»¹³. Убийства, имеющие значение.

В этом городе карьера детектива зависит от безумных дел, на которых сразу становится ясно, кто заправляет городом и что им нужно от полиции. Майоры, полковники и заместители комиссара, даже слова не сказавшие за всю летнюю нарковойну 86-го, когда на Лексингтон-Террас так и валились трупы, теперь вдруг стоят над душой сержанта и проверяют мелкий шрифт. Зам просит держать в курсе. Мэр требует новостей. 11-й канал на второй линии. Лэндсмана ждет какой-то урод из «Ивнинг Сан». А кто это у вас ведет дело, что за Пеллегрини? Новенький? Мы ему доверяем? Он свое дело знает? Вам надо больше людей? Больше сверхурочных? Вы же понимаете, что это в приоритете?

В 1987-м, в четыре утра в гараже отеля «Хайатт» в Иннер-Харборе – поблескивающей застройке на набережной, на которую Балтимор возлагал большие надежды, – убили двух парковщиков, и уже днем губернатор Мэриленда рывкнул на комиссара полиции. Нетерпеливый человек, склонный к внезапным истерикам, Уильям Дональд Шафер повсеместно считается самым раздражительным губернатором в стране. Избранный на высший пост Мэриленда не в последнюю очередь благодаря символической привлекательности все той же восстановленной гавани, Шафер четко дал понять в коротком телефонном звонке, что в Иннер-Харборе без его разрешения не убивают и что преступление надо раскрыть немедленно – как, по сути, и произошло.

«Красный шар» может требовать круглосуточной работы и постоянных отчетов перед всеми инстанциями; может вылиться в спецгруппу, когда детективов снимают с обычной ротации, а другие дела откладывают на неопределенное время. Если следствие кончается арестом, детектив, его сержант и лейтенант могут с чистой совестью отдыхать до следующего крупного дела, зная, что их капитана не сожрет полковник, а тот не будет опасаться замкомиссара, который в этот самый момент отчитывается по телефону перед Самим, что в гавани все спокойно. Но если «красный шар» не раскрывается, начинается обратное движение – полковники пинают майоров, майоры пинают капитанов до тех пор, пока детектив и его сержант не утонут в служебных отчетах, объясняя, почему ни разу не допросили насчет какого-нибудь несуразного заявления человека, которого полковник считает подозреваемым, почему пропустили наводку от безмозглого информатора или почему криминалистам не приказали дактилоскопировать собственную задницу.

Детектив из убойного выживет, если научится читать командование, как цыгане читают кофейную гущу. Когда начальство задает вопросы, он становится незаменим благодаря ответам. Когда ищут повода взять кого-нибудь за горло, он пишет настолько грамотный рапорт, что покажется, будто он спит в обнимку с уставом. А когда просто просят жертву на заклатие, он учится становиться невидимым. Если детективу хватает смекалки, чтобы остаться на ногах после периодически прилетающих «красных шаров», департамент признает его великий ум и оставляет в покое, чтобы он дальше отвечал на звонки и таращился на трупы.

А посмотреть там есть на что – начиная с людей, забитых палками и бейсбольными битами либо монтировками и бетонными блоками. Тела с зияющими ранами от разделочных ножей или от выстрела из дробовика с такого близкого расстояния, что из ран достают пыж. Тела в подъездах проджектов – с торчащей из руки иглой и тем самым жалким выражением покоя на лице; тела, выловленные из гавани, с цепляющимися за руки и ноги упрямыми синими крабами. Тела в подвалах, тела в подворотнях, тела в постелях, тела в багажнике «крайслера» с номерами другого штата, тела на каталках за синей ширмой в реанимации Университетской больницы, с все еще торчащими трубками и катетерами, словно в насмешку над прогрессом медицины. Тела и части тел, упавшие с балконов, с крыш, с погрузочных кранов в морском терминале. Тела, раздавленные тяжелыми механизмами, удушенные углекислым газом или вися-

¹³ В бильярде так называют прицельный шар, по которому выполняется удар битком.

щие в петле из носков в КПЗ Центрального района. Тела в колыбели, окруженные плюшевыми зверюшками, крошечные тела в объятиях скорбящих матерей, не понимающих, что их малыши просто перестал дышать, безо всякой на то причины.

Зимой детектив стоит в воде и пепле, приюхиваясь к характерному запаху, пока пожарные убирают обломки с тел детей, оставшихся в спальне, когда закоротило обогреватель. Летом стоит в квартире на третьем этаже без окон и с плохой вентиляцией, глядя, как медики переносят раздутый труп восьмидесятишестилетнего пенсионера, скончавшегося в постели и пролежавшего там до тех пор, пока соседи уже не могли выносить эту вонь. Он уступает дорогу, когда беднягу выкатывают наружу, зная, что тело того и гляди лопнет, еще зная и то, что запах пропитает ткань одежды и волосы в носу до конца дня. Он видит утопленников после первых теплых дней весны и бессмысленную стрельбу в баре – обряд первой июльской жары. В начале осени, когда желтеют листья и школы открывают двери, он проводит несколько дней в Юго-Западной, Лейк-Клифтонской или в еще какой-нибудь школе, куда семнадцатилетние дарования приходят с заряженными магнумами и заканчивают учебный день, отстрелив однокласснику пальцы на парковке. И время от времени в течение всего года он стоит по утрам в дверях кафельного помещения в подвале государственного здания на Пенн и Ломбард, глядя, как опытные патологоанатомы разбирают мертвецов на запчасти.

Он уделяет каждому телу столько, сколько может, но не больше. Аккуратно отмеряет требуемые силы и эмоции, закрывает папку и едет на следующий вызов. И даже после многих лет выездов, тел, мест преступлений и допросов хороший детектив по-прежнему берет трубку с упрямой непоколебимой верой в то, что если он выполняет свою работу, то истину всегда можно будет узнать.

Детектив убийного отдела держится.

Понедельник, 18 января

Здоровяк сидит спиной к зеленой металлической перегородке, разделяющей офисы убийного и отдела ограблений, и отрешенно глядит в угловое окно на город. Его левая рука покоится на стеклянной кружке в виде глобуса, заполненного по самый полярный круг бурой желчью со дна офисного кофейника. На столе перед ним – толстая красная папка с надписью H8152 на обложке. Он отворачивается от окна и с ненавистью смотрит на папку. Папка смотрит в ответ.

Идет смена с четырех до полуночи, и для Дональда Уордена – Здоровяка, Медведя, единственного прирожденного детектива в Америке, – это первый день после долгого отпуска, несколько не улучшившего его настроение. Остальная группа это чувствует и обходит его за милю, забегая в комнату отдыха только по делу.

– Привет, Дональд, – пускает пробный шар Терри Макларни во время одной такой вылазки. – Как отдохнул?

Уорден пожимает плечами.

– Куда-нибудь ездил?

– Нет, – говорит Уорден.

– Ясно, – отвечает Макларни. – Вот и поговорили.

Это все стрельба на Монро-стрит – вот почему он засел за угловым столом в комнате отдыха, словно какой-то железный дредноут на мели в ожидании прилива, который может никогда не прийти.

Пять недель – а он не приблизился к разгадке ближе, чем на утро после убийства, и смерть Джона Рэндольфа Скотта в переулке на Монро-стрит в Западном Балтиморе все так же считается приоритетом полицейского департамента. Рапорты Уордена и его напарника идут не сержанту с лейтенантом, как при обычном следствии, а напрямую административному лейтенанту и капитану во главе отдела преступлений против личности. Оттуда рапорты несут дальше по коридору полковнику, а от него – замкомиссара Маллену двумя этажами выше.

В этих рапортах сложно разглядеть прогресс. И в каждой беседе с начальством сквозит паранойя. Дональд Уорден практически чувствует, как нервно потеют все инстанции. Да и в его собственном представлении дело Монро-стрит – это пороховая бочка, только и ждущая, когда за нее ухватится какой-нибудь активист или святоша из уличной церкви и начнет вопить про расизм, полицейскую жестокость или круговую поруку так громко и долго, что майор или комиссар полиции потребуют крови. Часто Уорден задумывается, почему это еще не началось.

Он наблюдает в западное окно кухни, как зимнее небо темнеет до темно-синего оттенка и розово-оранжевый свет заходящего солнца прячется за городским горизонтом. Детектив допивает первую чашку кофе, бредет к металлической вешалке и достает из внутреннего кармана бежевого пальто сигару. Он курит «Бэквудс» – черные сигары, которые можно найти в любом хорошом «7-элевен».

За Уорденом следует тонкий завиток едкого дыма, когда тот возвращается за стол и открывает красную папку.

H8152

Убийство / применение оружия сотрудником полиции

Джон Рэндольф Скотт Ч/М/22

3022, бульвар Гаррисон, кв. 3

ССN№ 87-7L-13281

– Угораздило же вляпаться, – тихо говорит Уорден, пролистывая служебные отчеты в начале стопки. Откинувшись на спинку, забрасывает одну ногу на стол и открывает вторую папку, с набором цветных фотографий, пристеплеренных по две на странице.

Посреди переулка лежит навзничь Джон Рэндольф Скотт. У него гладкое и какое-то неносенное лицо – он выглядит младше своих двадцати двух. Пустые глаза прикованы к краснокирпичной задней стене сплошного ряда домов южнее. Одежда – такая же, как у любого пацана на углу: черная кожаная куртка, голубые джинсы, бежевая рубашка, белые кеды. На другой фотографии жертву перекатили на бок, рука детектива в резиновой перчатке указывает на маленькую дырочку в спине куртки. Входное отверстие – с соответствующим выходным слева на груди. Над глазом молодого человека – окровавленный подтек от падения на асфальт.

Позже судмедэксперт установил, что убившая Джона Рэндольфа Смита пуля пробила сердце под легким углом сверху вниз, что отвечает наклону переулка, где его обнаружили. Он умер почти мгновенно, говорили патологоанатомы, – от выстрела в спину во время побега от офицеров Балтиморского департамента полиции.

В первые часы дело Скотта считалось не убийством, а полицейской стрельбой – и стрельбой неудачной, требовавшей грамотной отписки, чтобы копа не сожрало большое жюри, – но все же ничего такого, что можно назвать преступлением.

Жертва – один из двух молодых людей в «додж кольте», который двое патрульных Центрального района опознали как угнанный и преследовали от бульвара Мартина Лютера Кинга по шоссе I-170 вплоть до Рейнор-авеню, где Скотт и его двадцатидвухлетний сообщник выскочили из машины и разбежались в противоположных направлениях по переулкам гетто. Когда двое патрульных из Центрального приступили к пешему преследованию, один из них, двадцатисемилетний Брайан Педрик, споткнулся и произвел выстрел из табельного револьвера. Позже Педрик заявил следователям, что выстрел был случайным – шальная пуля вылетела, когда он неудачно вышел из машины. Педрик считал, что целился в асфальт и что пуля срикошетила прямо перед ним; так или иначе, похоже, она не задела подозреваемого, исчезнувшего в лабиринте задворков. Педрик потерял его из виду, но к тому времени по ближайшим боковым улицам и переулкам уже курсировали другие машины из Центрального, Западного и Южного районов.

Спустя считанные минуты сержант Центрального района вызвал скорую и отдел убийств, стоя над телом в переулке у Монро-стрит, где-то в трех кварталах от места, где выпустил свою пулю Педрик. «Это полицейская стрельба?» – спросил диспетчер. «Нет», – ответил сержант. Но тут на место преступления вышел сам Педрик и признался в случайном выстреле. Сержант снова взялся за рацию. «Поправка, – сказал он, – есть участие полиции».

Через несколько минут на место прибыли Уорден и его напарник Рик Джеймс, осмотрели покойника, поговорили с сержантом из Центрального, после чего проинспектировали табельный револьвер Педрика. Выпущена одна пуля. У патрульного изъяли оружие и проводили в машину, где тот подтвердил, что произвел один выстрел, но отказался говорить что-либо еще, пока не встретится с юристом полицейского профсоюза. Уорден знал, что это значит.

У профсоюзного юриста один ответ на просьбу детектива допросить полицейского в ходе уголовного расследования. По приказу сотрудник полиции подаст рапорт с объяснением своих действий во время происшествия; в противном случае он будет молчать. Ведь когда рапорт пишут по прямому приказу, он уже не считается добровольным заявлением, а значит, не может быть использован против сотрудника в суде. В этом случае дежуривший той ночью прокурор штата отказался дать приказ, и в результате юридического ограничения следствие встало на очевидную колею: доказать, что офицер Брайан Педрик – сотрудник с пятилетним сроком службы без случаев злоупотреблений или чрезмерного применения силы в послужном списке, – застрелил убегающего человека в спину из табельного револьвера.

В течение двенадцати часов дело Монро-стрит было железобетонным и таким бы и осталось, если бы не один критически важный факт: офицер Педрик не убивал Джона Рэндольфа Скотта.

На утро после выстрела помощники судмедэксперта раздели тело Скотта и нашли пулю 38-го калибра, застрявшую в окровавленной одежде. В тот же день ее изучили в баллистической лаборатории, но она не совпала с револьвером Педрика. Более того, Скотта убила 158-грановая полуболобочная пуля с круглым носиком – стандартный патрон «смит-вессона», уже лет десять не состоящего на вооружении полиции.

Тогда Уорден и несколько других детективов вернулись на место преступления и тщательно обыскали при свете дня переулок, где, как утверждалось, Педрик произвел выстрел. Попинав мусор у Рейнор-авеню, они нашли отметину на асфальте со следами свинца от рикошета. Детективы проследовали по вероятной траектории на другую сторону переулочка и вышли на соседнюю стоянку, где в то самое утро, как ни поразительно, убирался местный житель. Из всех замусоренных стоянок во всех гетто мира, думал Уорден, этот парень убирается именно на нашей. Уже собравшись перерыть полдюжины мусорных мешков, собранных последним добрым самаритянином Западного Балтимора, детективы вдруг обнаружили пулю 38-го калибра, частично зарывшуюся в землю. Позднее баллистики подтвердили, что она выпущена из оружия Брайана Педрика.

Но если стрелок не Педрик, тогда кто?

Уорден не любил очевидные ответы. Он сам был копом и всю сознательную жизнь провел в братстве копов – в отделениях и патрульных машинах, в коридорах суда и районных обзьянниках. Он не хотел верить, что человеку в форме хватило бы дурачества пристрелить кого-то и сбежать, бросив тело в подворотне, как любому другому поганому убийце. И все же он не мог закрыть глаза на тот факт, что Джон Рэндольф Скотт убит пулей 38-го калибра, убегая от людей с револьверами 38-го калибра. В любом другом расследовании никто бы не сомневался, с чего и как положено начать детективу. В любом другом расследовании детектив начал бы с этих людей с оружием.

Уорден – это Уорден, так что с этого он и начал, потребовав почти у двух десятков полицейских из трех районов сдать служебные револьверы в отдел улик в обмен на новые. Но в каждом случае баллистическая экспертиза показывала, что смертельная пуля выпущена не из этого оружия. Снова тупик.

Мог коп иметь при себе второй пистолет, тоже 38-го калибра, который уже давно выкинул с пирса в Кантоне? А может, пацан убежал от полиции, решил угнать другую машину и нарвался на пулю от разгневанного гражданского, который затем растворился в ночи. Маловероятно, признавал Уорден, но в той округе нет ничего невозможного. Куда вероятнее, что пацана во время драки прикончил выстрел из его собственного оружия 38-го калибра, который был отобран у него сотрудником полиции при попытке задержания. Это бы объяснило и то, почему пуля – не казенная, и оторванные пуговицы.

Уорден и Рик Джеймс нашли на теле жертвы и рядом четыре пуговицы. Одна, похоже, не имела к жертве никакого отношения; три других, как выяснилось, были с его рубашки. Две пуговицы, окровавленные, нашли рядом с телом; третью – у входа в переулок. Уордену и Джеймсу оторванные пуговицы говорили о том, что жертву схватили и она сопротивлялась, а наличие одной у входа в переулок говорило, что схватка началась всего в паре метров от того места, где упала жертва. Этот сценарий предполагал уже не просто один выстрел со стороны подозреваемого в гражданском, а уличное задержание – попытку схватить или остановить жертву.

Куда ни кинь – всюду клин, думал Дональд Уорден о смерти Джона Рэндольфа Скотта: один возможный исход хуже другого.

Если убийство не раскроют, выглядеть будет так, словно департамент прикрывает своих. Но если обвинят копа, то Уорден с Джеймсом, как люди, отвечающие за обвинение, станут париями для патрулей. Юристы полицейского профсоюза уже советовали своим членам не общаться с убойным и намекали, что отдел преступлений против личности равен ОВР¹⁴. Как дальше расследовать убийства, когда патрульные настроены против тебя? Но третий вариант – то есть слабая вероятность вмешательства гражданского, что Джона Рэндольфа Скотта застрелил местный при его попытке влезть в дом или угнать вторую машину для побега от полиции, – в чем-то хуже всех. Уорден понимал, что если и найдет подозреваемого из гражданских, то начальство будет из кожи вон лезть, чтобы всучить его политической верхушке города, не говоря уже о лидерах черного сообщества. Итак, господин мэр, нам казалось, что это сделали белые полицейские во время преследования мистера Скотта, но теперь мы уверены, что виновен черный из квартала 1000 по Фултон-стрит.

Ага. Конечно. Вот и разрулили.

Двадцать пять лет в Балтиморском департаменте полиции – и теперь Дональда Уордена просят увенчать карьеру делом, из-за которого за решетку могут угодить копы. Сначала эта мысль приводила в ужас – ведь Уорден сам плоть от плоти патрульный. Он перевелся в центр, и то с неохотой, после более десяти лет в спецподразделении Северного района. А теперь из-за этого воришки с дыркой в спине патрульные трех районов стоят на пустых парковках в машинах бок о бок и перешептываются о человеке, охранявшем улицы, когда они еще в началке на дальность плевались. Что этот Уорден за хрен? Он правда может закатать полицейского за ту фигню на Монро-стрит? Примотается к сослуживцу из-за какого-то дохлого йо? Он что, крыса, что ли?

– Ой-ой, Уорден смотрит на нехорошее дело.

В дверях комнаты отдыха стоит напарник Уордена со страничкой из блокнота в руках. Рик Джеймс на десять лет младше Дональда Уордена и лишен его чутья и смекалки, но, с другой стороны, в этом мире с Уорденом вообще мало кто может потягаться. Он работает с напарником моложе, потому что Джеймс в состоянии осмотреть место убийства и написать хороший членораздельный рапорт, а сам Уорден, при всех талантах, лучше мозги себе вышибет, чем просидит два часа за пишмашинкой. В приступы хорошего настроения Уорден считает Джеймса достойным проектом – подмастерьем, которому можно передать знания, обретенные после четверти века в полиции.

Здоровяк медленно поднимает взгляд и видит страничку в руке молодого напарника.

– Это что?

– Это вызов, детка.

– Мы не выезжаем на вызовы. У нас задание.

– Терри говорит, надо ехать.

– Что там?

– Убийство.

– Я больше не занимаюсь убийствами, – саркастично отзывается Уорден. – Отныне ко мне только с долбаной полицейской стрельбой.

– Да ладно тебе, детка, пошли зарабатывать.

Уорден опустошает кружку с кофе, бросает в банку окурков сигары и на секунду-другую разрешает себе поверить: все-таки есть жизнь после Монро-стрит. Затем идет к вешалке.

– Не забудь пистолет, Дональд.

Здоровяк впервые улыбается.

– Я его продал. Заложил на Балтимор-стрит за дрель. Где там твое убийство?

– Гринмаунт. Квартал 3800.

¹⁴ Internal Investigations Division, IID – отдел внутренних расследований.

Сержант Терренс Патрик Макларни наблюдает, как двое детективов собираются на выезд, и довольно кивает. Со времен Монро-стрит прошел уже месяц, и Макларни хочется, чтобы его люди вернулись в ротацию и отвечали на вызовы. Главное – потихоньку, чтобы начальство не подумало, будто спецгруппа по Монро-стрит зашла в тупик. Если повезет, рассуждает Макларни, Уорден поймает убийцу по этому вызову, и административный лейтенант перестанет проедать плешь из-за дела Скотта.

– Наряд выезжает, сержант, – говорит Уорден.

В лифте Рик Джеймс крутит ключи от машины и смотрит на свое размытое отражение в металлических дверях. Уорден следит за загорающимися кнопками.

– Макларни-то какой довольный, видел?

Уорден молчит.

– Ты сегодня медведь больше обычного.

– За рулем будешь ты, засранец.

Рик Джеймс закатывает глаза и смотрит на напарника. Он видит перед собой двухметрового стокилограммового полярного медведя, замаскированного под щербатого сорокавосьмилетнего мужика с бездонными голубыми глазами, белыми волосами с залысинами и повышенным давлением. Да, он медведь, но главный плюс работы в паре с Уорденом виден невооруженным глазом: он прирожденный полицейский.

«Я просто бедный белый оболтус из Хэмпдена, который пытается протянуть на этом свете, пока не попадет на тот», – часто говорит при знакомстве Уорден. И по документам именно так и кажется: уроженец Балтимора, школьное образование, несколько лет службы во флоте, впечатляющий срок полицейской работы – но не выше патрульного или детектива. Однако на улице Уорден – один из самых даровитых копов во всем городе. Он провел в департаменте больше четверти века и знает Балтимор как мало кто еще. Двенадцать лет в Северо-Западном районе, три – в отделе розыска беглецов, еще восемь – в отделе ограблений, а теперь – три в убойном.

В этот отдел он перешел не без колебаний. Раз за разом сержанты убойного зазывали его к себе, но Уорден был человеком старой закалки, для которого преданность – не пустой звук. Его хотел оставить у себя лейтенант, когда-то приведший его в отдел ограблений, и Уорден чувствовал себя ему обязанным. Еще одной причиной остаться были его отношения с напарником Роном Грейди – неправдоподобная дружба без пяти минут деревенщины из белого анклава Хэмпдена, что на севере Балтимора, и увесистого черного копа с западной стороны города. Они стали легендарной черно-белой командой, и Уорден не стеснялся напоминать Рику Джеймсу и всем остальным в убойном, что только Грейди может считаться его истинным напарником.

Но к началу 1985-го работа в ограблениях стала отупляющей и однообразной. Уорден провел сотни расследований – банки, машины инкассаторов, налеты в центре, магазины. В былые деньки, рассказывал он младшим детективам, коп гонялся за ворами классом повыше; теперь-то ограбление банка на Чарльз-стрит скорее будет порывом какого-нибудь полудухлого наркомана, чем работой профессионала. В конце концов, служба сама приняла решение за него: Уорден до сих пор во всех красках помнит утро, когда прибыл в офис и увидел на столе отчет о происшествии в Восточном районе – ограблении алкогольного магазина на Гринмаунт-авеню. Его записали как ограбление с оружием летального действия, а значит, следствие продолжил бы детектив из центра. Уорден прочитал рапорт и узнал, что банда пацанов схватила упаковку пива и выбежала из магазина. Продавец пытался их преследовать и за свою отвагу схлопотал кирпичом. Не самое тяжкое преступление – черт, да тут и патрульный бы разобрался. И для Уордена, проработавшего в ограблениях почти восемь лет, этот рапорт стал последним звоночком. На следующий день он пошел к капитану и попросился в убойный.

Репутация шла впереди него по коридору шестого этажа, и в следующие два года он доказал, что не только готов к убийствам, но и может стать украшением бригады Макларни –

а это дорогого стоит в группе из пятерых, куда входят еще двое ветеранов с двадцатилетним стажем. Рик Джеймс перевелся в убойный в июле 1985-го, всего за три месяца до Уордена. Быстро сообразив, что к чему, попросился в пару к Здоровяку и так к нему привязался, что теперь над ним подтрунивали другие детективы. Но Уорден явно наслаждался ролью мудрого старца, а Джеймс был готов отрабатывать свою сторону сделки – грамотно осматривать место преступления и писать все нужные бумажки. Если Уорден до выхода на пенсию научит его хотя бы половине того, что знал сам, Рик Джеймс проработает в убойном еще очень-очень долго.

Самым паршивым в работе с Уорденом были приступы его мрачного настроения – угрюмые думы о том, что он до сих пор служит за зарплату патрульного, когда по-хорошему давно пора на пенсию жить в свое удовольствие, работая каким-нибудь консультантом-безопасником или подрядчиком по ремонту. Уорден до странного болезненно относился к тому, что все еще гоняет убийц в гетто, когда многие его одноклассики уже на пенсии или начали вторую карьеру. Немногие оставшиеся в органах либо спокойно заканчивали деньки дежурными сержантами или охранниками КПЗ, либо в сторожевых будках у штаба слушали по транзисторам, как проигрывают «Ориолс», досиживая последний год-другой до пенсии повыше. А люди помоложе в это время уходили на места получше.

В эти дни Уорден все чаще ловил себя на мысли взять и все бросить. Но по большому счету ему не хотелось даже думать о пенсии; департамент был его домом с 1962-го – перевод в убойный отдел стал лишь последним завитком в долгой изящной траектории. Три года работа в отделе поддерживала Уордена и даже вдыхала в него жизнь.

Особое удовольствие Здоровяк получал от регулярных попыток наставлять молодежь своей группы – Рика Джеймса и Дэйва Брауна. Джеймс был парнем что надо, но вот что получится из Брауна, думал Уорден, еще неясно. Он не стеснялся говорить об этом вслух, подвергая молодого детектива такому режиму тренировок, который лучше назвать «обучение оскорблением».

Дэйв Браун, самый неопытный в группе, терпел напыщенность Здоровяка – в основном потому, что знал: он искренне печется о будущем Брауна в убойном; а в остальном потому, что его, собственно, никто не спрашивал. Их отношения идеально передает цветная фотография, снятая криминалистом на месте убийства в Черри-Хилле. На первом плане – ретивый Дэйв Браун бестолково собирает на месте преступления пивные банки с избыточно оптимистичной надеждой, что они имеют хоть какое-то отношение к убийству. На заднем плане, присев на крыльцо муниципального многоквартирника, Дональд Уорден наблюдает за младшим детективом, кажется, с беспримесным отвращением. Браун конфисковал фотографию из папки себе на память. Такого Здоровяка он узнал и полюбил. Сварливого, раздраженного, вечно придиричивого. Последний одинокий центурион, видящий в молодом поколении криворуких дилетантов свою беду и вызов.

На фотографии Здоровяк – в расцвете сил: резкий, уверенный в себе, беспощадная совесть всех молодых или менее опытных детективов в смене. И, конечно, дело Черри-Хилла раскрыли – Уорден нашел наводку, приведшую к орудию убийства в доме подружки стрелка. Но это было, когда Уорден еще получал какое-то удовольствие от работы. Это было еще до Монро-стрит.

Сев в «кавалер» на нижнем этаже здания, Джеймс снова рискует и заводит разговор.

– Если это убийство, – говорит он, – чур, я старший.

Уорден смотрит на него.

– Не хочешь сперва посмотреть, взяли там кого-нибудь или нет?

– Нет, детка. Мне нужны деньги.

– Вот же ты шлюха.

– Еще какая, детка.

Джеймс скатывается по пандусу на Файет, оттуда – на север по Гей-стрит до Гринмаунт, погруженный в сложные расчеты ожидаемого сверхурочного времени. Два часа на месте преступления, три часа допросов, еще три – на бумажную работу, еще четыре – на вскрытие; Джеймс представляет, как красиво будут смотреться эти двенадцать часов на его расчетном листе.

Но на Гринмаунт – вовсе не убийство; даже стрельбой это толком нельзя назвать. Это понимают оба детектива, выслушав нечленораздельный трехминутный монолог шестнадцатилетнего свидетеля.

– Вау, так, давай-ка еще раз сначала. Помедленней.

– Вбегает, значит, Деррик...

– Кто такой Деррик?

– Мой брат.

– Сколько лет?

– Семнадцать. Вбегает, взлетает по лестнице. Мой старший брат поднимается за ним, видит, что его ранили, и звонит 911. Деррик сказал, что стоял на автобусной остановке, и тут в него выстрелили. Больше ничего не сказал.

– Он не знает, кто в него выстрелил?

– Нет, просто сказал, что выстрелили.

Уорден берет у Джеймса фонарь и выходит на улицу с патрульным.

– Это ты приехал первый?

– Нет, – говорит патрульный. – Это был Родригез.

– Где он?

– Уехал с вашей жертвой в травматологию¹⁵.

Уорден пронзает патрульного взглядом, потом подходит обратно к двери и наводит фонарик на пол крыльца. Ни кровавых следов. Ни крови на ручке двери. Детектив осматривает со светом кирпичный фасад. Ни крови. Ни свежих повреждений. Одна дырка – да и та вряд ли от пули. Скорее всего, кто-то просверлил давным-давно, чтобы повесить светильник.

Уорден проходит с фонариком по дорожке к улице. Возвращается в дом и проверяет комнаты наверху. Все еще никакой крови. Детектив спускается и слушает, как Джеймс допрашивает шестнадцатилетку.

– Куда, говоришь, побежал твой брат, когда пришел домой? – перебивает Уорден.

– Наверх.

– Наверху нет крови.

Пацан смотрит себе под ноги.

– Что тут творится? – надавливает Уорден.

– Мы все помыли, – говорит пацан.

– Помыли?

– Ага.

– А, – Уорден закатывает глаза. – Тогда пошли наверх.

Пацан скачет через ступеньку, потом сворачивает в бардак типичной комнаты подростка, украшенной постерами с моделями в бикини и нью-йоркскими рэперами в дизайнерских спортивных костюмах. Не дожидаясь просьб, пацан достает из бельевой корзины две окровавленные простыни.

– Это где было?

– На кровати.

– На кровати?

– Мы перевернули матрас.

¹⁵ Имеется в виду Центр шоковой травмы им. Р. Адамса Коули при Университетской больнице Мэриленда.

Уорден переворачивает матрас обратно. Добрую его четверть покрывает красно-бурое пятно.

– В какой куртке был твой брат, когда пришел?

– В серой.

Уорден берет с кресла дутую куртку и внимательно проверяет снаружи и с изнанки. Крови нет. Он идет к чулану и проверяет все зимние куртки до последней, бросая их на пол, пока Джеймс медленно качает головой.

– Вот что случилось, – говорит Джеймс. – Вы игрались со стволом и случайно подстрелили брата. Если теперь начнешь говорить правду, тебя не посадят. Где ствол?

– Какой ствол?

– Да господи. Где хренов ствол?

– Не знаю ни про какой ствол.

– У твоего брата был ствол. Давай сразу с ним разберемся.

– Деррика подстрелили на автобусной остановке.

– Хрена с два, – закипает Джеймс. – Он тут развлекался, а ты или твой брат, или кто-то еще случайно его подстрелил. Где хренов ствол?

– Нет никакого ствола.

Классика, думает Уорден, глядя на пацана. Золотая классика. Наглядный пример первого правила из справочника по расследованию убийств, первый пункт из букваря детектива:

Все врут.

Убийцы, аферисты, насильники, наркочилеры, наркоманы, половина свидетелей тяжких преступлений, политики всех убеждений, продавцы подержанных машин, подружки, жены, бывшие жены, оперативные сотрудники полиции званием выше лейтенанта, шестнадцатилетние школьники, которые случайно подстрелили своего старшего брата и спрятали ствол, – для детектива земля вертится на оси отрицания по орбите обмана. Блин, да иногда и сами полицейские не лучше. Последние шесть недель Дональд Уорден выслушивал долгую череду показаний от людей в униформе, в которой и сам провел целую жизнь; выслушивал, как они на ходу правят свои версии и объясняют, почему в принципе не могли оказаться в том переулке рядом с Монро-стрит.

Джеймс идет к двери спальни.

– Можешь говорить, что хочешь, – ожесточенно бросает он. – Когда умрет твой брат, мы вернемся и обвиним тебя в убийстве.

Пацан продолжает молчать, и оба детектива выходят за патрульным из дома. Уорден терпит, пока «кавалер» не выезжает обратно на Гринмаунт.

– Что еще на хрен за Родригез?

– Видимо, у тебя есть для него пара ласковых.

– Даже больше. Первый полицейский охраняет место преступления. А они что делают? Едут в больницу, в штаб, на обед – заходи и бери, что хочешь. Понятия не имею, чем он там поможет в больнице.

Но Родригеза в больнице нет. И нет для Уордена утешения в короткой беседе с рассеянной матерью жертвы, сидящей в комнате ожидания травматологического с двумя детьми и комкающей в руках салфетку.

– Я честно не знаю, – говорит она детективам. – Я сидела с другим сыном, смотрела телевизор и вдруг что-то услышала – вроде петарды или звона разбитого стекла. Брат Деррика, Джеймс, пошел наверх и потом сказал, что Деррик возвращался с работы и в него выстрелили. Я попросила его не шутить.

Уорден перебивает.

– Миссис Аллен, буду говорить откровенно. Вашего сына подстрелили у него в комнате, скорее всего – случайно. Кроме кровати, крови больше нигде нет, даже на куртке, в которой он пришел домой.

Женщина смотрит на детектива и не видит. Уорден продолжает, рассказывает о попытке ее детей скрыть место преступления и о том, что оружие, из-за которого ее сын угодил под нож хирурга, наверняка еще у них дома.

– Никто никого не собирается обвинять. Мы из убойного отдела, и если это случайный выстрел, тогда мы зря тратим время. Нам надо разобраться.

Женщина кивает с отрешенным видом. Уорден спрашивает, может ли она позвонить домой и попросить детей сдать оружие.

– Если хотят, пусть хоть на крыльце оставят и дверь закроют, – говорит Уорден. – Нам важно только забрать оружие.

Мать спихивает ответственность.

– Лучше вы, – отвечает она.

Уорден выходит в коридор и видит, что Рик Джеймс общается с санитаром. Деррик Аллен в критическом состоянии, но стабилен; скорее всего, жить будет. А офицер Родригез, сообщает Джеймс, уже в убойном, пишет рапорт.

– Давай я высажу в офисе тебя. Если вернусь туда сейчас, устрою сцену, – говорит Уорден. – Лучше съезжу еще раз за стволом. Не спрашивай, почему меня волнует, останется у них эта хрень или нет.

Через полчаса Уорден снова обыскивает спальню Деррика Аллена, находит и отверстие в окне, выходящем во двор, и пулю на заднем крыльце. Показывает пулю и окно шестнадцатилетнему брату.

Тот пожимает плечами.

– Видать, в Деррика стреляли, когда он был в комнате.

– Ствол-то где?

– Не знаю ни про какой ствол.

Божественная истина: все врут. И из этой аксиомы есть три следствия:

А. Убийцы врут, потому что должны.

Б. Свидетели и другие фигуранты врут потому, что думают, что должны.

В. Все остальные врут ради чистого удовольствия и простого принципа: ни при каких обстоятельствах не давай точных показаний копу.

Брат Деррика – живое доказательство второго следствия. Свидетель врет, чтобы защитить друзей и родственников, даже тех, кто без разбора проливает кровь. Врет, чтобы замести свою связь с наркотиками. Врет, чтобы скрыть свои предыдущие приводы или тайную гомосексуальную ориентацию или что вообще знал жертву. А главное – врет, чтобы дистанцироваться от убийства и возможного требования выступить в суде. В Балтиморе, когда коп спрашивает, что ты видел, обязательный ответ – даже непроизвольный моторный навык, развившийся у населения за многие поколения, – это медленно качать головой, прятать глаза и говорить:

– Я ничего не видел.

– Да ты же в упор стоял.

– Я ничего не видел.

Все врут.

Уорден в последний раз смеряет взглядом пацана.

– Твой брат игрался в этой комнате с пистолетом и сам в себя выстрелил. Давай просто заберем оружие из дома?

Подросток даже не задумывается.

– Не знаю ни про какой пистолет.

Уорден качает головой. Можно позвонить криминалистам и за пару часов разворотить весь дом в поисках чертова ствола; будь это убийство, он бы уже так и сделал. Но при случайном выстреле – какой смысл? Заберешь один ствол – и к концу недели здесь уже будет другой.

– Твой брат в больнице, – говорит Уорден. – Тебе что, вообще наплевать?

Пацан смотрит в пол.

Ладно, думает Уорден. Я пытался. Я что-то сделал. Ну и подавись своим пистолетом, пусть тебе будет сувенир, а когда всадишь пулю себе в ногу или в младшую сестренку, опять звони нам. И на хрена, думает Уорден, мне тратить время на ваш идиотизм, когда ко мне и так выстроилась целая очередь желающих соврать? На хрена искать ваш ствол за двадцать баксов, когда у меня на столе разложена целая Монро-стрит?

Уорден едет в офис с пустыми руками и еще мрачнее обычного.

Среда, 20 января

На стене висит большой прямоугольник – белая бумага почти во всю длину комнаты отдыха. Она покрыта ацетатной пленкой и поделена черными линиями на шесть столбцов.

Над тремя справа – шапка с фамилией лейтенанта Роберта Стэнтон, руководителя второй смены отдела убийств. Слева, под фамилией лейтенанта Гэри Д’Аддарио, три других столбца. Под ними в шапке каждого столбца – фамилия сержанта: Макларни, Лэндсман и Нолан – в смене Д’Аддарио; Чайлдс, Ламартина и Бэррик – под командованием Стэнтон.

Под каждым сержантом – короткий список покойников: первые жертвы в первый месяц года. Имена жертв в закрытых делах написаны черным фломастером; имена жертв в ведущихся расследованиях – красным. Слева от имени каждой жертвы – номер дела: 880001 – первое убийство года, 88002 – второе, и т. д. Справа от имени каждой жертвы – буква или буквы: А – Боумен, Б – Гарви, В – Макаллистер, что соответствует именам назначенных детективов, записанных внизу каждого столбца.

Сержант или лейтенант, ищущий дело по старшему детективу или наоборот, может пробежаться глазами по белому прямоугольнику и в считанные секунды определить, что на Томе Пеллегрини – убийство Руди Ньюсома. Еще по цвету имени Ньюсома он может установить, что дело пока что открыто. По этой причине руководители убийственного отдела считают прямоугольник необходимым для отчетности и точности инструментом. Из-за этого же детективы считают прямоугольник чумой, безжалостной пыткой, пережившей давно ушедших в отставку сержантов и покойных лейтенантов, которые его создали. Детективы называют белый прямоугольник «доска».

За время, пока наполняется кофейник, старший смены лейтенант Гэри Д’Аддарио – он же Ди, ЛТД или просто Его величество, – может подойти к доске, как языческий жрец подходит к храму бога солнца, изучить красно-черные иероглифы под своей фамилией и увидеть, кто из трех сержантов следует его заповедям, а кто сбился с пути истинного. Еще он может посмотреть на буквы рядом с именем из каждого дела и сделать тот же вывод о каждом из своих пятнадцати детективов. Доска показывает все: на ее ацетате начертано прошлое и настоящее. Кто тучнеет на бытовых убийствах с полудюжиной свидетелей из семьи жертвы; кто голодает на наркоубийстве в заброшенном доме. Кто пожал обильный урожай убийства-самоубийства с приложенной предсмертной запиской; кто вкусил горького плода неопознанной жертвы, связанной в багажнике прокатной машины из аэропорта.

Сегодня лейтенанта встречает порочная, кровавая доска, и больше всего красных имен горит под сержантами Д’Аддарио. Смена Стэнтон началась в полночь нового года – с пяти убийств 1 января спозаранку. Впрочем, из них все, кроме одного, – результаты пьяных ссор и случайной стрельбы, и все, кроме одного, уже записаны черным. Затем, неделю спустя, смены поменялись местами: люди Стэнтон перешли на дневную работу, а команда Д’Аддарио взяла на себя смены с четырех до полуночи и полуночную, когда и получила свои первые убийства года. Первое убийство смены зарегистрировала группа Нолана 10 января – разбой из-за наркотиков, жертву обнаружили зарезанной на заднем сиденье «доджа». В ту же ночь группа Макларни получила худанит, когда в нижнем Чарльз-Виллидже гомосексуал средних лет открыл дверь квартиры на стук, и его застрелили из дробовика. Затем Фальтайху досталось первое убийство года для лэндсмановской группы – убийство тупым предметом во время ограбления в Рогнел-Хайтсе без подозреваемых, после чего Макаллистер разбавил красное черным благодаря легкому аресту на Диллон-стрит, где пятнадцатилетнего белого подростка ударили ножом в сердце из-за долга в 20 долларов за наркоту.

Но все эти убийства так и оставались открытыми – Эдди Браун и Уолтемейер приехали в многоквартирный дом на Уолбрук-джанкшен и нашли Кенни Вайнса, лежащего в коридоре пер-

вого этажа ничком, с красной лужицей вместо глаза. Сначала Браун не узнал покойника, хотя вообще-то с давних пор знал сорокавосемилетнего Вайнса – черт, да все, кто работал на западной стороне, знали Кенни Вайнса. Этот хозяин автомастерской на Блуминдейл-роуд много лет промышлял фальшивыми номерами и крадеными автозапчастями, но серьезных врагов заработал, когда взялся за кокаин. Через два дня за делом Вайнса последовали Руди Ньюсом и Рой Джонсон – оба у команды Лэндсмана, – а за ними двойное убийство на Люзерн-стрит, где стрелок во время разборок из-за территории ворвался в схрон наркотиков и начал палить во все стороны, прикончив двоих и ранив еще двоих. У выживших, понятное дело, заодно отшибло память.

Итого – девять трупов в восьми делах, всего одно дело закрыто и еще одно – в шаге от ордера; уровень раскрываемости настолько низкий, что Д’Аддарио вполне мог считаться одним из самых отстающих лейтенантов всего департамента полиции.

– Не могу не заметить, сэр, – начинает Макларни, войдя в комнату отдыха, – как, уверен, уже заметили и вы в своей бесконечной мудрости...

– Продолжай, мой верный сержант.

– ...на нашей стороне доски что-то многовато красного.

– Да, изрядно, – отвечает Д’Аддарио, поощряя классическую придворную речь: его излюбленный приемчик, всегда веселивший сержантов.

– Можно сделать предложение, сир?

– Слушаю с безраздельным вниманием, сержант Макларни.

– Быть может, лучше обозначать открытые дела черным, а закрытые – красным, – говорит Макларни. – Так мы хотя бы ненадолго обдурием начальство.

– Тоже решение.

– Или, – добавляет Макларни, – еще можно пойти и кого-нибудь арестовать.

– И это тоже решение.

Макларни смеется, но негромко. Среди сержантов и детективов Гэри Д’Аддарио как начальник слывет принцем, благодушным автократом, просящим поданных лишь о компетентности и преданности. Взамен он дарует своей смене безграничную поддержку и прибежище от самых страшных прихотей и капризов начальства. Д’Аддарио, высокий мужчина с редкими клоками серебристо-серых волос и тихими благородными манерами, – один из последних выживших итальянского халифата, недолго правившего департаментом после многолетней ирландской династии. Эта эпоха обозначилась восшествием на пост комиссара Фрэнка Батталья и продолжалась вплоть до того, что членство в «Сынах Италии»¹⁶ стало для повышения таким же обязательным, как сержантский экзамен. Но эта Священная Римская империя простояла меньше четырех лет: уже в 1985-м мэр обратил внимание на меняющуюся демографию города, низверг Батталья на хорошо оплачиваемую должность консультанта и твердо гарантировал верхние эшелоны департамента черному сообществу.

За то, что во время последовавшего отлива Д’Аддарио остался лейтенантом в убойном, его люди должны благодарить позитивную дискриминацию. Обходительный и вдумчивый, Д’Аддарио был руководителем редкого сорта для военизированной организации. Он уже давно приучился подавлять в себе первый начальственный порыв – запугивать людей, следить за каждым шагом и стоять над душой при расследовании. В масштабах района такое поведение обычно вело к примитивному умозаключению младших звеньев: если не вести себя как мелочный тиран, тебя примут за слабака. В каждом участке найдется лейтенант смены или сержант сектора, требующий объяснительную форму 95 от любого, кто опоздал на инструктаж на десять минут, или прочесывает все закоулки района в четыре ночи, надеясь подловить несчастного

¹⁶ Орден сыновей Италии в Америке (1905) – крупнейшее и старейшее итало-американское братство в Америке.

полицейского, задремавшего в патрульной машине. Такие руководители либо умнели, либо их лучшие люди переводились в другой сектор.

Детективы в убийном отделе презирали бы авторитарного начальника смены еще больше – ведь они не попали бы на шестой этаж, если бы не были восемнадцатью самыми упертыми копами в департаменте. В убийном действует естественный отбор: кто раскроет много дел, тот останется, остальные – уйдут. С учетом этой основополагающей истины здесь мало кто подумает, что начальнику смены надо поучать копа, которому хватило смекалки пробраться в убийный, а потом раскрыть сорок-пятьдесят дел. У ранга, конечно, есть свои привилегии, но начальник, пользующийся богоданном правом устраивать разнос по поводу и без, в конце концов, получит на руки смену из враждебных сержантов и чересчур осторожных детективов, не желающих или уже не способных доверять собственному чутью.

Поэтому Гэри Д'Аддарио, хоть это и стоило его карьере, давал людям пространство для маневра, а сам выступал буфером перед капитаном и всеми выше в вертикали власти. У такого метода был значительный риск, и за последние четыре года отношения Д'Аддарио с капитаном сильно пострадали. Напротив, Боб Стэнтон, второй лейтенант, был больше по душе капитану. Дисциплинированный ветеран из отдела наркотиков, лично отобранный капитаном во вторую смену, Стэнтон руководил жестко, его сержанты сильнее контролировали детективов и вынуждали их меньше перерабатывать и выступать в суде, хотя на этом держится вся система. Стэнтон – хороший лейтенант и умный коп, но в сравнении с альтернативой его умеренность и дотошность доходили до того, что не один ветеран из его смены поговаривал о желании присоединиться к крестовому походу Д'Аддарио при первой же возможности.

Для сержантов и детективов, благословленных великодушием Д'Аддарио, расклад прост и очевиден. Раскрывайте убийства. Раскрывайте столько убийств, чтобы уровень раскрываемости оправдывал Его величество и его методы и тем самым упрочил его великодушное и славное правление. В убийном раскрываемость – это лакмусовая бумажка, альфа и омега всех споров.

По этой-то причине Д'Аддарио так долго и сурово всматривается в красные чернила на своей стороне доски. Белый прямоугольник позволяет легко сравнить не только детективов, но и точно так же поверхностно сравнить смены. В этом смысле доска – и отображенный на ней уровень раскрываемости – дробит балтиморский отдел по расследованию убийств, словно каждая смена действует независимо от второй. Детективы постарше, еще помнящие жизнь до доски, помнят и отдел более единой сущностью; тогда все были готовы работать по делу, начатому или законченному другой сменой, зная, что славу за раскрываемость разделят все. Доска же, созданная ради прозрачности и отчетности, вынудила обе смены – и каждую из шести групп – соревноваться друг с другом за черные и красные чернила, словно в автосалоне уцененных машин «Луби Шевроле».

Эта тенденция зародилась задолго до прихода Стэнтона, но разные стили управления только обострили конкуренцию. И в последние годы детективы одной смены общались с детективами другой только в получасовые пересменки или в редких случаях, когда детектив работал сверхурочно и ему требовался лишний человек из дежурной смены, чтобы поучаствовать в допросе или помочь куда-нибудь ворваться. О конкуренции никогда не заговаривали вслух, но вскоре даже детективы стали ловить себя на том, что созерцают белый прямоугольник и молча подсчитывают раскрываемость групп или смен. И это тоже по-своему иронично, ведь детективы первыми же признают, что доска искажает реальность, что она показывает не более чем число убийств за год. Группа могла три недели работать в ночную по локоть в полицейской стрельбе, сомнительных смертях, тяжких нападениях, похищениях, передозировках и прочих видах расследований. Но черно-красные чернила ничего из этого не отобразят.

Даже если говорить о, собственно, убийствах, самую большую роль в раскрытии играет случай. В словаре убойного есть две четких категории дел: худаниты и данкеры¹⁷. Худаниты – настоящие загадки; данкеры – дела с избыточными уликами и очевидным подозреваемым. Для худанитов характерны такие места преступления, когда детектива вызывают в какую-нибудь богом забытую подворотню, где есть труп и больше ничего. Для данкеров характерно, когда детектив переступает через труп и натывается на нераскаившегося мужа, который даже не потрудился снять окровавленную одежду и без принуждения признается, что зарезал суку и зарезал бы еще раз, если б мог. Разницу между делами, требующими расследования, и делами, требующими бумажной работы, понимают и принимают все в отделе, и не раз один сержант обвинял другого в том, что тот торопил детектива на вызов, по описанию смахивающий на бытовуху, или того хуже – уклонялся от вызова со всеми признаками профессиональной мокрухи из-за наркоты.

А доска, конечно, не видит различий между данкерами, раскрытыми из-за обстоятельств, и худанитами, раскрытыми после длительного расследования: что то, что другое записывается одними и теми же черными чернилами. В результате детективы начинают мыслить худанитами и данкерами вплоть до того, что ветераны, смотря старый вестерн по офисному телевизору, всегда говорят одно и то же, когда ковбоя убивают на улицах фронта в окружении богобоязненных горожан:

– М-да. Явный данкер.

Но в последнее время данкеры на смену Д'Аддарио выпадают редко, и зависимость лейтенанта от доски и уровня раскрываемости обострилась в свете урденовского расследования убийства Джона Скотта на Монро-стрит. Капитан пошел на беспрецедентные меры – устранил из вертикали власти Д'Аддарио с Макларни, приказав Уордену и Джеймсу отчитываться напрямую перед административным лейтенантом. С одной стороны, решение отстранить от дела Макларни логично: он близок со многими патрульными Западного района, а некоторые из них – потенциальные подозреваемые по делу. Но у Д'Аддарио подобного конфликта интересов нет, и после девяти лет в убойном он повидал достаточно «красных шаров», чтобы знать правила игры. Приказ дальше посвящать время рутине, а не заниматься таким деликатным расследованием, как Монро-стрит, можно трактовать лишь как оскорбление. Поэтому теперь отношения Д'Аддарио с капитаном неизбежно натянулись до предела.

За Гэри Д'Аддарио закрепились репутация человека, которого трудно разозлить, но Монро-стрит явно расшатала ему нервы. Ранее на этой неделе Терри Макларни написал стандартную докладную с запросом двух сотрудников из Западного для помощи в следствии – а затем направил ее напрямую административному лейтенанту через голову Д'Аддарио. Мелкая оплошность в субординации, но сейчас, в тишине комнаты отдыха, Д'Аддарио поднимает эту тему, приправив юмором и вычурной формальностью.

– Сержант Макларни, – говорит он с улыбкой, – пользуясь случаем, хотел бы задать административный вопрос.

– Это не мой вискарь в верхнем правом ящике, – выпаливает Макларни, не меняясь в лице. – Меня хочет дискредитировать сержант Лэндсман.

Д'Аддарио впервые смеется.

– К тому же, – не унимается Макларни, – я бы хотел со всем уважением обратить внимание, что люди сержанта Нолана не расписываются за машину в книге, как я приучил свою группу.

– У меня другой вопрос.

¹⁷ Худанит – от «who done it», «кто это сделал» (англ.); также название поджанра детективных произведений, сосредоточенных на поиске убийцы. Данкер – от слова dunk, то есть «забросить баскетбольный мяч в корзину сверху вниз», один из самых надежных бросков.

– Что-нибудь насчет недостойного офицера поведения?

– Вовсе нет. Вопрос исключительно административный.

– А, – Макларни пожимает плечами и садится. – А я уж было испугался.

– Меня просто немного беспокоит, что одна ваша служебная записка адресована лейтенанту этого департамента, а не мне.

Макларни тут же понимает свою промашку. Из-за Монро-стрит все начали ходить с оглядкой.

– Виноват. Не подумал.

Д'Аддарио отмахивается от извинений.

– Мне просто нужен ответ на один конкретный вопрос.

– Сэр?

– Во-первых, я так понимаю, вы принадлежите римско-католической вере.

– И горжусь этим.

– Хорошо. Тогда позвольте спросить: вы принимаете меня как своего истинного и единородного лейтенанта?

– Да, сэр.

– И не будет у вас других лейтенантов пред лицом моим?

– Никак нет, сэр.

– И вы будете верно блюсти сей завет и не станете поклоняться и служить ложным лейтенантам?¹⁸

– Да.

– Очень хорошо, сержант, – Д'Аддарио протягивает правую руку. – Можете поцеловать кольцо.

Макларни наклоняется к большому кольцу выпускника Балтиморского университета, разыгрывая жест преувеличенного подобоострастия. Оба смеются, и довольный Д'Аддарио уносит чашку кофе в свой кабинет.

Оставшись в комнате отдыха один, Терри Макларни долго смотрит на длинный белый прямоугольник, понимая, что ту блудную записку Д'Аддарио уже забыл и простил. Но вот красные чернила на его стороне доски – реальный повод для беспокойства.

Как и большинство начальников в убойном отделе, Макларни – сержант с сердцем детектива, а в своей роли он, как и Д'Аддарио, по большей части видит роль защитника. В районах лейтенанты командуют сержантами, а сержанты командуют полицейскими, все устроено по уставу, – для патруля подходит субординация. Но в убойном, где детективы руководствуются как собственными инстинктами и талантами, так и загрузкой, хороший начальник редко выдвигает беспрекословные требования. Он мягко предлагает, поощряет, подталкивает и умасливает, потому что подчиненные сами без лишних объяснений знают, как закрыть дело. Во многом сержант лучше всего помогает своим людям административной бумажной работой, умиротворением начальства и тем, что не путается под ногами. Это рациональная философия, и Макларни придерживается ее девять дней из десяти. Но на каждый десятый день внезапно скатывается в поведение тех сержантов, о которых предупреждают в академии.

Коренастый ирландец с личиком херувима, Макларни закидывает одну короткую ногу на угол стола и смотрит на белый прямоугольник и три красных записи под своим именем. Томас Уорд. Кенни Вайнс. Майкл Джонс. Три мертвеца; три открытых дела. Явно не лучшее начало года.

Макларни все еще рассматривает доску, когда входит один из его детективов. Дональд Уолтемейер с папкой старого дела односложно буркает приветствие и проходит мимо к пустому

¹⁸ Парафраз книги Исхода, 20.

столу. Макларни наблюдает за ним несколько минут, придумывая, как бы начать разговор, начинать который совсем не хочется.

– Привет, Дональд.

– Привет.

– Что читаешь?

– Старое дело с Маунт-Вернона.

– Убийство гомосексуала?

– Ага, Уильям Лей, семьдесят седьмой. Где мужика связали и забили, – отвечает Уолтемейер, пролистывая папку до цветных фотографий 5 на 7 дюймов с полуголым окровавленным куском мяса, связанным по рукам и ногам на полу квартиры.

– А что с ним?

– Позвонил полицейский штата из Нью-Джерси. У них там в дурдоме сидит мужик, сказавший, что связал и забил человека в Балтиморе.

– Из этого дела?

– Не знаю. Я, Дэйв или Дональд съездим и поговорим с ним. Может, просто фигня.

Макларни сменяет передачи.

– Я всегда говорил, что ты самый трудолюбивый человек в моей группе, Дональд. Всем так говорю.

Уолтемейер кидает на сержанта подозрительный взгляд.

– Да нет, правда...

– Что надо, сержант?

– А почему мне обязательно что-то надо?

– Эй, – Уолтемейер откидывается на спинку стула, – сколько лет я уже в полиции?

– Что, сержант не может просто сделать комплимент своему детективу?

Уолтемейер закатывает глаза.

– Что надо-то?

Макларни посмеивается, слегка пристыженный тем, как легко его раскусили в роли руководителя.

– Ну, – говорит он аккуратно, – что там с делом Вайнса?

– Ничего особенного. Эд хочет снова привезти Эдди Кэри и поговорить, но больше похвататься нечем.

– Ну, тогда что с Томасом Уордом?

– Это к Дэйву Брауну. Там он старший.

Толкаясь ногой, Макларни подкатывается на кресле к столу Уолтемейера. Опускает голос до заговорщицкого тона.

– Дональд, со свежими делами надо что-то делать. Всего пару минут назад Ди смотрел на доску.

– От меня-то ты что хочешь?

– Я просто спрашиваю – мы ничего не упускаем?

– В смысле, не упускаю ли что-то я? – переспрашивает Уолтемейер, встает и забирает со стола папку Лея. – Это уж ты мне скажи. Я работаю, как могу, но дело либо есть, либо его нет. Как тогда быть? Ты и скажи.

Дональд Уолтемейер медленно закипает. Макларни это видит по тому, как он закатывает глаза – так он делает всегда, когда ему действуют на нервы. Макларни работал в Центральном с одним мужиком, делавшим так же. Душа компании. Практически железная выдержка. Но пусть его только попробует довести какой-нибудь борзый йо – и глаза уже вращаются в орбитах, как на слот-машинах в Атлантик-Сити. Тут уж все копы понимали: переговоры закончены, в ход идут дубинки. Макларни пытается выкинуть воспоминание из головы, продолжая давить на Уолтемейера.

– Дональд, я просто говорю: не годится начинать год со стольких красных дел.

– То есть хочешь мне сказать, сержант, что сюда пришел лейтенант, посмотрел на доску и дал тебе пенделя, а теперь ты передаешь пендель по эстафете мне.

Правда и ничего кроме правды. Макларни вынужден рассмеяться.

– Ну, Дональд, зато ты всегда можешь пнуть Дэйва Брауна.

– Как говорится, дерьмо всегда течет сверху вниз, да, сержант?

Фекальная гравитация. Определение вертикали власти.

– Не знаю, – говорит Макларни, уходя от разговора как можно изящнее. – Вряд ли я видел, как именно течет дерьмо.

– Понял, сержант, я понял, – говорит Уолтемейер, выходя из комнаты отдыха. – Не первый день в полиции.

Макларни откидывается на спинку, привалившись затылком к офисной доске объявлений. Рассеянно берет со стола бюллетень департамента и проглядывает передовицу. Рукопожатия и улыбки комиссаров и замов с каким-нибудь копом, который умудрился пережить очередную перестрелку. Спасибо, сынок, что закрыл от пули Балтимор.

Сержант кладет бюллетень обратно и встает, бросив напоследок взгляд на доску.

Вайнс, Уорд и Джонс. Красный, красный и красный.

Ну, говорит себе Макларни, значит, такой вот у нас будет год.

Вторник, 26 января

Гарри Эджертон начинает день правильно – его начищенный лофер не касается уха мертвеца, когда он входит в экранную дверь таунхауса в Северо-Восточном Балтиморе.

– Чуть на ухо не наступили.

Эджертон вопросительно смотрит на краснолицего патрульного, привалившегося к стене гостиной.

– Что-что?

– Ухо, – повторяет патрульный, указывая на паркет. – Говорю, чуть не наступили.

Эджертон переводит взгляд на бледный кусочек плоти рядом со своей правой туфлей. И в самом деле, ухо. Большая часть мочки и изогнутый ошметок раковины у дверного коврика. Детектив бросает взгляд на мертвеца с дробовиком на диване, потом идет в другой конец комнаты, теперь уже глядя себе под ноги.

– Как это там говорится, – начинает патрульный, словно репетировал целую неделю. – «Римляне, сограждане, друзья...»¹⁹

– Полицейские – большие извращенцы, – смеется Эджертон, качая головой. – Кто оформляет?

– Тут явное самоубийство. Ей вон досталось.

Пожилый патрульный указывает на молодую напарницу, сидящую за столом в столовой. Черная женщина с тонкими чертами лица уже пишет протокол. Эджертон тут же признает в ней новичка.

– Привет.

Она кивает.

– Вы его нашли? Ваш номер?

– Четыре-два-три.

– Вы его трогали, что-нибудь передвигали?

Она смотрит на Эджертона так, словно он прилетел с другой солнечной системы. Трогать? Да ей и смотреть-то на бедолагу страшно. Она качает головой, косится на тело. Эджертон смотрит на краснолицего полицейского, который понимает и принимает беззвучную просьбу.

– Мы за ней проследим, – тихо говорит ветеран. – Все будет в порядке.

Академия выпускает женщин уже более десяти лет, и если спросить Эджертона, то они себя до сих пор не проявили. Многие вступают в полицию с пониманием своего дела и готовностью работать; кое-кого можно даже назвать хорошими полицейскими. Но Эджертон знает, что есть на улицах и попросту опасные сотрудницы. Секретарши, как их зовут старожилы. Секретарши с пушками.

Эти истории с каждым пересказом все страшнее. В департаменте все слышали про девочку на Северо-Западе – новичка, у которой в магазине в районе Пимлико какой-то псих отнял оружие. И еще та полицейская в Западном, объявившая код 13, пока ее напарника избивала семья из пятерых в доме во Втором секторе. Когда примчались машины, она стояла на обочине и указывала на дверь, будто регулировщица какая-то. И такие истории можно услышать в инструктажных любого района.

Пока остальные отделы департамента нехотя свыкались с концепцией женщин-полицейских, убийный оставался последним оплотом мужского правоохранения – пошлой раздевалкой, где второй развод считается чуть ли не обрядом посвящения. Здесь продержалась только одна женщина-детектив: Дженни Уэр провела в убойном три года – достаточно, чтобы показать

¹⁹ Строчка из трагедии «Цезарь» Уильяма Шекспира (пер. М. Зенкевич). Далее следует буквально: «Даруйте мне ваши уши».

себя хорошим следователем и мастером допросов, но не настолько, чтобы традиция закрепи-лась.

Вообще-то всего две недели назад в смену Стэнтона перевели Бертину Сильвер, ставшую единственной женщиной среди тридцати шести детективов и сержантов. По мнению других детективов, которые работали с ней в наркотиках и в патруле, Берт Сильвер – настоящий коп: агрессивная, жесткая, умная. Но ее появление в отделе убийств несильно повлияло на прева-лирующие политические взгляды многих детективов, трактовавших решение выдавать значки женщинам однозначно: варвары уже у ворот Рима. Для многих в убойном Бертина Сильвер не опровергала утвердившуюся теорию, а просто являлась исключением из нее. От обычного уравнения ее спасала безосновательная, но вынужденная логическая гимнастика: женщины в полиции – секретарши, но Берт – это Берт. Друг. Напарник. Коп.

Гарри Эджертон последним пожалуется на Берт Сильвер – он ее считал одной из лучших новеньких в отделе. И не поменял мнение даже вопреки ее неустанной захватнической войне за его стол. Уже много лет просидев за личным столом, в начале года он услышал, что ему придется делиться с Берт из-за нехватки места. Он нехотя согласился, но вскоре обнаружил себя под огнем. Стоило разрешить поставить на стол такие невинные вещицы, как семейные фотографии и золотую статуэтку полицейской, как за ними последовали щетки для волос и запасные сережки в верхнем правом ящике. Затем – нескончаемый поток помад и, наконец, надушенный шарф, то и дело пробиравшийся в нижний ящик, где Эджертон хранил папки подозреваемых от своих предыдущих расследований в отделе наркотиков.

– Ну все, – сказал детектив, уже в третий раз вынимая шарф и засовывая в почтовый ящик Берт. – Если я не дам отпор, она начнет развешивать занавески в допросной.

Но отпор так и не дал, и, в конце концов, Берт Сильвер завоевала половину стола. В глубине души Гарри Эджертон знает, что так и должно быть. Но эта девица, составляющая протокол в гостиной, – не Берт Сильвер. Несмотря на заверения старшего патрульного, он отводит его в сторонку и тихо говорит:

– Если она первый патрульный на месте, ей придется ждать криминалистов, а потом подать документы в отдел вещдоков.

Это замечание – почти что открытый вопрос. Судмедэксперты уже не раз превращали очевидные самоубийства в убийства, и ни к чему, чтобы вчерашняя выпускница академии запорола акты приема-передачи по каждой улике. Патрульный понимает без лишних слов.

– Не волнуйтесь. Мы проследим, – повторяет он.

Эджертон кивает.

– Она справится, – патрульный пожимает плечами. – Черт, да она посообразительней некоторых.

Эджертон открывает стенографический блокнот и возвращается в столовую. Задает обоим патрульным стандартные вопросы, собирая сырой материал для расследования.

На первой странице с датой 26 января в верхнем правом углу детектив уже записал детали вызова, поступившего от полицейского диспетчера в 13:03: «13:03 / Диспетчер № 76 / громкий выстрел / 5511 Лит-уок». На две строчки ниже Эджертон отметил время приезда на место.

Он добавляет имя молодой полицейской, номер ее значка и время приезда. Спрашивает и записывает номер протокола происшествия – 4А53881, где 4 – Северо-Восточный Район, «А» – месяц январь, а остальные цифры – учетный номер. Потом записывает номер прибыв-шей кареты скорой помощи и имя медика, засвидетельствовавшего факт смерти. Заканчивает первую страницу на времени подтверждения.

– Ладно, – произносит Эджертон, впервые приглядываясь к мертвецу. – Кто у нас здесь?

– Роберт Уильям Смит, – говорит краснолицый полицейский. – Тридцать восемь... нет, тридцать девять лет.

– Проживает здесь?

– Проживал, да.

Эджертон записывает на второй странице имя, затем «М/Б/39» и адрес.

– Здесь кто-нибудь был, когда это произошло?

Отвечает патрульная:

– Его жена позвонила 911. Сказала, что была наверху, а он внизу чистил ружье.

– Где она теперь?

– Увезли в больницу из-за шока.

– Успели с ней поговорить?

Полицейская кивает.

– Отрази ее слова в дополнительном рапорте, – говорит Эджертон. – Она сказала, почему он мог застрелиться?

– Сказала, у него давняя история психических расстройств, – вклинивается краснолицый полицейский. – Он только что, одиннадцатого, выписался из Спрингфилдской больницы. Вот его направление.

Эджертон берет у полицейского мятый зеленый листок и пробегает глазами. Мертвец проходил лечение от расстройств личности и – бинго – суицидальных наклонностей. Детектив возвращает бумажку и пишет еще две строчки в своем блокноте.

– Где нашли направление?

– Оно было у его жены.

– Криминалисты уже едут?

– Мой сержант их вызвал.

– А судмедэксперт?

– Сейчас узнаю, – отвечает полицейский и выходит за своей рацией. Эджертон бросает блокнот на стол и снимает пальто.

Он не направляется напрямик к телу, а сначала обходит гостиную по периметру, глядя на пол, стены и мебель. У него уже вошло в привычку начинать на периферии и приближаться к телу сужающимися кругами. Метод рожден тем же инстинктом, который позволяет детективу войти в комнату и десять минут записывать в блокнот голые факты, прежде чем, собственно, взглянуть на труп. Все детективы несколько месяцев приучаются к тому, что труп никуда не денется, будет невредимый и неподвижный ровно столько, сколько нужно времени на осмотр места преступления. А вот у самого места – будь то перекресток, салон автомобиля или гостиная – срок годности начинает выходить, как только кто-то находит тело. Любой детектив, прослуживший больше года, уже может рассказать историю-другую о патрульных, затаптывающих следы крови или хватающих оружие, найденное на месте убийства. И ладно бы патрульные: уже не раз балтиморские детективы приезжали на место стрельбы и обнаруживали какого-нибудь майора или полковника, бродящего там, лапающего гильзы или обшаривающего кошелек жертвы в неугасимом стремлении заляпать своими отпечатками все улики, какие только возможно.

Второе правило из справочника убойного: жертву убивают один раз, зато место преступления можно убить тысячу раз.

Эджертон отмечает направление брызг, успокаивая себя тем, что оно соответствует одному ранению в голову. На длинной белой стене за диваном направо от мертвеца тянется непрерывная красно-розовая дуга – от точки в пятнадцати сантиметрах над головой жертвы до почти что уровня глаз у косяка входной двери. Эта длинная изогнутая линия, состоящая из разрозненных капель, как будто указывает на кусочек уха на дверном половичке. Такая же линия, но меньше, раскинулась на верхних подушках дивана. В щели между диваном и стеной Эджертон находит пару осколков черепа, а на полу сразу справа от мертвеца – практически все, что когда-то занимало голову жертвы.

Детектив присматривается к отдельным брызгам и с удовлетворением подтверждает, что их направление соответствует одиночному ранению от выстрела в левый висок снизу вверх. Эти расчеты – простая физика: капля крови, упавшая на поверхность под прямым углом, будет симметрична, с лучеобразными ответвлениями во все стороны; капля, упавшая на поверхность под острым углом, засохнет так, что длинные ответвления укажут в противоположном направлении от источника крови. В данном случае было бы трудно объяснить кровавый след с ответвлениями в любую сторону, кроме как от головы жертвы.

– Ладно, – говорит детектив, отодвинув журнальный столик, чтобы встать прямо перед трупом. – Посмотрим, что тут у нас.

Мертвец голый, его нижняя половина накрыта клетчатым пледом. Он сидит посреди дивана, остатки его головы покоятся на спинке. Левый глаз таращится в потолок, второй гра-витация втянула глубоко в глазницу.

– Там на столе – налоговая форма, – краснолицый патрульный указывает на журнальный столик.

– Правда?

– Сами гляньте.

Эджертон видит знакомый титульный лист формы 1040.

– Меня они тоже бесят, – говорит патрульный. – Похоже, он совсем потерял голову.

Эджертон громко стонет. Сегодня еще рановато для необузданных полицейских острот.

– Видать, он расставил приоритеты.

– Полицейские, – повторяет Эджертон, – больные извращенцы.

Он смотрит на дробовик между ног жертвы. 12-й калибр, прикладом на полу, стволом вверх, на стволе покоится левая рука жертвы. Детектив смеряет оружие взглядом, но криминалисты еще будут его фотографировать, так что он ничего не трогает. Берет руки мертвеца в свои. Еще теплые. Подвигав его пальцами, Эджертон убеждается, что смерть наступила недавно. Периодически муж или жена в гневе стреляют во вторую половинку, а потом три-четыре часа думают, как быть дальше. Когда им в голову приходит светлая мысль подстроить самоубийство, температура тела уже падает, и в мышцах лица и пальцев начинается трупное окоченение. У Эджертона были случаи, когда убийцы напрасно портили себе нервы, пытаясь впихнуть непослушные пальцы не столь свежего покойника в пусковую скобу, и это выдавало их план с головой, потому что труп напоминал манекен из магазина с реквизитом, приклеенным к безвольной руке. Но Роберт Уильям Смит – очень свежий кусок мяса.

Эджертон записывает: «Ж. зажала ружье между ног... ствол к правой щеке... большое ОР с правой стороны головы. Теплый на ощупь. Окоченения нет».

Оба патрульных наблюдают, как Эджертон надевает пальто и убирает блокнот во внешний карман.

– Не будете ждать криминалистов?

– Ну, я бы хотел, но...

– С нами скучно, да?

– Что тут скажешь? – говорит Эджертон, изображая что-то вроде баритона юной звезды экрана. – Я сделал здесь все, что мог.

Краснолицый полицейский смеется.

– Когда приедут, попросите фотографии комнаты и скажите, чтобы сняли мужика с ружьем между ног. Нам понадобится и ружье, и тот зеленый листок.

– Больничная выписка?

– Да, все пойдет в центр. А квартиру мы закрываем? Жена еще вернется?

– Когда ее увозили, она была сбита с толку. Пожалуй, мы придумаем, как закрыть место преступления.

– Ну и хорошо.

– Это все?

– Да, спасибо.

– Без проблем.

Эджертон смотрит на патрульную, все еще сидящую за столом.

– Как там протокол?

– Готово, – она показывает листок. – Хотите прочитать?

– Да нет, я уверен, что все в порядке, – отвечает Эджертон, зная, что его проверит сержант сектора. – Как вам пока служба?

Полицейская смотрит на мертвеца, затем на детектива.

– Да ничего.

Эджертон кивает, машет на прощание краснолицему и уходит, на этот раз аккуратно обходя ухо.

Через пятнадцать минут он уже за печатной машинкой в офисе убойного отдела, переносит содержимое трех страничек блокнота в одностраничный рапорт для круглосуточного журнала происшествий – форма уголовного розыска 78/151. Даже при том, что Эджертон тыкает одним пальцем, детали кончины Роберта Уильяма Смита ужимаются во внятный текст меньше чем за четверть часа. Основная документация убойного – дела в папках, но круглосуточный журнал – это бумажный след деятельности всего отдела преступлений против личности. Сверившись с ним, детектив может быстро ознакомиться с любым текущим следствием. По каждому происшествию есть соответствующая одно— или двухстраничная запись с коротким описательным заголовком, и, пролистав журнал, по этим заголовкам можно составить полную хронологию насилия в Балтиморе:

«...огнестрел, огнестрел, сомнительная смерть, ножевое, арест / убийство, серьезный огнестрел, убийство, убийство / серьезный огнестрел, самоубийство, изнасилование / ножевое, сомнительная смерть / возможная передозировка, коммерческое ограбление, огнестрел...»

Мертвый, умирающий или только раненый – на каждую жертву в городе Балтимор найдется форма 78/151. Меньше чем за год в убойном Том Пеллегрини заполнил, наверное, больше сотни бланков. Гарри Эджертон со времен перевода в убойный в феврале 1981-го – более пятисот. А Дональд Кинкейд, пожилой детектив из группы Эджертона, – в убойном с 1975-го и наверняка напечатал больше тысячи.

Журнал происшествий – основной инструмент измерения загрузки детективов, и он важнее доски, где фиксируются только убийства и их раскрытия. Если под записью стоит твое имя, это значит, что ты взял трубку, когда раздался звонок, или еще лучше – вызвался поехать, когда другой детектив высоко поднял зеленую карточку – бывший квиток из ломбарда – с записанным адресом и задал вопрос, что старше самого здания: «Кто возьмет?»

Гарри Эджертон вызывался нечасто, и этот простой факт стал в его группе не просто мозолью, а открытой раной.

Никто не сомневался в его способностях следователя, а многие признавали, что и как человек он им нравится. Но в бригаде из пятерых, где каждый работает по своим и чужим делам и отвечает на разнообразные вызовы, Гарри Эджертон был таким одиноким волком и регулярно отлучался на собственные продолжительные приключения. В отделе, где большинство дел выигрываются или проигрываются в первые сутки следствия, Эджертон мог работать по одному делу днями или даже неделями, бесконечно опрашивая свидетелей или ведя наблюдение в свободное от работы время. Его, вечно опаздывающего на ночные инструктажи и перемену, можно было легко застать за столом в три часа ночи, несмотря на то, что его смена закончилась в полночь. По большей части он расследовал без второго детектива, сам брал показания и сам вел допросы, в упор не замечая никаких бедствий, от которых страдала остальная группа. Эджертон считался скорее кем-то вроде бейсбольного контролирующего подающего,

чем рабочей лошадкой, а там, где количество казалось важнее качества, его рабочая этика служила вечным источником трений.

Его происхождение только способствовало оторванности от коллектива. Сын уважаемого нью-йоркского джазового пианиста и дитя Манхэттена, в балтиморский департамент он вступил интереса ради, увидев рекламу в газете. В убойном многие провели все детство на тех улицах, которые теперь охраняли, а для Эджертонна точка отсчета – это Верхний Манхэттен и воспоминания о походах в музей Метрополитен после школы и о ночных клубах, где его мать зналась с такими людьми, как Лина Хорн или Сэмми Дэвис-младший. Его юность настолько далека от полицейской работы, насколько это вообще возможно: Эджертон мог похвастаться тем, что видел вживую Дилана в его первые годы в Гринвич-Виллидже и что сам потом был лидером вокалистом в рок-н-ролл группе – ансамбле с названием в духе «детей цветов» – «Афродита».

Беседа с Гарри Эджертоном могла блуждать от иностранного артхауса к джаз-фьюжну или сравнительным достоинствам импортных греческих вин – последние знания он приобрел благодаря женитьбе на дочери греческого торговца, который после многих лет успешной работы в Судане перевез семью в Бруклин. Все это вместе взятое делало Гарри Эджертона даже в его почтенном возрасте сорока лет загадкой для коллег. В полуночную смену, пока оставшаяся его группа вместе наблюдает за тем, как Клинт Иствуд ласкает самый большой и мощный револьвер в мире, Эджертон в комнате отдыха пишет служебные записки под кассету с песнями Вуди Гатри в исполнении Эммилу Харрис. А в обеденное время он обычно пропадал на Восточной Балтимор-стрит, в задней части ресторана с едой на вынос, где зависал перед рядом игровых автоматов и забывал обо всем на свете в лихорадочных попытках расстрелять разноцветных космических пришельцев лазерными лучами. В офисе, где подозрительной считается даже любовь к розовым галстукам, Эджертон безусловный чудак. Мнение всей группы выразил Джей Лэндсман, как-то раз бросив вскользь: «Для коммуниста Гарри охрнительный сыщик».

И хотя Эджертон – черный, его космополитическое происхождение, хипстерские наклонности и даже нью-йоркский акцент настолько обманывали ожидания, что белые детективы, привыкшие видеть черных через ограниченную призму своего опыта в балтиморских трущобах, считали его ненастоящим черным. Эджертон нарушил все стереотипы и размыл все расовые предрассудки отдела: даже черные детективы местного происхождения вроде Эдди Брауна периодически говорили, что Эджертон, может, и черный, но не «нищербродский черный» – эту категорию Браун, водивший «кадиллак бругем» размером с маленький танкер, припасал для себя. И когда белым детективам нужно было анонимно позвонить на какой-нибудь адрес в Западном Балтиморе, чтобы узнать, дома ли разыскиваемый подозреваемый, от помощи Эджертона энергично открещивались.

– Только не ты, Гарри. Нам нужен тот, кто говорит как черный.

Еще больше Эджертон отбил от коллектива из-за сотрудничества с Эдом Бернсом, с которым его направили в Управление по борьбе с наркотиками для ведения расследования, сожравшего два года. Все началось, когда Бернс узнал имя крупного наркодельца, заказавшего мокруху своей подружки. Не в силах доказать его вину, Бернс и Эджертон несколько месяцев вели прослушку телефонов и наблюдение за электронными средствами, после чего посадили дилера за продажу наркотиков на тридцать лет без права на досрочное. Для Эджертона это было что-то вроде заявления, решительного ответа организованной наркопреступности, что заказные убийства не останутся безнаказанными.

Это был убедительный аргумент. Считалось, что почти половина убийств в Балтиморе связана с употреблением или продажей наркотиков, но уровень их раскрываемости исторически ниже, чем в делах с почти любым другим мотивом. И все же методология убойного отдела не менялась: детективы работали по наркоубийствам независимо друг от друга, как и по любым другим. А Бернс и Эджертон заявили, что преступления в городе взаимосвязаны и сократить их – или того лучше, предотвратить, – можно, только ударив по крупным наркоорганизациям.

С этой точки зрения, неуклонное насилие городских наркокругов обнажало слабости отдела убийств – а именно, что расследования ведутся отдельно, бессистемно и постфактум. Через два года после первого дела в УБН Эджертон и Бернс снова доказали свою правоту, когда целый год прослушивали организацию, которой причислялся десяток убийств и покушений в проджекте Мерфи-Хоумс. Пока детективы следовали традиционному подходу, все нападения с огнестрельным оружием так и оставались открытыми, но в результате этого продолжительного расследования четыре убийства закрыли, а ключевые фигуранты получили двойные пожизненные.

Это было хирургическое правоохранение – но другие детективы не преминули заметить, что два расследования сожрали три года, и на большую часть этого времени оголились две группы, оставшиеся без своих детективов. Кому-то все равно надо было отвечать на телефон, и, пока Эджертон работал в полевом штабе УБН, на других членов его группы – Кинкейда и Гарви, Макаллистера и Боумена – свалилось больше огнестрелов, больше сомнительных смертей, больше самоубийств, больше убийств. Продолжительные отсутствия еще сильнее оттолкнули Эджертона от остальных детективов.

Эд Бернс, верный себе, сейчас был переброшен на масштабное расследование ФБР по наркоорганизации в проджектах Лексингтон-террас – в общем счете оно тоже займет два года. Сначала Эджертон работал с ним, но два месяца назад после скандального спора федеральных и местных руководителей из-за бюджета его сдали обратно в убойный. И то, что теперь Эджертон в обычной ротации и набивает рапорт по такому рутинному и недраматичному происшествию, как суицид, служит источником веселья для всей смены.

- Гарри, что это ты там печатаешь?
- Гарри, ты что, ответил на вызов?
- Гарри, у тебя что, большое расследование?
- Скоро тебя снова командируют, Гарри?

Эджертон закуривает и смеется. После своих специальных назначений он ничего другого и не ожидал.

- Смешно, смешно, – отвечает он все еще с улыбкой. – С вами просто со смеху помрешь.

Боб Боумен, с документами под мышкой, по пути к другой пишмашинке наклоняется и смотрит на заголовок Эджертона.

- Самоубийство? Гарри, ты ездил на самоубийство?
- Да, – подыгрывает Эджертон. – Вот видишь, что бывает, если отвечать на вызовы?
- Наверняка это в первый и последний раз.
- Хотелось бы верить.
- Я и не знал, что тебя пускают на самоубийства. Я думал, ты у нас теперь важняк.
- Да вот подбираюсь теперь.
- Эй, Родж, – говорит Боумен, когда в офис заходит сержант, – а ты знал, что Гарри ездил на самоубийство?

Роджер Нолан только улыбается в ответ. Может, Эджертон и трудный ребенок, зато хороший детектив, Нолан это знает и терпит его тараканов. К тому же у Эджертона на руках не только это простое самоубийство: ему же досталось первое убийство года в группе Нолана – особо жестокое нападение с холодным оружием на Северо-Западе, которое отказывалось раскрываться так просто.

В начале полуночной смены две недели назад Эджертон познакомился с Брендой Томпсон – толстой женщиной с грустным лицом, которая завершила двадцать восьмой год жизни на заднем сиденье четырехдверного «доджа», пыхтящего на холостом ходу рядом с автобусной остановкой и таксофоном в квартале 2400 по Гаррисон-бульвару.

Место преступления, по сути, ограничивалось «доджем» – жертва развалилась на заднем сиденье, ее рубашка и лифчик задраны, обнажая грудь и живот с более чем десятком ноже-

вых ранений. На пол убийца вывернул содержимое ее сумочки, что указывало на ограбление. Кроме этого, других улик в машине не нашли – ни отпечатков, ни волос, ни волокон ткани, ни кожи или крови под ногтями жертвы, ничего. Без свидетелей Эджертому это предстояло разгрести долго.

Две недели он шел в обратном порядке от последних часов Бренды Томпсон, узнав, что в ночь убийства она забрала деньги у молодых уличных дилеров на Пенсильвания-авеню, продававших героин ее мужа. Наркотики – это один мотив, но Эджертон не мог списать и обычное ограбление. На самом деле как раз сегодня он ходил в отдел ограблений по соседству, поднимал все нападения с ножом на Северо-Западе в поисках даже призрачных зацепок.

То, что Эджертон расследует новое убийство, мало что меняет. Как и то, что он без жалоб группе поехал на самоубийство. Его загрузка по-прежнему раздражает сослуживцев, особенно Боумена и Кинкейда. Роджер Нолан, будучи их сержантом, понимает, что дальше будет только хуже. А его работа – не давать детективам грызться, поэтому сержант, слушая перебранки, лучше других понимает, что в каждой шутке есть только доля шутки.

Например, Боумен никак не может уняться:

– До чего мы докатились, раз теперь даже Гарри приходится выезжать на самоубийство.

– Не переживай, – бормочет Эджертон, вынимая листок из печатной машинки, – на этом я исчерпал свою квоту на год.

Тут даже Боумен не может не рассмеяться.

2

Четверг, 4 февраля

Только кажется, что это слезы; дождевая вода, скопившаяся в глазах, сбегает мелкими каплями. Темное-карие, они широко распахнуты, смотрят в сторону над сырым асфальтом; угольно-черные волосы обрамляют темно-коричневую кожу, высокие скулы и курносый носик. Губы приоткрыты, искривлены смутным недовольством. Красива даже сейчас.

Она лежит на левом боку, изогнув спину, подвернув одну ногу под другую. Правая рука – над головой, левая вытянута, тонкие изящные пальчики стремятся по асфальту к чему-то, кому-то, кого уже нет.

На ней красный виниловый дождевик. Штаны с желтым рисунком, грязные и замызганные. Блузка и нейлоновая куртка под дождевиком разорваны, пропитались красным там, где из нее вытекала жизнь. Вокруг шеи идет странгуляционная борозда – глубокий отпечаток веревки или троса, – скрещиваясь под затылком. У правой руки на асфальте стоит голубая матерчатая наплечная сумка с библиотечными книжками, газетами, дешевым фотоаппаратом и косметичкой с продуктами ярких цветов – красного, синего и лилового – преувеличенно девчачьи, больше говорят о желании развлечься, нежели привлечь внимание.

Ей одиннадцать лет.

Среди детективов и патрульных над телом Латонии Ким Уоллес нет простодушной болтовни, грубоватых полицейских шуточек или усталого безразличия. Джей Лэндсман, обходя место преступления, говорит только клинически точными описательными фразами. Том Пеллегрини молча стоит под морозящим дождем, зарисовывая окружение на промокшей странице блокнота. За ними к задней стене дома в сплошном ряду прислонился сотрудник Центрального района, одним из первых прибывший на место: одна рука – на кобуре, вторая рассеяно сжимает рацию.

– Холодно, – говорит он почти что сам себе.

С самого начала никто не сомневается, что Латония Уоллес – настоящая жертва, невинная, как редкие убитые в этом городе. Дитя, пятиклассница – ее использовали и бросили; чудовищное подношение беспримесному злу.

Вызов принял Уорден – ему сообщили не более чем о теле в переулке за кварталом 700 по Ньюингтон-авеню, жилым кварталом в районе Резервуар-Хилл в центре города. Неделю назад смена Д’Аддарио перешла на дневное дежурство, и, когда в 8:15 зазвонил телефон, детективы как раз собирались для утреннего инструктажа в 8:40.

Уорден набросал детали на тыльной стороне квитка из ломбарда, показал Лэндсману.

– Мне взять?

– Да не, все мои уже пришли, – ответил сержант. – Наверняка там какой-нибудь алкаш откинулся рядом с бутылкой.

Лэндсман закурил, нашел в комнате отдыха Пеллегрини, затем перехватил у уходящего с полуночной смены детектива ключи от «кавалера». Через десять минут он уже связывался по рации с Ньюингтон-авеню, вызывал подмогу.

Приехал Эджертон. Потом Макаллистер, Боумен и Рич Гарви – рабочие лошадки из группы Роджера Нолана. За ними Дэйв Браун из команды Макларни и Фред Черути из группы Лэндсмана.

Пеллегрини, Лэндсман и Эджертон обрабатывают место преступления. Остальные рассеиваются в стороны от тела: Браун и Боумен медленно бредут под морозящим дождем по соседним дворам и замусоренным подворотням, не отрывая глаз от земли в поисках крова-

вого следа, ножа, отрезка полусантиметровой веревки, совпадающей с бороздой на шее, или обрывка одежды; Черути, а следом и Эджертоном поднимаются по деревянным лестницам на крытые гудроном крыши соседних одно— и двухэтажных домов, ищут то, что не видно с земли; Гарви и Макаллистер ушли узнавать последние известные передвижения девочки, начиная с сообщений о пропавших за два дня, а затем опрашивая учителей, друзей и библиотекаршу на Парк-авеню, где Латонию Уоллес в последний раз видели живой.

В доме 718 по Ньюингтон Пеллегрини в окружении детективов, патрульных и криминалистов ставит на кухонный стол промокшую сумку. Лэндсман аккуратно откидывает клапан и изучает имущество школьницы.

– В основном книжки, – объявляет он через пару секунд. – Пусть в лаборатории посмотрят. Здесь нам это ни к чему.

Пеллегрини аккуратно передает синюю сумку Фасию – криминалисту. Потом возвращается к блокноту и заново читает голые факты с места преступления – время вызова, номера патрульных, время прибытия, – после чего выходит в заднюю дверь и снова недолго смотрит на мертвую девочку.

В конце переулка уже стоит черный фургон «додж» из морга, и Пеллегрини наблюдает, как во двор заходит Первис из бюро судмедэкспертизы. Первис бросает короткий взгляд на тело, после чего находит Лэндсмана на кухне.

– Мы готовы ехать?

Лэндсман косится на Пеллегрини, и тот сначала колеблется. Там, на пороге дома на Ньюингтон-авеню, его охватывает мимолетное желание попросить подождать, оставить тело на месте – замедлить процедуру и взять под контроль место преступления, будто испарявшееся на глазах. Все-таки это его убийство. Они с Лэндсманом приехали первыми; это он теперь старший детектив. И, хотя сейчас район прочесывается половиной его смены, ответственность лежит только на одном Пеллегрини.

Много месяцев спустя детектив будет вспоминать то утро в Резервуар-Хилле с сожалением и досадой. Будет ловить себя на мысли, как было бы хорошо разогнать со двора за домом 718 всех детективов, патрульных, криминалистов и помощников судмедэксперта. Будет сидеть за столом в дополнительном офисе и воображать неподвижный немой пейзаж, где он сидит в кресле или, может, на стуле на краю двора, изучает тело Латонии Уоллес и окрестности с вдумчивой и рациональной точностью. Будет он вспоминать и то, что в первые моменты уступил решение ветеранам, Лэндсману с Эджертоном, передал свою власть тем, кто проходил подобное уже не раз. И это понятно, но впоследствии Пеллегрини будет кусать локти из-за того, что с самого начала не контролировал собственное дело по-настоящему.

Но тем утром в многолюдной кухне, когда Первис заглядывал к ним в дверь, дискомфорт Пеллегрини – не более чем смутное чувство без голоса и оснований. Он уже набросал в блокноте место преступления и вместе с Лэндсманом и Эджертоном обошел каждый дюйм двора и большую часть переулка. Фасию сделал фотографии и теперь измеряет ключевые расстояния. А главное, время уже к девяти. Район просыпается, и в блеклом свете февральского утра детское тело, распластанное на мокром асфальте под моросью, с каждым мигом выглядит все непристойнее. Даже детективы убойного подчиняются естественному невыраженному желанию забрать Латонию Ким Уоллес с непогоды.

– Да, думаю, мы готовы, – говорит Лэндсман. – Что скажешь, Том?

Пеллегрини молчит.

– Том?

– Да. Готовы.

– Погнали.

Лэндсман с Пеллегрини едут за фургоном в центр, чтобы послушать заключение о вскрытии, а Эджертоном и Черути отправляются на разных машинах к мрачной коробке жилого мно-

гоквартирника на Дрийд-Лейк-драйв, в трех с половиной кварталах от места происшествия. Перед подъездом оба бросают окурки и быстро поднимаются на лестничную площадку второго этажа. Перед тем как постучать, Эджертон смотрит на Черути.

- Давай говорить буду я.
- Да пожалуйста, Гарри.
- А ты тогда отвезешь ее к медэксперту, идет?

Черути кивает.

Эджертон стучит. Достает значок и глубоко вдыхает, услышав шаги в квартире 739А. Дверь медленно открывается, и они видят мужчину тридцати лет в джинсах и футболке. Он впускает детективов с легким кивком раньше, чем Эджертон успеваешь представиться. Молодой человек идет в квартиру, детективы следуют за ним. В столовой сидит маленький мальчик, ест холодные хлопья и листает раскраску. Из спальни доносится звук открываемой двери, потом шаги. Голос Эджертона опускается до шепота.

- Мать Латонии дома?

Ему не успевают ответить. В дверях столовой стоят женщина в халате и девочка-подросток с тем же безупречным лицом, что и у девочки на Ньюингтон-авеню. Глаза женщины, испуганные и невыспавшиеся, прикованы к лицу Гарри Эджертона.

- Моя дочь. Вы ее нашли?

Эджертон смотрит на нее, качает головой, но ничего не говорит. Женщина смотрит мимо Эджертона на Черути, затем на пустую дверь.

- Где она? С ней... все хорошо?

Эджертон снова качает головой.

- О боже.
- Мне жаль.

Девочка сдавливая всхлип и падает в объятия матери. Та обхватывает ребенка и отворачивается к стене. Эджертон смотрит, как женщина борется с нахлынувшими чувствами, как она вся оцепенела, как ее глаза зажмурились на долгую минуту.

- Как... – заговаривает молодой человек.

– Ее нашли этим утром, – произносит Эджертон едва слышно. – Зарезанной в переулке недалеко отсюда.

Мать поворачивается обратно к детективу и пытается заговорить, но слова теряются в мочуем всхлипе. Эджертон смотрит, как она отворачивается и идет к спальне, где ей протягивает руки другая женщина, тетя жертвы и мать мальчика с хлопьями за столом. Затем детектив поворачивается к открывшему дверь – он, хоть и оглушенный, похоже, все еще усваивает, что ему говорят.

– Она должна приехать в бюро медэкспертизы на опознание. А потом, если это возможно, мы бы хотели видеть вас всех в штабе в центре. Нам теперь потребуется ваша помощь.

Тот кивает, затем исчезает в спальне. Пару минут Эджертон и Черути стоят в столовой одни, не зная, куда себя деть, пока тишину не нарушает истерзанный вопль из спальни.

- Как же я это ненавижу, – тихо произносит Черути.

Эджертон подходит к полкам и берет фотографию двух девочек в розовых бантах и кружевах, чинно сидящих на синем фоне. Сияющие улыбки – «скажите чизбургер». Все косички и кудряшки на месте, как положено. Эджертон показывает фотографию Черути, рухнувшему в кресло.

- Вот, – говорит Эджертон, глядя на фото, – что заводит эту гниду.

Девочка тихо закрывает за собой дверь в спальню. Эджертон вдруг узнает в ней старшую сестру со снимка, который уже вернул на полку.

- Она одевается, – говорит им девочка. Эджертон кивает.
- Как тебя зовут?

- Рейшон.
- И сколько тебе лет?
- Тринадцать.

Детектив снова смотрит на фотографию. Девочка ждет новых вопросов; не дождавшись, уходит обратно в спальню. Эджертон тихо проходит по столовой и гостиной, потом заглядывает на крохотную кухню. Мебели мало, вся разномастная, диван в гостиной протерся. Но квартира опрятная и чистая – даже очень. Эджертон замечает, что большинство полок отдано под семейные снимки. К дверце холодильника на кухне приклеен детский рисунок – большой дом, синее небо, улыбающийся ребенок и собака. На стене – распечатанный список школьных мероприятий и родительских собраний. Может и нищета, но не отчаяние. У Латонии Уоллес был дом.

Дверь спальни открывается, в коридор выходит одетая мать в сопровождении старшей дочери. Устало идет через столовую к шкафу в прихожей.

– Готовы? – спрашивает Эджертон.

Она кивает, снимает пальто с вешалки. Ее сожитель надевает куртку. Тринадцатилетка мнетя у шкафа.

- Где твоя куртка? – спрашивает мать.
- Наверное, у меня в комнате.
- Ну, иди за ней, – тихо говорит она. – На улице холодно.

Эджертон возглавляет процессию из квартиры, потом наблюдает, как мать, ее парень и сестра втискиваются в «кавалер» Черути для медленной поездки на Пенн-стрит, где в кафельном помещении их уже ждет серебристая каталка.

Тем временем Рич Гарви и Боб Макаллистер на юго-западном краю Резервуар-Хилла устанавливают последние передвижения Латонии Уоллес. Заявление о пропаже ребенка подано семьей 2 февраля около 20:30, двумя днями ранее, но выглядит оно так же, как десятки других заявлений, которые подают в Балтиморе каждый месяц. Бумаги еще не успели дойти до убойного отдела, расследование ограничивалось рутинными проверками районного подразделения по поиску пропавших людей.

Сначала двое детективов направляются в школу Латонии, чтобы опросить директора, нескольких учителей, а также девятилетнюю одноклассницу жертвы и ее мать, которые видели Латонию в день ее исчезновения. Результаты подтверждают заявление о пропаже:

2 февраля, во второй половине вторника, Латония Уоллес вернулась домой из начальной школы Ютоу-Маршберн. Она пришла около трех и меньше чем через полчаса ушла с голубой сумкой, сказав маме, что хочет дойти до филиала городской библиотеки на Парк-авеню, в четырех кварталах от дома семьи. Затем Латония зашла в дом по соседству и постучалась к подруге, чтобы спросить, не хочет ли сходить в библиотеку и она. Когда мать ее не пустила, Латония Уоллес пошла одна.

Гарви и Макаллистер продолжили хронологию в библиотеке на Парк-авеню, где библиотекарь вспомнила девочку в красном дождевике. Она сказала, что та зашла всего на несколько минут и взяла практически наугад несколько книг, не обращая внимания на названия или темы. Подумав, библиотекарь добавляет, что вид у нее был рассеянный или обеспокоенный и перед уходом она задержалась у двери, погружившись в мысли.

Затем Латония Уоллес ушла с сумкой и растворилась в дневной суете балтиморской улицы, без известных свидетелей. Она отсутствовала еще полтора дня, после чего ее выкинули в том переулке. Куда ее забрали, где она провела больше тридцати шести часов – то есть где находится главное место преступления, – неизвестно. Детективы начнут поиски убийцы Латонии Уоллес, из улик имея практически только ее тело.

С этого Том Пеллегрини и начинает. Он с Джем Лэндсманом ждет в подвальной прозекторской в бюро судмедэкспертизы на Пенн-стрит, глядя, как медики извлекают из останков

Латонии Уоллес голые клинические факты. Сначала все указывает на продолжительное похищение: в желудке жертвы обнаружены полностью переваренные спагетти с фрикадельками, недопереваренные хот-доги и измочаленное жилистое вещество, в котором опознали квашеную капусту. Детектив звонит в школьную столовую и узнает, что на обед 2 февраля подавали спагетти, а дома, перед библиотекой, Латония ничего не ела. Убийца продержал ее живой так долго, что даже покормил последним обедом?

Пока детективы совещаются с медэкспертами в прозекторской, у Пеллегрини крепнут нехорошие предчувствия: Ньюингтон-авеню действительно очистили слишком рано. Как минимум одна улика утеряна навсегда.

Узнав об убийстве девочки, когда детективы уже заканчивали осмотр места, старший медэксперт штата Джо Шмялек примчался из офиса в Резервуар-Хилл после того, как тело уже увезли. Утрачена возможность измерить внутренним термометром температуру тела на месте, что позволило бы Шмялеку сузить время смерти на основе формулы теплопотери в час.

Без этого медэксперту остается отгаликовать только от трупного окоченения (затвердевание мышц) и трупных пятен (затвердевание крови в нижерасположенных участках тела). Но время всех трупных явлений широко варьируется в зависимости от размера, веса и строения тела жертвы, внешней температуры тела на момент смерти и температуры или условий на месте смерти. Более того, в первые часы после смерти трупное окоченение наступает, пропадает, затем снова наступает; патологоанатому приходится осматривать тело через несколько часов повторно, чтобы правильно оценить статус окоченения. Как следствие, детективы привыкли работать с периодами в шесть, двенадцать и даже восемнадцать часов. В случаях, когда уже начинается разложение, шансы оценить время смерти снижаются еще больше, хотя часто сократить период до двух-трех дней помогает мрачная задача – измерение отдельных личинок с тела. Суть в том, что часто медэксперты могут разве что грубо предполагать; коронеры, заявляющие Коджаку²⁰, что его жертва перестала дышать в период с 22:30 по 22:45, – вечный повод для шуток копов, развалившихся перед телевизором в скучную ночную смену.

Когда Пеллегрини с Лэндсманом просят у патологоанатомов ориентировочное время, те отвечают, что у жертвы заканчивается первая стадия окоченения, а следовательно, она мертва по меньшей мере двенадцать часов. Учитывая отсутствие разложения и наличие еды в желудке, детективы делают первую догадку: скорее всего, Латонию Уоллес продержали где-то целый день, убили ночью в среду и бросили на Ньюингтон-авеню в ранние часы четверга.

В остальном же результаты вскрытия однозначны. Латонию Уоллес задушили веревкой, потом жестоко распотрошили острым инструментом – вероятно, столовым ножом с серрейтором. Ей нанесли как минимум шесть глубоких ран в грудь и живот, что детективы относят к избыточному насилию. Хотя жертву обнаружили одетой, недавний разрыв влагалища говорит о растлении, но вагинальный, анальный и оральный мазки не показывают наличие спермы. Наконец, патологоанатомы отмечают, что в одной мочке есть маленькая сережка в виде звездочки, а в другой – нет. Позже семья подтвердит, что во вторник в школу она надела обе.

Подробно осмотрев ранения, Пеллегрини и Лэндсман лишний раз убеждаются, что задворки Ньюингтон-авеню – не место убийства. Слишком мало крови, хотя раны глубокие и кровотечение было бы значительным. Встает первостепенный вопрос: где убита девочка, если не в переулке? Где основное место преступления?

Когда детективы, работающие по делу, садятся в тот день в офисе сверить заметки, Джей Лэндсман описывает все более очевидный собравшимся сценарий:

– Ее обнаружили на пути между библиотекой и домом, – говорит сержант, – а значит, похититель – из этого района, и она наверняка его знала, если он смог забрать ее с улицы средь

²⁰ Коджак – главный герой популярного сериала «Коджак» (Kojak, 1973–1978) о полицейском в исполнении Телли Саваласа.

бела дня. Он завел ее в какое-то помещение. Если хватаешь кого-нибудь на улице и сажаешь в машину, то не повезешь же после убийства обратно в район.

Еще Лэндсман предполагает – и с ним соглашаются все, – что девочку наверняка убили в одном-двух кварталах от места, где ее бросили. Он рассуждает, что человеку с окровавленным телом ребенка, прикрытым разве что красным дождевиком, даже ночью не захочется уходить далеко.

– Если только он не привез ее в переулок на машине, – добавляет Пеллегрини.

– Но тогда опять встает вопрос, почему убийца, если она и так у него в машине, сбрасывает ее в переулке, где его можно увидеть из любого окна, – возражает Лэндсман. – Чего тогда не отвезти ее в какой-нибудь лес?

– Может, мы имеем дело с психом, – говорит Пеллегрини.

– Нет, – говорит Лэндсман. – Твое место преступления – прямо посреди района. Небось, это кто-нибудь из того же квартала – вынес ее из задней двери... или из заброшенного дома, гаража, чего-то такого.

Лэндсман дробит собрание, если его можно так назвать, на группы, чтобы проработать отдельные частички единого целого.

Пеллегрини, как старший детектив, начинает читать ключевые показания родственников, взятые полудюжиной детективов, чтобы усвоить детали головоломки, уже известные другим. Анкеты семьи жертвы, кое-кого из одноклассников, пятидесятитрехлетнего жильца дома 718, который и обнаружил тело, когда выносил с утра мусор, – Пеллегрини пробегает каждую страницу в поисках необычных фраз, нестыковок, чего угодно странного. При одних опросах он присутствовал лично; другие прошли до того, как он вернулся со вскрытия. Теперь он навёрстывает, чтобы не потерять представление о деле, расширяющемся в геометрической прогрессии.

В это же время Эджертон и Черути сидят в дополнительном офисе, в окружении коричневых бумажных пакетов для улик, где лежат вещи с утреннего вскрытия: туфли, окровавленная одежда, частицы из-под ногтей для возможного анализа ДНК или типа крови напавшего, образцы крови и волос самой жертвы для возможных будущих сравнений, а также волосы – людей как негроидной, так и европеоидной расы, – которые находились на жертве и могут иметь (а могут и не иметь) какое-то отношение к преступлению.

То, что чужие волосы есть, аккуратно фиксируется, но как минимум в Балтиморе детективы убойного отдела привыкли считать подобные трасологические улики наименее ценными. Для начала, лаборатория только в редких случаях – обычно с европеоидными волосами определенных цветов – может безусловно сопоставить найденный образец с образцами подозреваемого. В случае негроидных и темных европеоидных волос криминология может разве что сказать, что у образцов есть схожие классовые характеристики. Сейчас для правоохранительных органов становится доступнее ДНК-анализ, однозначно связывающий трасологические улики с конкретным подозреваемым на основании генетических характеристик, но лучший результат дают образцы крови и ткани. А чтобы сверить ДНК найденного волоса и волоса подозреваемого, требуется как минимум один целый волос с корнем. К тому же Лэндсман и многие другие детективы сильно сомневаются в чистоте содержания трасологических улик в бюро медэкспертизы, где в стесненных условиях ежедневно проводится множество вскрытий. Волосы могли с тем же успехом попасть на тело Латонии Уоллес с мешка для тела или с полотенца, которым жертву протирают перед внутренним осмотром. Это могут быть волосы помощников медэксперта, следователей, засвидетельствовавших смерть медиков и даже прошлого трупа на носилках или каталке.

Эджертон начинает заполнять пустые строчки в первой из множества криминологических форм: один красный дождевик, в крови. Один красный жилет, в крови. Пара синих сапог. Запрос на анализ крови и трасологических улик. Особый анализ скрытых отпечатков.

Другие детективы сводят и каталогизируют показания свидетелей или сидят за печатными машинками в административном офисе, набивая рапорт за рапортом о деятельности в течение дня. Третья группа сгрудилась в том же офисе у компьютерного терминала, чтобы поднять судимости почти всех жильцов, чьи имена собраны после предварительного обхода северной стороны квартала 700 по Ньюингтон – шестнадцати домов, на чьих задворках и нашли тело.

Результат компьютерной проверки – сам по себе срез городской жизни, и Пеллегрини, просмотрев показания свидетелей, теперь знакомится с каждой распечаткой. Скоро однообразие приедается. На более чем половине из сорока имен компьютер выдает пару страниц приводов. Разбой, нападение со злым умыслом, изнасилование, кража, применение смертельного оружия – в плане криминального поведения в Резервуар-Хилле не так уж много девственников. Особый интерес для Пеллегрини представляют полдесятка мужчин, за кем числится хотя бы одно половое преступление.

Еще по базе пробивают имя, которое назвала семья жертвы, – имя владельца рыбного магазина на Уайтлок-стрит. Латония Уоллес иногда подрабатывала там за карманные деньги, пока что-то не заподозрил сожитель ее матери – тот тихий молодой человек, открывший утром Эджертому. Рыбник, как его давно зовут в районе, – пятидесятилетний холостяк, проживающий в квартире на втором этаже напротив своего магазина. Сам магазин – одно помещение на повороте Уайтлок-стрит, в коротком коммерческом ряду Резервуар-Хилла, – и в двух кварталах к западу от переулка, где оставили тело. Рыбник – седой и побитый временем мужчина – вел себя с Латонией дружелюбно, даже слишком, считает семья девочки. Среди школьников и их родителей ходили разные слухи, и Латонии недвусмысленно велели избегать магазина на Уайтлок-стрит.

Пеллегрини обнаруживает, что и у Рыбника есть история в базе, в которой зарегистрированы аресты в городе вплоть до 1973 года. Но в его досье ничего не бросается в глаза – в основном пара арестов за нападения, хулиганство и тому подобное. Пеллегрини читает внимательно, но не меньше внимания уделяет краткому и незначительному досье сожителя матери. Работа в отделе по расследованию убийств требует мыслить цинично, и детектив только после подробной проверки вычеркивает из списка подозреваемых самых близких к жертве людей.

Эта канцелярская работа тянется до пересменки в четыре часа, а затем – до вечера. Шесть детективов Д'Аддарио перерабатывают безо всяких причин, кроме самого дела, не задумываясь о зарплате. Это дело – классический «красный шар», и поэтому к нему приковано внимание всего департамента: подразделение по преступлениям несовершеннолетних дает убойному в помощь двух детективов; спецподразделение выделяет восемь сотрудников в штатском; отдел особых расследований с другого конца коридора шлет двух специалистов из подразделения по профессиональным преступникам; Центральный и Южный районы присылают по два человека из своих оперативных отделов. В убойный набивается толпа теплых тел: кто-то занят конкретным аспектом следствия, кто-то попивает кофе в допфисе, все – ждут указания Джея Лэндсмана, сержанта, контролирующего следствие. Предлагают помочь и детективы с ночной смены, но, видя растущую армию, постепенно ретируются в прибежище комнаты отдыха.

– Сразу видно, что сегодня убили маленькую девочку, – говорит приехавший пораньше Марк Томлин из смены Стэнтонна. – Восемь вечера, а весь департамент остается на работе.

Но и оставаться в офисе никому не хочется. Пока основная группа из Пеллегрини, Лэндсмана и Эджертона сортирует накопленные за день сведения и планирует фронт работ на следующий день, остальные присланные детективы и сотрудники мало-помалу удаляются в Резервуар-Хилл, и скоро на всех улицах и переулках от Норт-авеню до Друзид-Парк-Лейк-драйв кишат патрульные машины и «кавалеры» без опознавательных знаков.

Оперативники в штатском почти весь вечер дрючат барыг на Уайтлок и Брукфилд, уезжают, через час возвращаются и дрючат еще. Патрульные машины Центрального района ката-

ются по всем задворкам и требуют предъявить документы у каждого, кто попадет рядом с Ньюингтон-авеню. Пешие патрули зачищают углы Уайтлок-стрит от Ютоу до Кэллоу, допрашивая любые подозрительные лица.

Впечатляющая демонстрация силы, успокаивающая тех в районе, кому нужно успокоиться. И все же это преступление не торговцев кокаином, героиновых наркоманов, мошенников или проституток. Это совершил один человек, без посторонней помощи, под покровом ночи. Даже когда их гонят с насиженных углов, пацаны с Уайтлок-стрит говорят что-нибудь вроде:

- Надеюсь, вы словите эту мразь, мужики.
- Найдите гада.
- Заприте эту падлу.

На один февральский вечер уличный кодекс забыт, и дилеры с нариками охотно делятся с полицией всем, что знают: в основном – ерундой, часто – нечленораздельной. На самом деле маневры в Резервуар-Хилле вызваны не расследованием, а территориальным императивом – чтобы побряцать оружием. Они заявляют жителям одной улицы в обшарпанных измученных трущобах, что смерть Латонии Уоллес выделили с первых же минут и возвысили над обычными грешками и пороками. Балтиморский политический департамент, включая отдел убийств, наведет порядок на Ньюингтон-авеню.

Но, несмотря на все раздувание щек и воинственность, проявленные в первую ночь после обнаружения Латонии Уоллес, на улицах и переулках Резервуар-Хилла царит не менее сильная противоположная атмосфера – какая-то чужеродная, неестественная.

Первым это чувствует Черути, когда делает всего два шага от «кавалера» на Уайтлок – и какой-то лох пытается толкнуть ему героин. Потом это затрагивает и Эдди Брауна, когда тот зашел в корейскую забегаловку на Брукфилд за сигаретами, но столкнулся с пьяным в дым забулдыгой с выпученными глазами, пытавшимся вытолкать детектива взашей.

- Иди ты на фиг, – рычит Браун, швыряя алкоголика на тротуар. – Из ума выжил?

А через полчаса этот дух снова дает о себе знать целой машине детективов, приехавших на задворки Ньюингтон-авеню, чтобы в последний раз глянуть на место происшествия. Когда машина крадется по замусоренному переулку, свет фар падает на крысу размером с собачонку.

– Господи, – говорит Эдди Браун, выходя из машины. – Вы только гляньте, какого она размера.

Из неприметной машины высыпают остальные детективы. Черути подбирает обломок кирпича и запускает через полквартала, промазав мимо крысы на пару метров. Зверь невозмутимо тарашится на «шевроле», потом убредает по переулку и там припирает к стенке из бетонных блоков большую черно-белую дворовую кошку.

Эдди Браун в шоке.

- Нет, ты видел размер этого монстра?

– Эй, – говорит Черути. – Я увидел больше, чем хотел.

– Я уже давно живу в городе, – говорит Браун, качая головой, – и ни разу – ни разу – не видел, чтобы крыса так гоняла кошек.

Но в ту ночь, в том переулке, за ветхим рядом домов на Ньюингтон-авеню, привычный мир исчез. Крысы охотятся за кошками, детективам суют целлофановые пакетики с героином, школьники используют потехи ради, потрошат и выбрасывают.

- Ну на фиг, – говорит Эдди Браун, садясь обратно в «шевроле».

По крайней мере, на бумаге у детектива балтиморского отдела убийств немного полномочий. Эта специализация не дает рост в звании и, в отличие от других американских городов, где в комплекте с должностью детектива и золотым значком идет повышение зарплаты и власти, балтиморский детектив носит серебряный значок и считается начальством патрульным в

штатском – а эта разница приносит лишь небольшую прибавку к жалованию для расходов на одежду. Вне зависимости от своей подготовки или стажа, детектив работает за те же деньги, что и другие офицеры. Даже учитывая возможность получать – по желанию – еще треть зарплаты за переработки и показания в суде, профсоюзные ставки все равно начинаются с 29 206 долларов после пяти лет службы, затем 30 666 – после пятнадцати лет и 32 126 – после четверти века.

Так же нормы департамента равнодушны к особым обстоятельствам детектива убойного отдела. Устав БПД (для начальства это разумные положения об авторитете и порядке; для рабочего копа – вечно переписываемая хроника горя и страданий) почти не различает патрульных и детективов. За одним критическим исключением: детектив – главный на месте преступления.

Где бы и когда бы в Балтиморе ни упал труп, на месте преступления детектив – царь и бог; никто не может ему сказать, что делать или не делать. Комиссары полиции, замкомиссара, полковники, майоры – там все равны перед детективом. Конечно, это не значит, что детективы то и дело отменяют приказ замкомиссара, стоя над покойником в комнате. Сказать по правде, никто толком и не знает, что тогда будет, и общий консенсус в убойном – все бы хотели посмотреть на того психа, который это выкинет. Дональд Кинкейд, ветеран из смены Д'Аддарио, десять лет назад вошел в историю, когда приказал командиру спецподразделения – всего-то занюханному капитану – проваливать на хрен из номера в мотеле после того, как тот пустил десяток человек из своего стада безнаказанно пастись на еще необработанном пастбище Кинкейда. Тут же посыпались служебные записки и обвинения в административках, потом еще записки, потом ответы на записки, ответы на ответы, пока Кинкейда не вызвали на комиссию в кабинет замкомиссара, где ему тихо подтвердили, что он правильно толковал устав, что его власть безусловна и что он имел полное право ею воспользоваться. Полнейшее право. И если он решит оспорить обвинения на разбирательстве, его наверняка осудят и сошлют из убойного в пешие патрульные южных пригородов Филадельфии. Но если он согласится проглотить наказание в виде лишения пяти отпускных дней, то может оставаться детективом дальше. Кинкейд прозрел, увидел свет и отступился; полицейский департамент редко дружит с логикой.

Но все-таки особые полномочия детектива на крошечном пятачке, где упадет труп, говорят о важности и хрупкости места преступления. Люди из убойного любят напоминать друг другу – и всем, кто под руку подвернется, – что у детектива есть всего один шанс осмотреть место. Делаешь, что должен, а потом все оклеивают желтыми полицейскими лентами «не входить». Пожарные смывают кровь из шланга; криминалисты уезжают на следующий вызов; район возвращает себе аннексированную территорию.

Место преступления приносит самую большую порцию улик – первую из Святой троицы детектива, по принципам которой преступление раскрывают три вещи:

Вещдоки.

Свидетели.

Признания.

Без одного из первых двух элементов у детектива почти нет шансов найти подозреваемого, который даст третий элемент. В конце концов, расследование убийства ограничено тем самым фактом, что жертва – в отличие от разбоя, изнасилований или тяжких нападений, – уже не в состоянии дать показания.

В троицу детектива не входит мотив, который в большинстве расследований не играет большой роли. Лучшие произведения Дэшила Хэммета и Агаты Кристи говорят, что для поимки убийцы сначала нужно установить мотив; в Балтиморе, в отличие от Восточного экспресса, мотив – это интересно, даже полезно, но часто – мимо кассы. К черту «зачем», скажет вам детектив; узнай «как» и в девяти случаях из десяти поймешь «кто».

Эта истина идет вразрез с традициями, и присяжным в суде всегда непросто перестроиться, когда детектив выходит на трибуну и объявляет, что понятия не имеет, за что Джонни выстрелил Джеки в спину пять раз, и, если честно, плевать хотел. Джеки уже не может рас-

сказать, а Джонни – не хочет. Но, эй, слушайте, вот вам ствол, вот вам пули, отчет баллистиков и два невольных свидетеля, видевшие, как Джонни спустил курок, а потом выбрали этого вшивого неграмотного убийцу из набора снимков. Ну и какого хрена вам еще от меня надо? Дворецкого, блин, допросить?

Вещдоки. Свидетели. Признания.

Вещдоками может быть что угодно, от читаемого скрытого отпечатка на стакане до пули, выковырянной из гипсокартона. Это может быть что-то очевидное, как следы обыска в доме, что-то малозаметное, как номер в пейджере жертвы. Одежда жертвы или сама жертва, если крошечные темные пятнышки на ткани или коже указывают на то, что рану нанесли с близкого расстояния. Или кровавый след, демонстрирующий, что сначала на жертву напали в ванной, а потом преследовали до спальни. Или игра «что не так на этой картинке», когда свидетель заявляет, что дома никого не было, но на кухонной стойке находятся четыре грязные тарелки. Вещдоками с места преступления является и их отсутствие: когда нет следов взлома; когда нет крови из зияющей раны на шее, что говорит об убийстве в другом месте; когда у мертвеца в подворотне вывернуты карманы, что указывает на мотив ограбления.

Есть, конечно, священные случаи, когда одни уже улики изобличают подозреваемого. Недеформированная и целая пуля, пригодная для баллистической экспертизы с найденным оружием или патронами того же калибра от другой перестрелки, на которой опознали подозреваемого; образец спермы с вагинального мазка, совпадающий по ДНК с образцом возможного насильника; след ноги рядом с телом на железнодорожной насыпи, сверенный с кроссовкой подозреваемого, сидящего в допросной. Такие случаи неопровержимо доказывают, что Творец еще не забыл о своем промысле и что на какое-то мимолетное мгновение детектив убийного служит сосудом его божественной воли.

Впрочем, гораздо чаще улики с места преступления дают детективу менее конкретную, но все-таки важную информацию. Даже если голые факты не ведут к подозреваемому сразу, они позволяют составить в общих чертах картину преступления. Чем больше фактов детектив уносит с места, тем больше он знает о том, что могло быть, а что – нет. И в допросной это дорогого стоит.

В звуконепроницаемых кабинках отдела убийств свидетель сходу заявит, что спал, пока в соседней комнате палили без разбора, и будет твердить это до тех пор, пока детектив не возразит, что простыни не помяты. Свидетель скажет, что стреляли никак не из-за наркотиков, он вообще ничего не знает о них, пока детектив не ответит, что уже нашел под матрасом 150 капсул героина. Свидетель заявит, что вооружен был только один нападавший, и перестрелки как таковой не было, пока детектив не обозначит четко, что в гостиной найдены гильзы от девятимиллиметрового и 32-го калибра.

Не имея знаний, выведенных из вещдоков, детектив входит в допросную без рычага давления, без способа вытянуть правду из подозреваемых или свидетелей-молчунов. Эти сволочи могут врать до умопомрачения, а детективы от досады – орать на них до умопомрачения. Но без вещдоков ситуация патовая.

Улики помогают не только в случае с теми, кто говорить не желает, но и с теми, кто дает показания добровольно. Заключение в городской тюрьме, чтобы скостить срок, то и дело заявляют, будто слышали похвальбу или признания сокамерников, но всерьез детективы расследуют лишь заявления с подробностями о преступлении, известными только преступнику. И точно так же признание с подробностями, полученное у подозреваемого, правдоподобнее звучит в суде. Поэтому детектив возвращается с каждого места преступления с мысленным списком важных деталей, которые он не скажет газетным и телевизионным репортерам, когда в офис начнут названивать уже через полчаса после того, как жертва испустит дух. Обычно детектив скрывает калибр оружия, точное расположение ранений или необычные предметы поблизости. Если убийство произошло в доме, а не на улице, где могут собраться зеваки, сле-

дователь умолчит об одежде жертвы или точном расположении тела. В случае Латонии Уоллес Лэндсман и Пеллегрини не говорили о странгуляционной борозде на шее или о том, что ее задушили веревкой. Еще не говорили о признаках растления – ну или пытались: через неделю после убийства один полковник счел нужным поделиться мотивом убийства с озабоченными родителями на собрании в Резервуар-Хилле.

С точки зрения детектива, нет места преступления лучше, чем труп в доме. Мало того, что туда проще не допускать зевак или любопытных репортеров, но и сам дом тут же подкидывает вопросы. Кто владелец или съемщик? Кто тут живет? Кто был внутри? Почему моя жертва в этом доме? Она тут жила? Кто ее сюда привел? К кому она пришла? И да, можно сразу вызывать грузовик, потому что в центр отсюда поедет все.

Чтобы убить в доме, убийце сначала нужно проникнуть внутрь – либо по приглашению жертвы, либо взломав дверь или окно. Так или иначе следователь что-то да узнает. Отсутствие следов взлома допускает возможность, что нападавший и жертва знали друг друга; следы взлома допускают возможность, что убийца оставил отпечатки пальцев на стене или косяке. В самом доме убийца мог коснуться кухонных предметов или гладких поверхностей, оставив еще больше скрытых отпечатков. Если убийца палил без разбора, большинство шальных пуль останется в дырках в стене, потолке, мебели. Если жертва оказала сопротивление и ранила нападавшего, то брызги крови или вырванные волосы куда проще найти в ограниченных пределах гостиной. То же самое относится к волокнам ткани и другим трасологическим уликам. Криминалист пропылесосит трехкомнатный дом меньше, чем за час, потом сдаст содержимое пылесоса специалистам в белых халатах – и те его просеют в своей лаборатории на пятом этаже.

Но на улице тело не говорит ничего. Убей человека по дороге в магазин за выпивкой – и можешь не переживать, что госслужащие пойдут пылесосить пыль по всему кварталу 2500 на Дивижн-стрит. Расстреляй человека на улице – и велик шанс, что большую часть пуль уже никто не найдет. Убей кого-нибудь на улице – и на месте преступления детектив найдет от силу брызги крови да пару стреляных гильз. Здесь не только меньше возможностей найти улики, но также размываются пространственные отношения между убийцей, жертвой и местом преступления. В четырех стенах у убийцы и жертвы есть определяемая привязка к конкретному месту; на улице детектив не вычитает имена в счетах за квартплату или в договоре о съеме. Не соберет фотографии и разрозненные бумажки, его не будут ждать записки и телефонные сообщения, накарябанные на полях газет.

Конечно, детектив знает, что у убийства на улице есть и свои преимущества, а именно – возможное наличие свидетелей, второго элемента в следственной триаде. Поэтому в путеводителе уличных убийц отдельное место давно занимает одна альтернатива – особенно в таком городе с блокированной застройкой, как Балтимор, где у каждого квартала есть задний переулок. Убей человека на задворках – и минимизируешь риски оставить как улики, так и свидетелей. В Балтиморе сообщение о теле в переулке дежурный детектив неизбежно встречает стонами и прочими горловыми звуками.

На самом деле только при одном раскладе надежды еще меньше, чем с трупом в переулке. Когда балтиморского детектива вызывают в лес и заросли ежевики вдоль западной окраины города, это может означать только одно: кто-то из горожан совершил что-то очень плохое, но очень-очень хорошо. Уже два поколения Ликин-парк является излюбленной балтиморской свалкой для тех, кто покинул этот свет из-за пули или ножа. Эта обширная лесистая глушь вокруг ручья под названием Гвиннс-Фоллс послужила местом стольких незаконных захоронений, что должна бы считаться городским кладбищем. В Нью-Йорке есть джерсийские болота или реки в черте города; в Майами – Эверглейдс; в Новом Орлеане – байу. В Балтиморе случайный неудобный труп частенько прикапывают на обочине петляющей Франклинтаун-роуд. Среди легенд департамента полиции бытует одна – возможно, апокрифическая, – о классе кадетов, искавших на участке лесопарка пропавшего человека, которым начальник смены Юго-

Западного района лукаво заметил, что они ищут одно конкретное тело: «Если будете хватать все, что попадется, мы тут зависнем на весь день».

Детективы-ветераны заявляют, что даже самые неприметные места что-то да говорят о преступлении. В конце концов, даже труп в переулке оставляет детективу вопросы: что убитый в переулке делал? Откуда пришел? С кем? Но перевезенный труп – будь то в Ликин-парке или в переулке, в заброшенном доме или багажнике, – не скажет ничего. Он молчит об отношениях убийцы, жертвы и самого места. Он по определению лишает убийство хронологии и – за исключением предметов на нем – улики.

Где бы и каким бы ни было место преступления, его ценность для следствия целиком и полностью зависит от самого детектива. От его способности устранить посторонних и сохранить все в нетронутном виде; от его наблюдательности, умения увидеть место преступления в целом, в частностях и со всех возможных ракурсов; от его готовности сделать все, что хотя бы теоретически принесет вещдоки; от его сообразительности, благодаря которой можно избежать бессмысленных или бесплодных процедур.

Это субъективный процесс. Даже лучшие следователи признают, что, сколько улик ни вывози, детектив неизбежно вернется в отдел с гложущим ощущением, будто он что-то упустил. Эту истину ветераны вбивают новичкам в головы первым делом, эта истина – неумолимый характер самого места преступления.

Что бы ни происходило до того, как место происшествия будет оцеплено, проконтролировать это невозможно, и сразу после огнестрела или поножовщины некому приструнить патрульных, медиков или зевак, видоизменяющих окружение в попытке обезоружить участников или оказать первую помощь жертве. Но если не считать таких необходимых действий, первый полицейский на месте убийства обязан не дать его затоптать – причем не только местным, но и сослуживцам. Еще хорошему первому полицейскому и прибывающим после положено хватать всех потенциальных свидетелей, ошивающихся рядом.

Обязанности первого полицейского заканчиваются с прибытием детектива, который, если знает свое дело, начинает с замедления всех неотложных следственных действий и тем самым мешает чьей угодно дурасти причинить значительный ущерб. Чем сложнее место преступления, тем медленнее тянется процесс, чтобы у детектива было хотя бы подобие контроля над полицией, свидетелями, зеваками, криминалистами, помощниками медэксперта, младшими детективами, начальниками смены и вообще всем живым в окрестностях. Не считая гражданских, все знают свои обязанности, всем можно доверять, но, как и в остальном, на бога надейся, а сам не плошай.

Еще до конца года детектив из смены Стэнтонна приедет на место преступления, откуда команда медиков-новичков заберет мертвеца – причем мертвец мертвого – на последнюю поездку в ближайшую реанимацию. Там им разъяснят, что политика больницы – принимать только тех пациентов, которые хотя бы цепляются за жизнь. Смущенные медики подумают-подумают да и вернут тело обратно на улицу. После их приезда план нерешительно одобряют патрульные, предположив, что уж медики-то знают, как правильно. Патрульные бы наверняка еще постарались и уложили тело так, как оно лежало изначально, если бы не приехал детектив и не сказал, что все уж, спасибо, не надо. Хрен с ним теперь, везите бедолагу сразу на вскрытие.

Точно так же Роберт Макаллистер, опытный детектив и ветеран с сотнями мест преступлений за плечами, вскоре окажется на кухне в Пимлико, над окровавленным телом восьмидесятиоднолетнего старика, которого в жестоком ограблении с взломом пырнули ножом сорок пятьдесят раз. На комод в спальне будет лежать оружие убийства с запекшейся кровью на изогнутом лезвии. То, что такую вопиющую улику потревожат, настолько немыслимо, что Макаллистер сочтет излишним об этом напоминать. И из-за этого умолчания молодая патрульная, недавно попавшая на улицы, забредет в спальню, возьмет нож за рукоятку и принесет на кухню.

– Я нашла это в спальне, – скажет она. – Это важно?

Допустим, всех подобных бедствий избежали и место преступления сохранили; детективу остается найти и забрать доступные улики. Для этого не пылесосят все комнаты подряд, не снимают отпечатки со всех плоских поверхностей и не везут в отдел вещдоков все пивные банки, пепельницы, обрывки бумаги и фотоальбом в придачу. Приличия и здравый смысл ценятся не меньше усердия, и детектив, не видящий разницы между возможностью, вероятностью и догадками, вскоре обнаружит, что рискует перегрузить процесс сбора улик.

Вспомним, например, что заваленные работой эксперты в баллистической лаборатории отстают от графика на недели. Вы хотите, чтобы они сравнили вашу пулю 32-го калибра с пулями 32-го из других перестрелок конкретно этого года – или заодно и прошлого? Точно так же с экспертами по отпечаткам пальцев, которые вдобавок к открытым убийствам занимаются скрытыми отпечатками с грабежей, разбоев и еще десятка видов преступлений. Вы скажете им проверить поверхности, которые кажутся непо потревоженными и не имеющими отношения к преступлению, – или попросите сосредоточиться на предметах, которые сдвигались или находились близко к месту смерти? Когда старушку задушат в постели, нужно ли пылесосить весь дом, зная, как долго трасологическая лаборатория будет перебирать грязь и пыль, волосы и волокна ткани только из одной комнаты? Или, понимая, что здесь не было масштабной борьбы в разных комнатах, лучше попросить помощников медэксперта осторожно завернуть тело в простыни, чтобы сохранить волосы и волокна ткани на кровати?

Криминалисты, доступные на каждой смене лишь в небольшом количестве, сами по себе ограниченный ресурс. Возможно, человека, работающего у вас, пришлось сдернуть на убийство с коммерческого грабежа, и, возможно, спустя полчаса его затребуют на другой огнестрел в противоположном конце города. Не менее ценно и ваше время. Часы активной полуночной смены может понадобиться поделить между двумя убийствами и полицейской стрельбой. Да и при одном убийстве часы, проведенные на месте преступления, следует соизмерять с тем временем, какое можно выделить на допрос свидетелей в центре.

Все места преступлений разные, один и тот же детектив может отвести двадцать минут на уличный огнестрел или двенадцать часов – на нападение с холодным оружием на двоих человек в двухэтажном доме. В обоих случаях важны баланс, понимание, что надо сделать и что можно сделать, чтобы получить улики. Еще требуется настойчивость, чтобы проследить за самыми важными процедурами, проверить, что все делается правильно. В каждой смене есть криминалисты, при чьем виде детективы на сложном месте преступления вздыхают с облегчением, тогда как некоторые не смогут снять четкий отпечаток даже с руки подозреваемого. А если нужны фотографии месторасположения критических улик, лучше так сразу и сказать – иначе тебе придут глянцевые снимки 5 на 8 дюймов со всех ракурсов, кроме самого нужного.

Это базовые требования. Но есть в местах преступлений что-то еще, что-то неосознанное на спектре между отточенными навыками и чистейшим чутьем. Обычный человек, даже самый наблюдательный, посмотрит, увидит много деталей и сделает общий вывод. Хороший детектив посмотрит на то же место и осмыслит все как части единого целого. У него как-то так получается выделить важное, разглядеть, что соответствует месту, что ему противоречит, что на нем необъяснимо отсутствует. Если заговоришь с балтиморским детективом о дзене и искусстве следствия, тебе вручат «Миллер Лайт» и попросят завязывать со своей хиппи-коммунистической пропагандой. Но есть что-то на месте преступления если не совсем антирациональное, то уж точно интуитивное.

Тут сложно что-то объяснить, когда Терри Макларни, глядя на полуголоое тело пожилой женщины, очоленной без видимых травм в постели, на основании открытого окна и единственного лобкового волоса на простыне делает правильный вывод, что расследует изнасилование и убийство.

Или когда Дональд Уорден, пройдясь по пустой улице Восточного Балтимора через минуту после огнестрела, прикладывает руку к капоту одной из двадцати припаркованных машин и чувствует теплый двигатель – явный признак, что недавно в машине сидели люди, но сбежали, чтобы не стать свидетелями. «Заднее окно запотело, – пожмет он потом плечами. – И стояла она чуть в стороне от бордюра, будто водитель парковался в спешке».

Или когда Дональд Стайнхайс, ветеран из смены Стэнтонна, всей душой верит, что висят на потолке спальни женщина наложила на себя руки, но все-таки не может выйти из комнаты, пока не разберется с одной-единственной мелочью. Он полчаса сидит в тени покойницы, глядя на тапочки под трупом. Левый – под правой ногой, а правый – под левой. Она что, неправильно надела тапочки? Или их туда подложил кто-то другой – тот, кто инсценировал самоубийство?

– Это, если честно, единственное, что меня беспокоило, причем беспокоило долго, – вспоминает он потом, – пока я не вспомнил, как люди снимают тапочки.

Наконец Стайнхайс представляет, как женщина скрестила ноги, чтобы мыском одного тапочка стянуть сзади другой, – самый обычный маневр, после которого тапочки меняются местами.

– И только тогда, – говорит он, – я смог уйти.

Пятница, 5 февраля

В ясном солнечном свете зимнего утра кадеты полицейской академии, собравшиеся в переулке за рядом домов на Ньюингтон-авеню, уже не чувствуют зловещей ауры. Ползая по всем закоулкам и переворачивая мусор, они не видят здесь ничего особенного.

Класс из тридцати двух стажеров в униформе цвета хаки, присланный из отдела подготовки и обучения кадров, начинает второй день расследования убийства Латонии Уоллес с того, что медленно продвигается по переулку и задворкам квартала от Ньюингтон до Уайтлок, от Парк до Кэллоу. Они продвигаются дюйм за дюймом, наступая только на проверенные места, с величайшим вниманием подбирая каждую соринку и с той же осторожностью возвращая ее на место.

– Не торопитесь. Проверяйте каждый дюйм своего двора, – говорит Дэйв Браун классу. – Если что-то найдете – что угодно, – не трогайте. Просто позовите детектива.

– И не бойтесь задавать вопросы, – добавляет Рич Гарви. – Глупых вопросов не бывает. По крайней мере, мы сейчас так притворимся.

Ранее, глядя, как кадеты сходят с автобуса и проводят перекличку перед инструктором, Гарви поделился мрачными предчувствиями. Выпустить стадо зеленых новобранцев пастись на месте преступления – напрашиваться на то, что детективы и военные зовут «пиздец». В мыслях Гарви плясали образы самодовольных кадетов, затаптывающих кровавые следы и пинающих крохотные улики в сток. С другой стороны, рассуждал он, тридцать два заинтересованных человека могут покрыть большую площадь, а делу Латонии Уоллес нужна вся поддержка, какая только бывает.

Выпущенные в переулок, стажеры проявляют искренний интерес – что никого не удивляет. Большинство берутся за дело яро, копаются в кучах хлама и листвы с жаром и рвением новообращенных фанатиков. Та еще картина – Гарви даже задумывается, что за первобытная сила природы способна вдохновить тридцать ветеранов из патруля так же ползать на четвереньках по переулку Резервуар-Хилла.

Детективы разбили новобранцев на пары и каждой назначили задний двор за кварталом 700 по Ньюингтон-авеню, а также дворы на Парк-авеню и Кэллоу-авеню – восточной и западной границе квартала, где был найден ребенок. За северной границей – Уайтлок-стрит – нет ни дворов, ни открытых участков: там вдоль переулка идет задняя стена склада из красного кирпича. Поиски занимают больше часа, и стажеры приносят три ножа для стейка, один нож для масла и один нож для разделки – причем на всех больше ржавчины, чем может нарасти на орудии убийства за ночь. Еще собран урожай разнообразных шприцев – распространенного среди местного населения предмета, не представляющего для детективов особого интереса, – а также расчесок, срезанных кос, предметов одежды и одной детской туфельки – не имеющих ровным счетом никакого отношения к преступлению. Один предприимчивый новобранец добывает на заднем дворе дома 704 по Ньюингтон прозрачный целлофановый пакетик, наполовину заполненный тускло-желтой жидкостью.

– Сэр, – спрашивает он, поднимая пакетик, – это важно?

– Судя по всему, это пакет с мочой, – говорит Гарви. – Можешь выкинуть, когда пожелаешь.

При поисках не обнаружена маленькая детская золотая сережка в форме звезды. Не найден кровавый след – улика, которая может указать место убийства или хотя бы направление, откуда тело принесли на двор дома 718. Асфальт, где вчера утром нашли маленькую девочку, испещрен маленькими лиловыми сгустками свернувшейся крови, но ни детективы, ни кадеты больше нигде не находят ни капли. Тяжесть нанесенных увечий и то, что девочку принесли в

переулок всего лишь в дождевике, почти гарантирует брызги крови, но дождь, накрывавший город с конца среды до утра четверга, начисто смыл любые следы.

Пока кадеты рыщут, Рич Гарви еще раз проходимся по двору за домом 718. Сам двор – три метра с половиной на пятнадцать – по большей части залит асфальтом и один из немногих в квартале огорожен сеткой-рабицей. Вместо того, чтобы бросить тело в общем переулке или на открытых дворах поблизости, убийца необъяснимо тратил время на то, чтобы открыть калитку и пронести тело через весь двор. Девочку нашли всего в метре от двери на кухню, у основания металлической пожарной лестницы, спускающейся с крыши на задворок.

Бессмыслица какая-то. Убийца мог бросить девочку где угодно – так зачем рисковать и вносить ее в огороженный двор жилого дома? Или он хотел, чтобы ее обнаружили быстро? Или хотел перевести подозрения на престарелую чету из 718-го? Или в итоге испытал извращенное чувство раскаяния: какой-то человеческий порыв велел ему оставить тело за забором, подальше от дворняг и крыс, кишачих в Резервуар-Хилле?

Гарви смотрит на другой конец двора, где за забором начинается общий переулок, и замечает на земле за мятым мусорным баком что-то серебристое. Он подходит и видит пятнадцатисантиметровый отрезок металлической трубы, который аккуратно поднимает за один конец на свет. Внутри – как будто бы густая масса спекшейся крови и темная прядь волос. Труба выглядит частью чего-то большего, и Гарви задумывается, могла ли такая штука разорвать влагилице. Он аккуратно передает находку криминалисту, тот убирает ее в пакет.

Это замечает телеоператор – один из нескольких, кружащих этим утром у Ньюингтон-авеню, – и подходит к детективу.

– Что это было?

– Что – «что»?

– Вы подобрали какую-то железяку.

– Слушай, – говорит Гарви, задушевно положив руку ему на плечо. – Будь другом и вырежи это из материала. Это может быть уликой, но если вы это покажете по ящику, то нам жопа. Ладно?

Оператор кивает.

– Спасибо. Seriously.

– Без проблем.

Присутствие этим утром на Ньюингтон-авеню операторов – по одному от филиалов трех основных телесетей – на самом деле было другой причиной привлечь к поискам кадетов. Лейтенант Рича Гарви, Гэри Д'Аддарио, неплохо понял приоритеты начальства в первые часы расследования, когда капитан вышел из кабинета администрации и предложил детективам поддерживать в Резервуар-Хилле заметное присутствие. Можно, сказал он, даже сделать что-нибудь на камеру. Д'Аддарио не смог сдержать раздражения. С обнаружения девочки еще и пары часов не прошло, а верхушка уже просит его людей поплясать для СМИ.

Ответил он с нехарактерным отсутствием дипломатического такта:

– Пусть лучше они занимаются расследованием.

– Ну конечно, – сказал капитан со смесью гнева и стыда. – Я же не о том.

Этот разговор, состоявшийся в главном офисе отдела убийств, слышали несколько детективов Д'Аддарио и передали все остальным. Уже скоро многие в обеих сменах считали, что Д'Аддарио, будучи на взводе из-за отлучения от дела Монро-стрит, зря бросил перчатку. Пускай за звонком в отдел подготовки последовал звонок и редакторам на ТВ: все-таки привлечь к поискам кадетов – не самая худшая идея начальства. И главное, капитан – это капитан, а Д'Аддарио – все-таки лейтенант, и если дело кончится скандалом, то крайними наверняка станут руководители званием пониже. И теперь Д'Аддарио, непосредственного начальника всех участвующих в следствии детективов, могут распясть уже за одно только дело Латонии Уоллес.

Отрекшись от начальства, Д'Аддарио поставил – причем, вполне возможно, всю свою карьеру – на Джея Лэндсмана, который, несмотря на все свои нецензурные и юмористические наклонности, считался самым старшим и опытным сержантом в отделе убийств.

Тридцатисемилетний Лэндсман был одним из целой династии: его отец ушел в отставку в звании лейтенанта с должности главы Северо-Западного района – первый еврей, поднявшийся до этой ступени в преимущественно ирландских органах; его старший брат Джерри ушел из отдела убийств всего год назад – лейтенантом после двадцати пяти лет выслуги. Джей Лэндсман вступил в органы по тем же причинам, что и его отец, и семейные традиции помогли выпуститься из академии сразу с ветеранскими знаниями о внутреннем устройстве департамента. Фамилия помогала ему по службе, но Лэндсман доказал, что он и сам умный и агрессивный коп. Не заставили себя ждать три бронзовых звезды, одна поощрительная нашивка, три-четыре объявления благодарности. Он провел в патруле Юго-Запада меньше четырех лет, как уже перевелся в центр, в уголовный розыск; точно так же он провел в отделе убийств всего несколько месяцев, как в 1979-м его повысили до сержанта, – причем за этот короткий срок он не оставил ни одного глухаря. Затем его на одиннадцать месяцев направили руководителем сектора в Центральный район, после чего вернули на шестой этаж в звании сержанта. Ко времени, когда началось следствие по делу Латонии Уоллес, Лэндсман возглавлял свою группу уже почти семь лет.

В лице старшего сержанта Д'Аддарио получил руководителя, который мог поработать детективом, следовать чутью и держать расследование на плаву днями или неделями. Лэндсман умудрился ограничить эффект гравитации на свое коренастое 90-килограммовое тело, после шестнадцати лет службы его всклокоченные черные волосы и усы только-только тронула седина. Другие сержанты в отделе напоминают бакалейщиков, переевших собственного продукта, но Лэндсман все еще выглядел как патрульный – крепкий орешек чуть выше метра восьмидесяти, хоть сейчас возьмет дубинку и пройдет по Поплар-Гроув на randevу с судьбой. И на самом деле лучше всего он себя показывал не как руководитель, а как шестой детектив в своей группе – брался за «красные шары», полицейскую стрельбу и прочие щекотливые дела и делил со старшими детективами осмотр мест преступлений, беготню и допросы.

Чутье у Лэндсмана было особенно острое: за свою службу детективом и сержантом добрую половину дел он расколол, прислушиваясь к нутру. Часто его лепта, если приглядеться, выражалась не более чем в чистом порыве: безумная речь в допросной, наглое обвинение в адрес с виду честного свидетеля, спонтанный обыск по согласию в спальне свидетеля. С точки зрения устава – случайно и эксцентрично, но ведь работало. А при двух новых убийствах каждые три дня отдел убийств Балтиморского полицейского департамента – не то место, где надо дотошно следовать правилам. Бесшабашный метод Лэндсмана находил свою поддержку среди детективов, зато даже они признавали, что он бывает суров. Многие из смены Д'Аддарио помнят ночи, когда Лэндсман срывал голос в криках на трех разных подозреваемых в трех разных допросных, обвиняя их в убийстве одного и того же человека, а через час извинялся перед двумя, пока на третьего надевали наручники.

Частенько лэндсмановский блицкриг удавался просто за счет скорости. Лейтенант действовал быстро и давал волю своим порывам – а так же твердо верил в Третье правило из руководства убойного отдела, гласящее, что первые десять-двенадцать часов после убийства – самые критичные для успеха расследования. В это время выбрасывают или сжигают окровавленную одежду, избавляются от угнанных машин или от номеров, плавят или топят в гавани оружие. Соучастники репетируют свои версии и договариваются насчет места и времени, избавляясь от случайностей или нестыковок. Создаются логичные и надежные алиби. А в окрестностях, где произошло убийство, местные замешивают слухи и факты в одну густую однообразную кашу, когда детектив уже почти не может разобрать, что ему предоставил потенциальный свидетель – факты из первых уст или кабацкие сплетни. Этот процесс начинается,

когда тело падает на асфальт, и продолжается без перерыва, пока уже и самые надежные свидетели не забудут критические подробности. Но когда вызовы принимает группа Лэндсмана, этот процесс распада не успевает зайти далеко, как кого-то уже запрут в звуконепроницаемой кабинке потеть наедине с сержантом, живущим на грани спонтанного самовозгорания.

Но часто этот метод конфликтует с противоположной истиной о следствии: скорость – и союзник, и риск. Если в тактическом напоре Лэндсмана и есть слабость, так это его несгибаемо линейная последовательность, предпочтение глубины сейчас, чем широкого масштаба – потом. Слепая атака в одном направлении – это всегда решение в духе «пан или пропал», и детектив, бегущий по одному коридору в целом лабиринте, не может знать наверняка, что не мчится в тупик. Как не может знать, останутся ли на месте другие, неоткрытые двери, когда он к ним вернется.

Лабиринт Резервуар-Хилла как будто с каждым часом растет в размерах и сложности. Не успели кадеты вернуться в свой автобус, а детективы и прикомандированные сотрудники уже расширяют опрос свидетелей на ряды домов на Парк-авеню и Кэллоу-авеню – к востоку и западу от переулка, где обнаружено тело. Другие проверяют забегаловки и угловые магазинчики на Уайтлок-стрит и близлежащей Норт-авеню, выясняют, где продаются хот-доги с квашеной капустой и не заказывал ли это кто-нибудь во вторник или среду. Третьи сейчас в домах одноклассников Латонии Уоллес, узнают о ее распорядке дня, привычках, интересе к мальчикам, их интересе к ней – нужные вопросы, которые все равно звучат нелепо, когда речь идет о маленькой девочке.

Главные детективы, Том Пеллегрини и Гарри Эджертон, проводят день за компьютером, подбрасывая базе данных новые имена и распечатывая новую стопку криминальных досье. Эджертон еще не раскрыл дело Бренды Томпсон, но папка с рукописным протоколом допроса потенциального подозреваемого уже пропала с его стола – ее место заняли белые манильские конверты, где уголовные послужные списки жильцов Резервуар-Хилла группируются по улицам и номерам кварталов. И Тома Пеллегрини уже не заботит убийство Руди Ньюсома двухнедельной давности; от него, как от старшего по детоубийству, ничего иного и не ждут. Спускаемые сверху приоритеты – реалия убойного отдела, с которой учатся мириться все детективы. При жизни Руди Ньюсом был безликой букашкой в балтиморской наркоторговле с миллионным оборотом, уличным предпринимателем, оказавшийся вдруг легко заменимым. После смерти его заменили вновь – на этой раз трагедией, громче взывающей к возмездию.

На второй день Пеллегрини на несколько часов выезжает из офиса на Уайтлок-стрит, беседует там с торговцами и жильцами, интересуется жизнью Рыбника, который пока остается наверху его списка подозреваемых. Пеллегрини спрашивает всех встречаемых о его квартире, передвижениях в течение недели, кажущемся интересе к маленьким девочкам, отношениям с жертвой. По плану Рыбника привезут в центр завтра, когда Пеллегрини с остальными детективами покопаются в его подноготной. И если повезет, кто-нибудь на Уайтлок-стрит что-то да знает о старике – то, с чем можно будет надавить в допросной.

Пеллегрини прорабатывает улицу и слышит новые двусмысленности, новые слухи. О Рыбнике и девочках говорят много, но ничего из этого не назовешь железобетонным доказательством – и пока что Пеллегрини остается считать его лишь первым подозреваемым из множества.

После опроса на улицах он возвращается в офис проведать Эджертона, все еще распределяющего уголовное прошлое жильцов Ньюингтон по улицам и номерам квартала. Пеллегрини берет папку Кэллоу-авеню и пролистывает десяток компьютерных распечаток. Досье с арестами за половые преступления отмечены красным восковым карандашом.

– Что-то многовато извращенцев на один квартал, – устало говорит Пеллегрини.

– Ага, – соглашается Эджертон, – их, видимо, специально сюда расселили.

Самые маловероятные варианты выдаются приданным сотрудникам, пока детективы проверяют алиби перспективных подозреваемых. Эджертон берет себе молодого наркомана на Линдин, Пеллегрини знакомится с прошлым жителя Кэллоу-авеню. Это почти как пытаться добрать дырявый стрит в покере – вот только без места убийства отсеять подозреваемых невозможно.

Где же оно, черт его дери? Где эта мразь продержала девочку полтора дня так, что об этом никто не узнал? Ведь с каждым часом, говорит себе Пеллегрини, срок годности места убийства выходит. Он уверен, что это где-то в Резервуар-Хилле – в какой-нибудь спальне или подвале так и поджидает целый кладезь улики. Но где же они еще не смотрели?

К вечеру Джей Лэндсман, Эдди Браун и приданные сотрудники снова собираются в Резервуар-Хилле, проверяют заброшки и гаражи на Ньюингтон, Кэллоу и Парк. Предположительно, все пустые владения в округе уже вчера вечером прочесали спецподразделения, но Лэндсман хочет успокоить совесть. После очередного обыска все идут за газировкой в забегаловку с едой на вынос на Уайтлок-стрит, где завязывают беседу с хозяйкой – девушкой со светлым оттенком кожи, которая отмахивается от их оплаты.

– Как идут дела? – спрашивает Лэндсман.

Она улыбается, но молчит.

– Ничего не слышали?

– Вы здесь из-за девочки, да?

Лэндсман кивает. Кажется, ей хочется что-то сказать – она смотрит то на обоих детективов, то на улицу.

– Что такое?

– Ну... я тут слышала...

– Секундочку.

Лэндсман прикрывает дверь забегаловки, затем облокачивается на стойку. У девушки перехватывает дыхание.

– Может, это ерунда...

– Да все нормально.

– На Ньюингтон живет мужчина, напротив места, где все случилось. Он, типа, выпивает, и в то самое утро пришел сюда и сказал, типа, что девочку изнасиловали и убили.

– Это во сколько?

– Где-то в девять.

– В девять утра? Точно?

Она кивает.

– И что конкретно он сказал? Сказал, как убили девочку?

Она качает головой.

– Просто сказал, что убили. Я удивилась, потому что у нас об этом еще не слышали, и вел он себя, типа, странно...

– Странно – то есть нервничал?

– Нервничал, вот да.

– И он выпивает?

– Пьет без продыху. Он уже старый. И знаете, он всегда немного, типа, странно себя вел.

– Как зовут?

Она закусывает нижнюю губу.

– Эй, никто не узнает, что это ты нам сказала.

Она шепчет имя.

– Спасибо. Мы нигде тебя не укажем.

Продавщица улыбается.

– Пожалуйста... Не хочу настраивать тут против себя народ.

Лэндсман садится обратно на пассажирское «кавалера» и только тогда записывает в блокнот имя – новое имя. А когда в тот же день имя пробивает Эджертон, он действительно находит человека с адресом на Ньюингтон-авеню. И подумать только – в его досье есть пара давних приводов за изнасилования.

Еще один коридор.

Понедельник, 8 февраля

Они приезжают на двух машинах – Эджертон, Пеллегрини, Эдди Браун, Черути, Бертина Сильвер из смены Стэнтон и еще двое приписанных сотрудников; целый парад для одного старого пьянчуги, но в самый раз для осмотра квартиры без разрешения.

Для разрешения у них еще нет полномочий: причины для подозрения старика не дотягивают до достаточного основания, а без ордера за подписью судьи детективы не могут изымать вещи или проводить тщательный обыск – переворачивать матрасы и вытряхивать ящики столов. Но если старик впустит их сам, они могут осмотреться и без разрешения. И для этого чем больше глаз, тем лучше.

Берт Сильвер берет подозреваемого в оборот, как только он им открывает: обращается к нему по имени и одним ясным предложением дает понять, что о его присутствии в штабе приехало вежливо попросить полдепартамент. Другие детективы проскальзывают мимо них и медленно обходят зловонную трехкомнатную квартиру.

Старик ноет и мотаает головой, потом пытается собрать возражение из бессвязных слогов. Берт Сильвер расшифровывает это только через пару минут.

– Нмоху сеня.

– Можете-можете. Нам надо с вами поговорить. Где ваши штаны? Это ваши штаны?

– Не хочу.

– Ну, а нам надо поговорить.

– Не-е... не хочу.

– Ну, хотите не хотите, а надо. Вы же не хотите, чтобы вас арестовали? Это ваши штаны?

– Щерны.

– Хотите черные?

Пока Бертина Сильвер готовит подозреваемого, остальные детективы внимательно оглядывают комнаты – ищут капли крови, ножи с серрейтором, маленькую золотую сережку в форме звездочки. Гарри Эджертон проверяет кухню на хот-доги или квашеную капусту, потом возвращается в спальню, где находит на кровати старика темно-красное пятно.

– Ого. А это что за нахрен?

Эджертон и Эдди Браун наклоняются. Цвет – лилово-красный, но с отливом. Эджертон касается края пальцем.

– Липкое, – говорит он.

– Да вино, поди, – говорит Браун и оборачивается к старику. – Слышь, ты тут бутылку разлил?

Старик бурчит и кивает.

– Это не кровь, – посмеивается Браун. – Это «Тандерберд»²¹.

Эджертон соглашается, но все равно достает карманный ножик и соскребывает крошку, чтобы опустить в целлофановый пакетик. В прихожей он точно так же поступает с красным пятном, тянувшимся на метр по штукатурке. Если в том или ином образце найдут кровь, они вернутся с ордером и возьмут на анализ свежие образцы, но Эджертон сомневается, что до этого дойдет. Лучше передать образцы в лабораторию и поставить на этом точку.

Старик озирается, вдруг осознав, кто его окружает.

– Че они делают?

– Вас ждут. Куртка нужна? Где ваша куртка?

Он указывает на черную лыжную куртку в углу чулана. Сильвер ее достает, поднимает перед стариком, который с трудом попадает руками в рукава.

²¹ Thunderbird – марка дешевого крепленого вина, популярная на тот момент в США.

Браун качает головой.

– Это не он, – тихо говорит детектив. – Мимо.

Через пятнадцать минут, стоя перед допросной на шестом этаже, к тому же выводу приходит и Джей Лэндсман. Он смотрит через маленькое оконце двери в большую комнату. Окно из проволочного стекла – одностороннее: лица Лэндсмана изнутри кабинки два на три метра не видно; и само окно кажется почти металлическим – нечто среднее между сталью и непрозрачным стеклом.

В его обрамлении сидит старик с южной стороны Ньюингтон – предположительно, узнавший об убийстве раньше всех в квартале. Вот он, их новый подозреваемый, во всей красе – прожженный алкоголик, застигнутый где-то на протоптанной дорожке между «Тандербердом» и «Кольтом 45», ширинка расстегнута, пуговицы замызанной рабочей рубашки продеты не в те петли. Берт Сильвер не тратила время на презентабельный вид.

Сержант смотрит, как старикан потирает глаза и разваливается на металлическом стуле, потом наклоняется вперед, чтобы почесаться в тайных запретных местах, о которых даже Лэндсману думать не хочется. Хоть его выдернули из ступора и бардака меньше часа назад, он уже проснулся, терпеливо ждет в пустой кабинке, размеренно и хрипло дышит.

А это само по себе плохой знак, явно противоречащий Четвертому правилу в руководстве убойного, которое гласит: невинный человек, оставшись один в допросной комнате, будет бодрствовать, потирать глаза, таращиться в тонкие стены и чесаться в темных запретных местах. Виновный, оставшись один в допросной, засыпает.

Как и большинство теорий о допросной, правило о спящем подозреваемом не универсальное. Некоторые новички, еще не привычные к неизбежному стрессу преступления и наказания, склонны болтать без умолку, потеть и вообще доводить себя до тошноты до и во время допроса. Но Лэндсман точно не видит поводов радоваться тому, что старик с Ньюингтон-авеню, пьяный, растрепанный и выдернутый посреди ночи из постели, все равно не желает считать свое нынешнее состояние анестетиком. Сержант качает головой и возвращается в офис.

– Блин, Том, он выглядел лучше, когда мы его еще не привезли, – говорит Лэндсман. – Мне сложно представить его кем-то страшнее обычного забулдыги.

Пеллегрини согласен. Появление старика в убойном и почти немедленный отказ Лэндсмана считать его за подозреваемого – это финальная стадия в превращении из стареющего алкоголика в подозреваемого по делу о детоубийстве и обратно в безобидного синяка. Это лихорадочная трехдневная метаморфоза, о которой сам старик остается в блаженном неведении.

С момента, когда хозяйка забегаловки на Уайтлок-стрит впервые назвала его имя Лэндсману и Брауну, все выглядело неплохо.

Во-первых, он сказал ей про убийство ребенка в девять утра в четверг – раньше, чем детективы освободили место преступления, – и при этом странно себя вел. Откуда он мог об этом знать? Да, престарелая чета из дома 718 рассказала соседям о находке перед тем, как вызвать полицию, но ничего не указывает на то, что они разговаривали с соседом через улицу. К тому же детективы почти сразу разогнали зевак из переулка за Ньюингтон – раз старик жил на южной стороне улицы, он вообще не должен был видеть тело.

Потом еще обвинения в изнасилованиях без записи о судимости или приговоре – давние, но все же. Подняв материалы в Центральном архивном управлении, детективы обнаружили, что одной из жертв была маленькая девочка. А еще старик жил один, и его квартира находилась в одноэтажном доме в квартале 700 по Ньюингтон – в двух шагах от места, где оставили труп.

Может, и натяжка. Но Лэндсман и Пеллегрини знали, что с момента обнаружения тела прошло уже четыре дня, и других зацепок у них не осталось. Первого и лучшего подозреваемого – Рыбника – уже привозили в центр два дня назад, но его допрос ничего не дал.

Рыбник как будто не проявлял интереса к смерти девочки, когда-то работавшей в его магазине. А также не проявлял интерес к тому, чтобы точно назвать свое местонахождение во вторник и среду. Преодолев потерю памяти, он назвал алиби на вторник, на время исчезновения Латонии Уоллес, – дела в другом конце города, которыми он занимался вместе с другом. Проверив алиби, Пеллегрини и Эджертон установили, что на самом деле поездка состоялась в среду, и тут вставал вопрос: умышленно ли соврал подозреваемый или просто перепутал дни? Далее детективы обнаружили, что в среду вечером Рыбник приглашал к себе в квартиру двух друзей поесть курочку. Это, понятно, создавало очевидную проблему: раз вскрытие вроде бы показывает, что Латонию Уоллес похитили во вторник, убили в среду вечером и выбросили ночью в четверг, как бы тогда Рыбник успел съездить по делам в среду днем или готовить курицу в среду вечером? После субботнего допроса Эджертон и Пеллегрини, учитывая количество вопросов без ответа, все еще считали его подозреваемым. Хотя по-прежнему надо было решить нестыковку со временем смерти – установленным исходя из непереваренной еды и отсутствия разложения.

Но в этом деле даже время смерти так же, как все остальное, оставалось подвижной мишенью. Ранее, до облавы в квартире старика, Эджертон оспорил популярное мнение:

– А если ее убили ночью вторника? Ее же могли убить под конец вторника или утром среды?

– Никак нет, – сказал Лэндсман. – У нее только-только прошло окоченение. И глаза еще влажные.

– Окоченение могло пройти и через сутки.

– Ни фига, Гарри.

– Могло-могло.

– Ни фига. Она маленькая, поэтому окоченение прошло быстрее...

– Но на улице холодно.

– Но мы знаем, что перед тем, как перенести ее на улицу, ее держали где-то в четырех стенах.

– Да, но...

– Нет, Гарри, прости, но тут ты облажался, – сказал Лэндсман, достал официальное медицинское заключение и раскрыл на трупном окоченении. – Глаза влажные, разложения нет. От двенадцати до восемнадцати часов, Гарри.

Эджертон просмотрел страницу.

– Да, – признал он наконец. – От двенадцати до восемнадцати. И если от нее избавились часа в три-четыре... получается...

– Середина среды.

Эджертон кивнул. Если ее убили в среду, Рыбник отпадал, и оставалось перенести наверх списка подозреваемых лэндсмановского кандидата – старого алкоголика.

– Ладно, на фиг, – говорит, наконец, Лэндсман. – У нас не было причин его не трогать.

Не было, не считая той, что их подозреваемый и бутылку-то с трудом в руках держал, куда там продержат маленькую девочку в плену полтора дня. Допрос заканчивается, как только они выявляют, что старый пьянчужка услышал об убийстве утром четверга от соседа, а сосед – от женщины из дома 718. Он ничего не знает об убийстве. Ничего не знает о девочке. Даже про свои древние приводы ничего не помнит, кроме того, что был невиновен. И теперь он хочет домой.

Криминалист приносит образцы Эджертона к его столу и проводит тест с лейкооснованием малахитового зеленого красителя: химический анализ, когда образцов касаются ватной палочкой, которая окрасится в синий, если в веществе есть кровь человека или животного. Эджертон видит, как каждая палочка окрашивается в тускло-серый – указание на грязь и больше ничего.

За несколько часов до рассвета, когда патрульная машина Центрального района возвращает старика в трущобы, а детективы подбивают результаты очередного дня, Пеллегрини саркастично предлагает новую альтернативу.

– Эд, хочешь расколоть это дело?

Браун и Черути удивленно вскидывают глаза. С интересом оглядываются и другие детективы.

– Тогда я скажу, что надо делать.

– И что же?

– Ты, Эд, пиши обвинительное заключение.

– Да?

– А ты, Фред, зачитай мне права...

Комната взрывается от хохота.

– Эй, – говорит Лэндсман, отсмеявшись. – Как думаете, это дело доведет Тома до ручки? А то уже такое ощущение, что он линяет на глазах.

Пеллегрини робко посмеивается; он и правда выглядит замученным. Это почти классический итальянец: коренастый, темные глаза, точеные черты, густые усы, угольно-черные волосы зачесаны в помпадур, который в хороший день как будто бросает вызов самой гравитации. Но сейчас далеко не хороший день; глаза затуманились, волосы темным непокорным каскадом ниспадают на бледный лоб. Слова, замедленные нехваткой сна, растягиваются с горным акцентом.

Это знакомо всем собравшимся – работа 120 часов в неделю старшим следователем по делу, которое просто никак не складывается, где в фактах, как их ни крути, никак не проступает подозреваемый. Открытый «красный шар» – пытка, это играющее на нервах и вынимающее душу испытание, и оно-то сильнее всех раскрытых дел определяет характер детектива на годы вперед. И для Пеллегрини, еще новенького в группе Лэндсмана, убийство Латонии Уоллес оказывается труднейшим обрядом посвящения.

Том Пеллегрини отслужил в органах девять лет перед тем, как наконец одобрили его перевод в отдел убийств, – девять лет гаданий, действительно ли это его призвание или только очередной поворот в целой жизни блужданий.

Он родился в семье угольного шахтера в горах западной Пенсильвании, но его отец – сам сын шахтера – ушел из семьи, когда Пеллегрини был еще мальчишкой. После этого их уже ничего не связывало. Однажды уже во взрослом возрасте он ездил к отцу на выходные, но родства, которого он искал, попросту не было. Отец не знал, куда себя девать, его вторая жена вела себя неприветливо, и в то воскресенье Пеллегрини уехал с твердым знанием, что вся эта затея была ошибкой. Не мог он найти утешения и у матери. Она ничего от него не ожидала и время от времени даже говорила это прямо. По большей части Пеллегрини растила бабушка, а лето он проводил у тети, возившей его в Мэриленд, в гости к кузенам.

Его первые решения в жизни кажутся – как, собственно, и детство – неопределенными, даже, пожалуй, случайными. В отличие от большинства в убойном, у Пеллегрини до вступления в департамент в 1979-м году не было связи с Балтимором или правоохранительными органами. Он пришел, будучи практически чистым листом, – настолько без корней и привязанностей, насколько это вообще возможно. За его спиной была пара неудачных лет учебы в Янгстаун-колледже в Огайо, где он уже через несколько семестров убедился, что академик из него никакой. Был за спиной и распавшийся брак, и полгода в пенсильванской угольной шахте – этого Пеллегрини хватило за глаза, чтобы понять, что от семейной традиции лучше держаться подальше. Пару лет он провел в странствующем карнавале, работал на каруселях по мелким городкам и ярмаркам штатов. В конце концов, такая карьера привела его к постоянной позиции управляющего парком развлечений на озерном острове между Детройтом и Виндзором, что в Канаде, где Пеллегрини в основном только следил, чтобы аттракционы не заржавели

в северных зимах. Когда хозяева парка отказались повышать расходы на ремонт, Пеллегрини ушел, не желая оказаться рядом, когда карусель «Сюрприз» слетит с орбиты.

Объявления о работе привели на юг – сначала в Балтимор, где он гостил у тети, к которой в детстве приезжал на лето. Уже через неделю в Мэриленде он пришел по рекламе в Балтиморский департамент полиции. Когда-то он недолго работал в частной охранной фирме и, хотя это и близко не похоже на полицию, у него осталось расплывчатое впечатление, что ему понравится быть копом. Но в конце 1970-х карьерные перспективы в органах были смутными – почти все городские департаменты переживали бюджетные ужесточения и сокращения. И все же Пеллегрини заинтриговался и пришел на собеседование. Но, не дожидаясь ответа, двинулся в Атланту, поверив, будто экономический бум Солнечного пояса²² – лучшая гарантия трудоустройства. Он переночевал в Атланте, читая объявления о вакансиях в депрессивной закуской общарпанного района, а когда вернулся в мотель, ему позвонила тетя и сказала, что его приняли в балтиморскую академию.

Почему бы и нет, сказал он себе. Балтимор он знал плохо, но ведь и Атланту раем не назовешь. Почему бы и нет.

После выпуска его назначили в Четвертый сектор Южного района – белый анклав, почти ровно поделенный между зажиточными домовладельцами и этническим рабочим классом. Далеко не самая преступная округа, и Пеллегрини понял, что если просидит там десять лет, то не научится ничему, что нужно для карьерного роста в департаменте. Если уж хочется стать лучше, сказал себе Пеллегрини, надо переводиться в суровые районы вроде Западного, а еще лучше – в общегородской отдел. Откатавшись в патрульной машине меньше двух лет, он получил свой билет из захолустья в виде одобренного перевода в группу быстрого реагирования – тяжеловооруженное подразделение по спасению заложников и проникновению в захваченные здания. ГБР работала из штаба полиции и считалась элитным подразделением; сотрудников делили на взводы по четыре человека, все время проводившие на тренировках. День за днем Пеллегрини с сослуживцами учились выбивать двери, рассеиваться по незнакомым помещениям и палить в картонные мишени преступников. Там были и картонные мишени заложников, и после долгих тренировок команда дошла до уровня, когда в оптимальных условиях, если каждый делал свое дело как положено, заложника задевали не больше одного раза из четырех-пяти.

Работа была точная и требовательная, но в ГБР Пеллегрини снова не почувствовал себя на своем месте. Начать с трудных отношений с напарниками – в основном потому, что в отделе не хватало одного сержанта, поэтому остальные выбрали Пеллегрини исполняющим обязанности. Он узнал, что эта должность дает как повышение жалования, так и падение уважения среди подчиненных. В конце концов, одно дело – подчиняться приказам сержанта с настоящими полосками, а другое – и. о. в том же звании, что и рядовые бойцы. Но важнее офисной политики для Пеллегрини стал конкретный случай из 1985-го – происшествие, когда он впервые увидел ту полицейскую работу, что привлекла его по-настоящему.

В том году ГБР почти на неделю перешла в непосредственное подчинение отделу убийств и во время розыска подозреваемого общарила несколько десятков точек в Восточном Балтиморе. Облавы начались после происшествия с участием полиции, когда в ходе попытки остановить угнанный автомобиль убили Винса Адольфо, патрульного из Восточного района. Стрелка быстро опознали – это был парень с восточной стороны, – но он умудрился скрыться. Как только детективы из отдела убийств нашли его возможный адрес, ГБР с тараном и щитом вынесла дверь. Тогда Пеллегрини впервые наблюдал отдел убийств в деле, и по окончании задания в его голове засела одна мысль: он хочет быть тем, кто живет поисками нужной двери. А выбивают ее уже пусть другие.

²² Регион США к югу от 36 параллели.

И тогда он совершил кое-что из ряда вон – по крайней мере, по стандартам среднего департамента полиции. Вооружившись аккуратно составленным резюме и письмом-представлением, он поднялся на лифте на шестой этаж и прошел в административный офис рядом с отделом убийств, где располагается глава отдела преступлений против личности.

– Том Пеллегрини, – протянул он руку капитану. – Я бы хотел стать детективом отдела убийств.

Капитан, естественно, посмотрел на Пеллегрини так, словно тот с луны свалился, – и не без оснований. В теории сотрудник имеет право претендовать на вакансию в любом отделе; на практике назначение в отдел преступлений против личности – штука тонкая и политическая, тем более с тех пор, как в департаменте отменили стандартное тестирование.

Такие старожилы, как Дональд Уорден и Эдди Браун – и даже Терри Макларни, пришедший в 1980-м, – еще помнят вступительный экзамен отдела преступлений против личности: тест, успешно отсеивающий претендентов, не умеющих толком составить протокол, но при этом продвигающий много таких, кто просто умеет сдавать тесты. К тому же результаты – хотя и предполагавшие количественный подход, – всегда зависели от политики: обычно, чем больше у претендента связей, тем выше и балл на устном экзамене. Затем в начале 1980-го тестирование отменили – и назначение в детективы стало уже чисто политическим. В теории сотрудники попадали в отдел убийств, отличившись где-нибудь еще – желательно в другом отделе по расследованию на шестом этаже. Хотя большинство действительно отвечали этому требованию, итоговое решение обычно зависело от других факторов. В десятилетие политики позитивной дискриминации не мешало быть черным; еще никогда не мешало иметь в наставниках подполковника или замкомиссара.

У Пеллегрини состоялся с капитаном краткий и неопределенный разговор. Он был хорошим копом с приличным послужным списком, но при этом не черным и не протеже какого-нибудь начальника. Зато об этой короткой встрече прослышал Джей Лэндсман и восхитился подходом Пеллегрини. Чтобы войти в кабинет начальника всего лишь с парой страничек и рукопожатием, нужно иметь яйца. Лэндсман сказал Пеллегрини: если он все-таки попадет в отдел, то милости просим в его группу.

В конце концов, у Пеллегрини остался только один козырь: юрист со связями, который задолжал ему услугу во время его работы в Южном. Проси чего хочешь, сказал тогда юрист. Прошло уже несколько лет, но Пеллегрини обналечил обещание. Тот согласился помочь, чем сможет, потом перезвонил спустя два дня. В отделе преступлений против личности вакансий не было, но благодаря связям с одним замкомиссаром он смог пробить Пеллегрини в личную охрану Уильяма Дональда Шефера. Это, конечно, не отдел убийств, сказал юрист, но, если продержишься год-другой на службе у Нервного Мэра, перед тобой откроются все двери.

Пеллегрини нехотя согласился и следующие два года сопровождал Самого с собраний на благотворительные вечера или Парады Прикнесс. Шефер был тяжелым начальником – политиком, выведенным системой, превыше всех человеческих качеств ценившим преданность и готовность жрать дерьмо. Не раз Пеллегрини возвращался домой со звенящими в ушах оскорблениями мэра; не раз возвращался, с трудом подавляя желание приковать самого высокопоставленного чиновника в городе к бамперу патрульной машины.

Однажды, на мероприятии Марша десятицентовиков²³, где Шефер был ведущим, Пеллегрини совершил страшную ошибку – вмешался в его выступление. Пока Шефер разливался соловьем обо всем подряд – от врожденных пороков до нового балтиморского аквариума, – организатор события сказал, что мэр забыл рассказать о девочке с обложки Марша: инвалидке,

²³ «Марш десятицентовиков» – американская некоммерческая организация, специализирующая на здоровье матери и ребенка. Основана президентом Франклином Рузвельтом в 1938 году.

прикованной к коляске. Предчувствуя катастрофу, Пеллегрини опасно подкатил дитя к мэру и заговорил театральным шепотом:

– Эм-м, господин мэр.

Шефер не обратил внимания.

– Господин мэр, сэр.

Шефер отмахнулся.

– Господин мэр...

Когда мэр закончил речь, тут же накинулся на детектива в штатском.

– Отвали от меня на хрен, – сказал он.

И все-таки Пеллегрини оставался верным солдатом, зная, что в Балтиморе слово политика имеет немалый вес. И действительно, когда в 1986-м Шефера избрали губернатором Мэриленда, люди из его свиты сорвали куш. С разницей в пару дней в убойный отдел произвели два назначения: Фред Черути, черный полицейский в штатском из Восточного района, и Том Пеллегрини. Оба попали в группу Джея Лэндсмана.

Там Пеллегрини удивил всех, в том числе самого себя, тем, что делал свое дело. На первых вызовах он еще не мог положиться на врожденное чутье или опыт: охрана ратуши – не то чтобы известная школа компетентных детективов. Но чего ему не доставало в смекалке, он восполнял готовностью учиться. И ему нравилась работа – а главное, он почувствовал, что наконец-то в этом мире ему что-то подходит. На ранних вызовах Пеллегрини помогали Лэндсман и Фальтайх, а Данниген и Рикер готовили Черути, поделившись с ним своими делами.

Профорентация в отделе убийств – не самый сложный на свете процесс. Никаких справочных пособий нет – просто на первых вызовах тебя за ручку водит ветеран, а потом вдруг отпускает, чтобы ты пошел сам. Нет ничего страшнее первого раза на позиции старшего детектива, когда на асфальте перед тобой лежит труп, в тебе прожигает глазами дырки уличная шпана, а патрульные, медики и криминалисты гадают, знаешь ли ты хотя бы половину того, что должен. Для Пеллегрини переломным моментом стало дело Джорджа Грина из проджектов, когда в его группе никто не ожидал не то что ареста, а даже подозреваемого. Черути и Пеллегрини поехали на вызов вместе – но Черути на следующий день ушел на долгие выходные. Вернувшись в понедельник, он, походя, спросил, что нового по их делу.

– Оно раскрыто, – ответил Пеллегрини.

– Чего?

– Я арестовал на выходных двух подозреваемых.

Черути не верил своим ушам. Дело Грина было самым обычным – простое убийство из-за наркотиков, без свидетелей или улик. Учитывая, что вел его новичок, все ожидали глухаря.

Пеллегрини добился всего терпением и трудом – водил в офис людей и допрашивал часами. Скоро он узнал, что его хватает на долгие допросы – его выдержкой мало кто мог похвастаться. Пеллегрини в своем медленном лаконичном стиле мог три минуты перечислять, что ел на завтрак, или целых пять минут рассказывать анекдот о священнике, епископе и раввине. Может, таких, как Джей Лэндсман, это доводит до белого каления, зато для допроса преступников подходит идеально. Медленно и верно Пеллегрини постигал все больше нюансов работы и начал раскрывать львиную долю своих дел. Но еще он понял, что его успех имел значение только для него самого. Его вторую жену – бывшую медсестру из травмпункта – не смущала мрачность его работы с убийствами, но детали ее не интересовали. Его мать гордилась успехом сына лишь на словах; отец был для него целиком потерян. В конце концов, Пеллегрини пришлось смириться, что победу придется праздновать одному.

По крайней мере, он считал это победой, пока в том переулке не появилась мертвая Латония Уоллес. Впервые за очень долгое время Пеллегрини усомнился в своих способностях, уступил руль Лэндсману и Эджертому, позволил более опытным следователям прокладывать курс.

И это понятно: в конце концов, настоящий «красный шар» ему еще не попался. Но смесь характеров и разных стилей только усилила сомнения. Лэндсман был не только громким и агрессивным, но и бесконечно уверенным в себе, и в любом расследовании становился его осью, притягивал к себе остальных детективов центробежной силой. Эджертон тоже был сама уверенность, не стеснялся выдвигать теории или спорить с Лэндсманом о версиях. У Эджертона был нью-йоркский характер – тот, что велит городскому парню заговаривать первым в многолюдной комнате, пока рот не раскрыл кто-нибудь другой и возможность еще не упущена.

Пеллегрини был не таким. У него водились свои мысли по делу, да, но он вел себя так сдержанно, говорил так невыразительно и медленно, что ветераны в любом споре его заглушали. Сначала это только чуть раздражало, да и велика ли разница? Он же был согласен и с Лэндсманом, и с Эджертоном. Он поддерживал их, когда они сосредоточились на Рыбнике, и поддерживал версию Лэндсмана, что убийца живет в том же квартале. Он согласился забрать старого алкоголика в доме через улицу. Все это звучало логично, и, что ни говори о Джее и Гарри, нельзя не признать, что они знают свое дело.

И пройдут еще месяцы, когда Пеллегрини начнет укорять себя за нерешительность. Но, в конце концов, мысли, тревожившие его еще на месте преступления, – ощущение, что он не контролирует собственное дело, – вернутся. Латония Уоллес стала «красным шаром», а «красный шар» – к добру ли, к худу, – втягивает всю смену. Лэндсман, Эджертон, Гарви, Макаллистер, Эдди Браун – все вставили свои пять центов, все стремились вывести на чистую воду детоубийцу. Да, так они охватывали большую площадь, но все-таки на папке будет стоять имя не Лэндсмана, не Эджертона и не Гарви.

Но в одном Лэндсман был прав: Пеллегрини устал. Все устали. В ту ночь, на пятый день расследования, все уходит из офиса в три часа, зная, что вернутся через пять – и еще зная, что шестнадцати— и двадцатичасовые смены, которыми они работают с четверга, кончатся нескоро. Очевидный негласный вопрос – сколько они еще такими темпами продержатся. Под глазами Пеллегрини уже появились темные круги, а его сон урывками часто перебивает ночными требованиями второй сын, трех месяцев от роду. Лэндсман, никогда не придававший значения внешнему виду, теперь бреется через день, а его спортивный пиджак сначала сменился шерстяным свитером, затем скатился до кожаной куртки с джинсами.

– Эй, друг мой Джей, – говорит ему Макларни на следующее утро, – какой-то ты помятый.

– В порядке я.

– Как дела? Есть что-нибудь новенькое?

– Вот-вот раскроем, – говорит Лэндсман.

Но на самом деле повода для оптимизма нет. Красная папка за номером 88021 на столе Пеллегрини толстеет от опросов соседей, уголовных досье, внутренних рапортов, квитков от вещдоков и письменных показаний. Детективы опросили весь квартал вокруг переулка и уже начинают забираться в соседние; большинство жителей с уголовным прошлым, попавших в первые опросы, уже вычеркнуты из списка. Другие детективы и прикомандированные сотрудники проверяют все заявления о взрослых мужчинах, которые как минимум косятся на девочек младше пятнадцати. И хотя несколько телефонных звонков дали наводки на возможных подозреваемых – Лэндсман лично полдня изучал ненормального, о котором говорила мать из Резервуар-Хилла, – никто не заявил, что видел, как маленькая девочка возвращается из библиотеки. Что касается Рыбника, он оправдан из-за той среды. Ну а старый алкаш теперь, собственно, просто старый алкаш. Хуже всего, говорит Лэндсман, что они так и не нашли место убийства.

– Вот что нас топит-то, – втолковывает им Лэндсман. – Он знает больше нашего.

Эджертон понимает, насколько малы их шансы.

Во вторник, в ночь после того, как они трянули старого алкаша, Эджертон оказывается в краснокирпичной баптистской церкви в северной части Парк-авеню, за углом от Ньюингтон, –

медленно идет в духоте набитого битком святилища. В другом конце центрального прохода – маленький гробик, беловатый, с золотой отделкой. Детектив проходит всю церковь, потом медлит, коснувшись угла гробика, и оборачивается к первому ряду скорбящих. Берет за руку мать и, склонясь, шепчет ей:

– Когда будете молиться перед сном, – говорит он, – помолитесь за меня. Нам это понадобится.

Но ее лицо опустошенное, отсутствующее. Она отрешенно кивает, мазнув глазами по детективу и снова зафиксировавшись на цветочной композиции перед ней. Эджертон отходит в сторонку и прислоняется спиной к стене, закрыв глаза больше от усталости, чем из-за религиозности, и прислушиваясь к глубокому проповедническому тону молодого священника:

– ... Если я пойду и долиною смертной тени... И услышал я громкий голос с неба, говорящий... смерти не будет уже; ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет, ибо прежнее прошло.²⁴

Прислушиваясь к мэру, чей голос надламывается, пока он путается в словах:

– Семье и друзьям... я, э-э... ужасная трагедия, не только для вашей семьи... но и для всего города... Латония была дочерью Балтимора.

Прислушиваясь к сенатору:

– ...нищета, неграмотность, жадность... вот что губит маленьких девочек... она была ангелом для всех нас – ангелом Резервуар-Хилла.

Прислушиваясь к пустякам из жизни ребенка:

– ...училась в школе с трех лет до настоящего времени, не пропуская занятий... участвовала в школьном совете, хоре, кружке современных танцев, оркестре мажореток... Латония стремилась стать великой танцовщицей.

Прислушиваясь к панихиде, к словам, что еще никогда не казались такими выхолощенными, такими пустыми:

– Теперь она дома... потому что нас судят не быстрее или сильнее, а те, кто выживает.

Эджертон следует за толпой, собравшейся за белым гробиком, который выносят в двери. Уже вернувшись в рабочий режим, он ловит служку в белых перчатках и просит у него книгу с подписями скорбящих. В фургоне наружки, стоящем на другой стороне Парк-авеню, техник скрытно снимает уходящих – в надежде, что убийце хватит совести, чтобы рискнуть и прийти на службу. Эджертон стоит внизу лестницы в церковь, вглядывается в лица, пока люди медленно выходят на улицу.

– «Не быстрее или сильнее, а те, кто выживает», – говорит он, доставая сигарету. – Это мне нравится... Надеюсь, это он о нас.

Эджертон провожает взглядом последних скорбящих и идет к своей машине.

²⁴ Псалтирь: Псалом 22; Откровение Иоанна 21:3–4.

Понедельник, 8 февраля

Дональд Уорден сидит в комнате отдыха и просматривает в газете рубрику новостей метрополии, краем уха слушая инструктаж в офисе. Молча попивает кофе и осмысляет заголовок: **ПО ДЕКАБРЬСКОМУ УБИЙСТВУ ПОДОЗРЕВАЕМОГО УЛИК НЕТ; ВНИМАНИЕ ПЕРЕХОДИТ С ПОЛИЦЕЙСКИХ НА ГРАЖДАНСКИХ.**

Сама статья начинается с вопроса:

Кто убил Джона Рэндольфа Скотта-мл.? Детективы из балтиморского отдела убийств задавали этот вопрос сотню раз с 7 декабря, когда мистера Скотта, 22 года, застрелили в спину во время пешего преследования полицией. Уже несколько недель кажется, что следствие сосредоточилось на сотрудиниках, присутствовавших поблизости, когда молодого человека – убежавшего от угнанной машины после полицейской автопогони, – застрелили в квартале 700 по Монро-стрит. Но сейчас следователи, по всей видимости, рассматривают другого возможного подозреваемого – гражданского из этого же района, чью мать, девушку и сына, согласно источникам в полиции, уже допросили перед большим жури.

Уорден медленно скользит глазами по колонке, потом перелистывает и читает продолжение на странице 2D. Там лучше не становится:

Источник в полиции сообщил, что жителя дома рядом с Монро-стрит с пристрастием допросили в связи со смертью... Тот же человек – о ком сообщил другой местный житель, – заявил следователям, что видел, как в утро убийства с Монро-стрит на большой скорости уехала полицейская машина с выключенными мигалками. По словам источника, доказательств этому не найдено, и теперь следователи считают, что именно этот человек может нести ответственность за убийство – или как минимум знать больше, чем желает сказать.

Уорден допивает кофе и передает газету своему напарнику Рикку Джеймсу, который берет ее, закатив глаза.

Чудесно. Впервые за два месяца в этом обреченном деле произошел прорыв – и кончается все тем, что Роджер, сука, Твигг, репортер-ветеран из утренней газеты, вывалил их находки в передовице местных новостей. Замечательно. Два месяца никто в районе у Фултон и Монро не признавался, что знает что-то об убийстве Джона Скотта. И вот неделю назад Уорден наконец откопал для большого жури отмалчивавшегося свидетеля – а то и очевидца. Но не успели прокуроры на него надавить, чтобы он дал показания под присягой, как в «Балтимор Сан» его уже обозвали подозреваемым. Попробуй теперь развяжи ему язык перед большим жури, ведь если он читает газеты – если газеты читает его адвокат, – здравомыслие подскажет воспользоваться Пятой поправкой и хранить молчание.

«Твигг, жалкий ты мудень, – думает Уорден, слушая, как Д’Аддарио зачитывает сегодняшние телетайпы. – Подставил ты меня. Как же некрасиво подставил».

Один факт, что Уорден нашел хоть какого-то свидетеля, уже говорит о том, как тяжело он работал по делу. После обнаружения тела Джона Скотта в начале декабря он лично провел четыре разных опроса местных жителей вокруг квартала 800 по Монро-стрит – и первые три попытки ничего не дали. Только на четвертый раз Уорден узнал от соседа имя возможного очевидца – жильца квартала 800, припарковавшегося на Монро-стрит у того переулка и рассказавшего паре человек, что был на улице, когда раздался выстрел. Наконец до него добравшись, Уорден обнаружил трудягу средних лет, жившего с подружкой и престарелой матерью на Монро-стрит. Нервный и мнительный свидетель отрицал, что был на улице во время происшествия, но признался, что слышал выстрел, а потом видел из окна, как из квартала 800 уехала полицейская машина с выключенными мигалками. Потом он увидел, как на Монро-стрит с Лафайет сворачивает вторая полицейская машина и останавливается у переулка.

Еще он сообщил Уордену, что, когда там начали собираться полицейские, он позвонил с новостями сыну. Тогда Уорден допросил и сына. Тот вспомнил этот звонок, а заодно вспомнил, что отец выразился куда конкретнее: мол, он видел, как в переулке напротив дома полицейский застрелил человека.

Уорден вернулся к свидетелю, поставил вопрос ребром. Нет, сказал тот, я не говорил такого сыну. И стоял на своей предыдущей версии о двух машинах.

Уорден подозревал, что новообретенный свидетель видел куда больше, чем приезд и отъезд полицейских машин, и у детектива было два возможных объяснения запирательства. Первое – свидетель искренне боится выступить против сотрудника органов в суде по убийству. Второе – не проезжала по Монро-стрит никакая полицейская машина без мигалок. А видел он на самом деле стычку Джона Скотта с другим гражданским – может, соседом или другом, которого он теперь хочет защитить. Раз уж на то пошло, свидетель и сам мог участвовать в стычке, раз припарковался у переулочка за несколько минут до выстрела.

Значит, технически в утренней газете не ошибаются, называя свидетеля потенциальным подозреваемым. Но Роджер Твигг не знает – или источники ему не сказали, – что этот новый свидетель существует не в вакууме; другие улики ведут Уордена в обратном направлении, к полиции.

Речь не только о пуговицах рубашки у входа в переулочек. И не только о том, что слишком много полицейских путаются в показаниях о событиях того дня. Самое тревожное в папке – транскрипция переговоров по радиации в Центральном районе, которую выслали в ФБР для улучшения звука. Расшифрованная детективами недели спустя после убийства, она раскрыла довольно странные реплики.

На пленке слышно, как сотрудник полиции Центрального района передает описание подозреваемого, выскочившего с пассажирского сиденья угнанной машины.

– Мужчина, первый²⁵, метр восемьдесят – девяносто, темная куртка, синие джинсы... последний раз видели на Ланвейл и Пейсон...

Затем подает голос сержант Центрального, Джон Уайли, семь лет в полиции. Это именно он, приехав в Западный район для участия в погоне, обнаружил тело Джона Скотта.

– Один-тридцать, – называет Уайли свой номер. – Розыск закончен в квартале 800 по Фултон... или Монро.

Тогда говорит один из участвовавших с самого начала полицейских, решив, что подозреваемый арестован.

– Один-двадцать-четыре. Могу его опознать...

Уайли отвечает не сразу:

– Один-тридцать. Я слышал выстрел, потом нашел его.

– Один-тридцать: где это? В квартале 800 по Монро?

– Десять-четыре.

Затем, немного погодя, снова слышно Уайли – он впервые признает, что в переулочке, «возможно, есть раненый».

Перед Уорденом встает очевидный вопрос: зачем сержанту заканчивать розыск, если только он не решил, что подозреваемый уже арестован? Пуговицы, переговоры – все это вело не к гражданскому подозреваемому, а к полицейским из погони. И все же Уорден и Джеймс проверяли и перепроверяли журнал записей каждого сотрудника рядом с Монро-стрит – обязательную ведомость, регистрирующую весь путь патрульного с вызова на вызов. Но на момент стрельбы как будто бы известно местонахождение всех машин Центрального, Западного и Южного районов. Сотрудники, участвовавшие в погоне за угнанным «дождь кольцом» и в даль-

²⁵ Первый («number one») – код для обозначения чернокожего («второй» – белый). По объяснениям самих полицейских Саймону, такой код выбран, чтобы посторонние не решили, будто в полиции черных принимают за граждан второго класса.

нейшем пешем преследовании, уже отчитались о передвижениях в дополнительных рапортах – и два детектива их читали. Причем обнаружили, что во время происшествия большинство сотрудников видели друг друга и могут подтвердить чужие показания.

Если стрелок – полицейский, скрывшийся до появления сержанта Уайли, в бумагах ничто на него не указывало. Всего опрошены пятнадцать сотрудников Западного и Центрального районов, но они мало что могли сообщить, а Уайли настаивал, будто ничего не видел ни до, ни после выстрела. Нескольким сотрудникам – в том числе Уайли и еще двоим, прибывшим на место преступления среди первых, – приказали пройти детектор лжи. Судя по результатам, никто из них не врал, если не считать Уайли и еще одного, чьи результаты сочли необезличиваемыми.

Полиграф в паре с сообщением Уайли о прекращении розыска привели Уордена с Джеймсом к выводу, что сержант Центрального по самой меньшей мере что-то увидел перед тем, как найти тело. Но в течение двух часов с половиной допроса он настаивал, что только слышал выстрел и не видел других полицейских у переулка на Монро-стрит. Он якобы не знал, зачем прекратил розыск, и не помнил, как это сделал.

Уайли спросил детективов, считается ли он сам подозреваемым.

Нет, сказали ему.

И все-таки детективы попросили сержанта сектора добровольно согласиться на обыск его дома. И Уайли согласился, после чего детективы изъяли его форму, табельный и неслужебный револьверы для проверки, которая тоже не дала однозначных результатов.

Я подозреваемый? – снова спросил сержант. Если да, зачитайте мне права.

Нет, ответили ему, вы не подозреваемый. На данный момент. Пока сержант настаивал, что не видел и не слышал ничего, кроме выстрела, следователям оставалась только возможность, что выстрел или все произошедшее после видел другой коп или гражданский. А теперь, когда эта возможность почти воплотилась в жизнь, всего одна газетная колонка грозила загнать их единственного свидетеля обратно в глухую оборону.

Но если даже Джона Скотта убил коп, Уорден не верил, что речь идет об умышленном убийстве. Он предполагал, что это неудачная драка в подворотне, потасовка, завершившаяся тем, что патрульный – оправданно или нет – произвел выстрел из своего оружия или, возможно, другого пистолета 38-го калибра, отнятого у Джона Скотта. Секунда – и вот подозреваемый уже на земле, с пулевым ранением в спине, а у копа всплеск адреналина, паника, он гадает, как теперь выбраться из этой жопы.

Если все так – если патрульный скрылся из переулка, потому что не верил, что его защитит департамент, – тогда это неизбежность. Тогда Монро-стрит – очередной кривой поворот на скользкой дорожке, на которую балтиморский департамент вступил уже довольно давно. Дональд Уорден присутствовал в начале пути и видел, как набиралась скорость.

Сам он применял боевое оружие всего раз за долгую службу. Это был выстрел в никуда – круглоносая пуля 38-го калибра с почти вертикальной траекторией, улетевшая выше любой живой мишени. Случилось это двадцать лет назад, летним днем, когда они с напарником напоролась на ограбление в Пимлико, застав живьем столь неуловимое единство преступника и преступления. Исправно преследуя злоумышленника дольше, чем посчитает разумным средний коп, напарник Уордена открыл огонь. Только тогда Уорден из смутного чувства солидарности и сам послал пулю куда-то в эфир.

Уорден, конечно же, знал, кого они преследовали, а тот знал Уордена. Ибо тогда еще шли славные двенадцать лет Здоровяка на Северо-Западе – между всеми игроками царило грубоватое дружелюбие, и Уорден был в районе на «ты» со всеми, кого там стоило арестовать. Когда стрелявшие прекратили погоню и нагнали подозреваемого, тот отходил от шока.

– Дональд, – сказал он, – я просто поверить не могу.

– Что?

- Ты хотел меня убить.
- Не хотел.
- Ты в меня стрелял.
- В воздух я стрелял, – пристыженно ответил Уорден. – Но слушай, извини, ладно?

У него так и не проснулся аппетит к стрельбе, его так и не покинул стыд из-за той шальной пули. Для Уордена показателями авторитета были значок и репутация на улицах; пушки имели к этому весьма отдаленное отношение.

И все же Уордена правильно поставили на убийство Джона Рэндольфа Скотта. За более чем четверть века на улицах он повидал немало убийств и ранений полицейскими. Большинство – оправданные, кое-какие – неоправданные, а некоторые – откровенные правонарушения. Чаще всего исход решался за секунды. Нередко сжать спусковой крючок требовал всего лишь инстинкт. Обычно подозреваемый действительно заслуживал пулю, иногда – нет, а иногда вопрос был дискуссионным. Бывало и такое, что в подозреваемого стоило бы выстрелить, причем не раз, но почему-то не стреляли.

Решение открывать огонь на поражение неизбежно субъективное и определяется не столько эмпирическими стандартами, сколько тем, что полицейский готов оправдать для себя самого и на бумаге. Но вне зависимости от обстоятельств одно этическое правило оставалось нерушимым: если коп кого-то убивает, то он не отпирается. Он берет рацию и сообщает. Он ждет рядом с телом.

Но времена изменились. Четверть века назад американский блюститель порядка мог палить без опасений, спереди или сзади останется входное ранение. Теперь же каждый раз, доставая оружие из кобуры, коп вспоминает о риске гражданской ответственности и возможного уголовного преследования; за что прошлое поколение патрульных могли оправдать, нынешнее могли и осудить. Правила в Балтиморе, как и во всех американских городах, изменились, потому что изменились сами улицы, потому что и полицейский департамент уже не тот, что прежде. Да и город тоже, раз уж на то пошло.

В 1962-м, когда Дональд Уорден выпустился из академии, обе стороны подписывались под кодексом. Будешь доводить полицию – нарвешься на безнаказанное применение оружия. Особенно ясно кодекс говорил о случаях, когда кому-то хватало глупости стрелять в полицейских. У таких подозреваемых был один-единственный шанс. Доберется до полицейского отделения – выживет. Побить побьют, но жить будет. Если же попытается скрыться и попадет на улице в подходящих условиях – ему крышка.

Но то была другая эпоха – времена, когда балтиморский коп мог уверенно заявить, что состоит в самой большой, суровой и тяжеловооруженной банде на районе. То были деньки до того, как главной отраслью гетто стала торговля героином и кокаином, до того, как каждый семнадцатилетний пацан мог оказаться социопатом с девятимиллиметровой пушкой за поясом треников, до того, как департамент начал уступать наркоторговле целые районы. А еще, то были деньки, когда в Балтиморе действовала сегрегация, когда голос движения за гражданские права звучал не страшнее сердитого шепота.

Вообще-то в те времена у большинства перестрелок с участием полиции имелись расовые обертона – самое смертельное доказательство утверждения, что у многих поколений черных районов Балтимора присутствие органов считалось одной из кар египетских: нищета, неграмотность, отчаяние, полиция. Черные балтиморцы росли со знанием, что два преступления – дерзить копу или, что еще хуже, убегать от него, – практически гарантируют в лучшем случае избиение, в худшем – пулю. Даже самые выдающиеся члены черного сообщества терпели лишения и оскорбления, и до 1960-х к департаменту почти повсеместно относились с презрением.

В департаменте дела обстояли не лучше. Когда Уорден вступил в органы, черным сотрудникам (среди них – двум будущим комиссарам полиции) все еще запрещалось ездить в пат-

рульных машинах – причем запрещалось по закону; законобрание Мэриленда еще не приняло закон о доступе черным в места общественного пользования. Черным сотрудникам ограничивали рост в звании и ссылали на пешие посты в трущобах или отправляли работать под прикрытием под эгидой зарождающихся наркоотделов. На улицах они терпели бойкот белых сослуживцев; в отделениях выслушивали расистские оскорбления на инструктажах и пересменках.

Реформы наступили не сразу, вызванные в равной мере как растущим активизмом черного сообщества, так и приходом в 1966-м нового комиссара – бывшего морпеха Дональда Померло, вступившего на пост с намерением навести порядок. За год до этого Померло написал разгромный доклад о БПД, изданный независимо Международной ассоциацией начальников полиции²⁶. В исследовании он заявлял, что полиция Балтимора – одна из самых закосневших и коррумпированных в стране, применяет силу избыточно, а ее отношения с черным сообществом – нулевые. Из памяти лидеров общественности еще не изгладился бунт Уоттса, встряхнувший Лос-Анджелес в 1965-м, и в период, когда все города страны находились под угрозой волны летнего насилия, губернатор Мэриленда и мэр Балтимора приняли оценку IACP всерьез – они наняли ее автора.

Появление Померло стало концом палеозойского периода в балтиморском департаменте. Начальство чуть ли не на следующий день взялось за улучшение связей с общественностью, профилактику преступлений и внедрение современных правоохранных технологий. Создавались общегородские спецподразделения, на смену полицейским таксофонам наконец-то пришли многоканальные рации. Впервые начались систематические расследования происшествий с участием полиции, и это дало результат – вместе с общественным давлением покончило с самыми откровенными зверствами. Но при этом сам же Померло успешно вел упорную борьбу против учреждения комиссии гражданского контроля, заверяя, что балтиморский департамент и дальше может самостоятельно следить за случаями избыточной жестокости. В результате полицейские на улицах в конце шестидесятых и начале семидесятых сделали выводы: преступную стрельбу можно выставить оправданной, а оправданную можно выставить еще более оправданной.

В балтиморских полицейских отделениях вошел в практику запасной пистолет – вплоть до того, что один конкретный инцидент из начала семидесятых навсегда стал легендой департамента, приметой времени в крупнейшем городе Мэриленда. Это случилось на улочке рядом с Пенсильвания-авеню, когда перед началом облавы пятерых детективов из наркоотдела вдруг произошел всплеск насилия. Из темноты соседней подворотни кто-то крикнул копу, что к нему подкрадывается человек с ножом.

Из-за нахлынувшего адреналина детектив выпустил все шесть пуль, хотя потом клялся – пока сам не проверил, – что спустил курок всего раз. Он вбежал в переулок и обнаружил, что подозреваемый лежит на спине, а рядом с ним – целых пять ножей.

– Вот его нож, – сказал один коп.

– Чувак, это ни хрена не мой, – заявил раненый и указал на выкидной нож в нескольких метрах. – Мой – вон тот.

Но запасное оружие было не более чем временным решением, ставшее менее эффективным и более опасным, когда об уловке прознала общественность. В итоге, пока заявления на избыточное применение силы множилось, а фраза «полицейская жестокость» стала расхожей, департаменту пришлось уйти в оборону. На взгляд Дональда Уордена, конец старого Балтиморского департамента полиции можно определить с точностью до дня. 6 апреля 1973 года двадцатичетырехлетнему патрульному Норману Бакману на улице в Пимлико шесть раз выстрелили голову из его собственного служебного револьвера. Двое сослуживцев на расстоя-

²⁶ International Association of Chiefs of Police, IACP (1893) – Международная ассоциация начальников полиции, некоммерческая организация с штабом в штате Вирджиния. Самая крупная профессиональная полицейская организация в мире.

нии квартала услышали пальбу и примчались по Куанτικο-авеню. Они увидели, что над телом мертвого полицейского стоит молодой парень, а рядом лежит оружие убийства.

– Да, – сказал он, – это я пристрелил ублюдка.

Вместо того чтобы изрешетить стрелка на месте, полицейские просто надели на него наручники и увезли в центр. Где раньше на улицах Балтимора царил кодекс, теперь были мертвые полицейские и живые убийцы копов.

Уорден не знал, как к этому относиться. Отчасти он понимал, что старые обычаи невозможно оправдать и уж тем более продолжать, но Бакман все-таки был другом, молодым патрульным, который вкалывал как проклятый, чтобы попасть в спецподразделение Уордена в Северо-Западном районе. Когда домой Уордену дозвонился лейтенант, он быстро оделся и приехал в участок еще с десятком сотрудников, как раз когда в КПЗ привезли убийцу Бакмана. По официальной версии во время оформления и фотографирования подозреваемый жаловался на боли в животе, но в городе все понимали, что эта за боль. И когда черная газета Балтимора, «Афроамерикан», отправила в Синайскую больницу фотографа, чтобы снять травмы подозреваемого, именно Уорден арестовал его за незаконное проникновение. Когда НААСП²⁷ потребовала провести расследование, начальники просто уперлись и твердили, что никаких избиений и в помине не было.

Но это была жалкая, мелкая победа, а в инструктажных и патрульных машинах неласково отзывались о полицейских, которые, увидев пистолет на земле, позволили убийце Бакмана сдаться. После суда заговорили еще жестче, когда убийца отделался обвинением в убийстве второй степени и сроком с правом на досрочное освобождение через десяток лет.

Убийство Бакмана стало вехой – но только первой на долгом пути. Через семь лет в забегаловке Восточного Балтимора департамент снова столкнулся со своим будущим. И снова на периферии стоял Уорден, беспомощно наблюдая, как очередного копа, очередного друга приносят в жертву – теперь уже совсем иначе.

В марте 1980-го жертвой стал семнадцатилетний пацан с несуразным именем Джа-Ван Макги; убийцей – тридцатитрехлетний детектив Скотти Маккауна. Ветеран с девятилетним стажем, работавший вместе с Уорденом в отделе ограблений угрозыска, Маккауна – не при исполнении и в штатском – пришел за пиццей в закусочную на Эрдман-авеню, когда в нее вошли Макги со спутником и направились к стойке. Маккауна уже какое-то время приглядывался к подросткам, заметив, что они несколько раз подходили к витрине и оглядывали снаружи помещение, как будто чего-то поджидая. Только когда большинство посетителей ушли, они оставили свой пост на тротуаре и двинулись к стойке. Маккауна пять лет проработал в ограблениях, так что эта сцена была ему знакома, даже слишком. Началось, подумал он, переключая неслужебное оружие из кобуры в карман дождевика.

И когда у стойки Джа-Ван Макги достал из кармана куртки что-то блеснувшее, Маккауна был наготове. Он без предупреждения произвел три выстрела в спину Макги. Затем приказал второму подростку оставаться на месте и крикнул продавцу вызывать полицию и скорую. И тогда склонился над жертвой. На полу лежала черно-серебристая зажигалка.

Убийство Джа-Вана Макги произошло всего через несколько недель после того, как не менее сомнительный выстрел другого белого полицейского разжег расовые бунты в Майами. Когда перед ратушей начались нешуточные пикеты, в департаменте все поняли, чем это пахнет. Все, кроме Скотти Маккауна.

Уорден пришел в отдел ограблений в 1977-м, через два года после Маккауна, и знал, что это хороший молодой коп, но сейчас его похоронит один неудачный выстрел. Уорден раскопал

²⁷ National Association for the Advancement of Colored People, NAACP (1909) – Национальная ассоциация содействия прогрессу цветного населения.

парочку свежих рапортов из Восточного района – об ограблениях, где подозреваемый применял маленький хромированный пистолет 25-го калибра.

– Вдруг поможет, – сказал Уорден.

– Спасибо, Дональд, – ответил Маккауна, – но мне ничего не сделают.

Сделали. Протесты и перешептывания о бунтах стали только громче, когда прокуратура штата отказалась представить дело большому жюри на основании отсутствия преступного умысла у детектива. Через три месяца показания Маккауна заслушала комиссия департамента: он утверждал, что стрелял из-за опасений о безопасности – как своей, так и окружающих. Затем пятеро заседателей выслушали спутника жертвы, объяснившего, что они с другом не собирались грабить закусочную, а в витрину заглядывали, потому что внутри было много народу и им не хотелось стоять в очереди за газировкой. Самое важное – комиссия заслушала самого Джа-Вана Макги, сидевшего в инвалидной коляске и парализованного ниже пояса, который заявил, что «просто вошел в дверь, а тот парень сделал два шага и начал палить». Комиссия взяла час на размышления, потом признала детектива виновным в нарушении трех правил департамента о применении боевого оружия, а также в «поведении, дискредитирующем департамент». Через неделю комиссар отказался рассмотреть ослабление наказания или реабилитацию. Померло просто согласился с рекомендацией комиссии и уволил детектива.

– Майами принесло нам правосудие, – заявил глава регионального филиала НААСР, но полиция на улице поняла дело Скотти Маккауна иначе: департамент, когда-то спускавший с рук даже самую безрассудную жестокость, теперь трубит отступление по всем фронтам. Вопросы об оправданности этого выстрела в Джа-Вана Макги не стояло; все копы, когда-то выхватывавшие оружие, морщились при мысли о зажигалке на линолеуме и семнадцатилетнем парне, оставшемся инвалидом на всю жизнь. Вопрос был в другом: будет ли департамент и дальше жертвовать своими, вместо того, чтобы заговорить вслух об одной из самых неизбежных истин полицейской работы: укоренившейся фантазии, будто хороший коп в любых обстоятельствах стреляет оправданно.

В склонной к насилию и тяжеловооруженной стране вполне логично выдавать правоохранительным органам оружие и полномочия его применять. В Соединенных Штатах только у копа есть право на убийство по собственному суждению. Поэтому Скотти Маккауна и триста других мужчин и женщин отправили на улицы Балтимора со «смит-вессонами» 38-го калибра, владению которыми они несколько недель обучались в академии, после чего еще каждый год ездили на полицейское стрельбище. Считалось, что этих знаний и собственного суждения полицейского достаточно, чтобы каждый раз принимать правильное решение.

Это ложь.

И эту ложь в департаменте полиции допускают, потому что иначе рухнет миф о непогрешимости, на котором, собственно, и зиждется право открывать огонь на поражение. И эту ложь требует сама общественность, потому что иначе столкнется со страшной неопределенностью. Ложная уверенность, миф о совершенстве, поддерживающий нашу культуру, требуют, чтобы Скотти Маккауна перед тремя выстрелами сделал предупреждение, назвал полицейским и приказал Джа-Вану Макги бросить оружие. Маккауна должен был либо дать ему время, либо стрелять не на поражение, а только чтобы ранить или обезоружить подозреваемого. Миф утверждает, что если детектив так не делает, то это говорит о плохой подготовке и халатности, а если этот детектив еще и белый – то, вполне возможно, он вдобавок расист, видящий в каждом черном подростке с блестящей зажигалкой вооруженного грабителя. И неважно, что из-за предупреждения полицейский лишается всех преимуществ – пока представляется и требует бросить оружие, он может сам получить пулю. И неважно, что в столкновении, длящемся каких-то пару секунд, с расстояния шести метров не просто попасть хотя бы в центр массы, не то что в конечности или в оружие, чтобы выбить его из рук подозреваемого. И неважно, что коп – достойный человек, что он искренне верил в угрозу, что стрелять в черного подозреваемого

мого ему нравится ненамного больше, чем в белого. Маккаун – хороший служака, но он всего на долю секунды поспешил выпустить пулю 38-го калибра – и за это время и жертва, и стрелок сплелись в одной трагедии.

Для общественности – в частности, черной, – ранение Джа-Вана Макги стало долгожданной победой над департаментом, много поколений обесценивавшим черную жизнь. Можно сказать, вот что неизбежно бывает, когда зло покрывают слишком долго. Никого не волновало, что конкретно Скотт Маккаун – не дилетант и не расист; в Балтиморском, как и в любом другом полицейском департаменте по всей стране, за грехи отцов пришлось расплачиваться детям.

Копам на улицах, что белым, что черным, происшествие с Макги неоспоримо доказало, что отныне они сами по себе, больше система их не защищает. Чтобы сохранить авторитет, департаменту придется избавляться не только от тех, кто поддерживает и применяет жестокость, но и от тех, кто во внезапный страшный момент принимает всего одно неверное решение. Если выстрел оправданный, тебя прикроют, – правда, в Балтиморе теперь даже самое правильное применение силы не проходит без того, чтобы кто-нибудь и где-нибудь не вышел перед камерами и не заявил, что полиция безнаказанно убивает людей. Да и если выстрел – на грани, тебя, скорее всего, тоже прикроют – при условии, что ты умеешь писать рапорты. Но если выстрел не оправданный – ты уже никому не нужен.

Для департамента и самого города последствия были предсказуемыми и неизбежными. И теперь каждый коп, знающий недавнюю историю, смотрит на дело Монро-стрит и видит в нем бастарда той трагедии в закусочной на восточной стороне. Может, Джона Скотта убила полиция, и может, это даже умышленное убийство – хотя Уордену или кому угодно трудно представить, на кой черт копу рисковать карьерой и свободой из-за какого-то угонщика. Скорее всего, смерть Джона Скотта – не более чем результат погони, потасовки в темном переулке и испуганного решения в долю секунды. Возможно, курок спустил тот, кто помнил о Нормане Бакмане и всех тех копах, которые помедлили и проиграли. Возможно, еще не успел стихнуть грохот, а он уже панически думал, как об этом написать, чем это кончится. И, возможно, перед тем как уехать с выключенными мигалками с Монро-стрит, балтиморский коп вспомнил Скотти Маккауна.

– Роджер Твигг вынес на улицы всю нашу херню, – говорит Рик Джеймс, перечитав статью и перейдя на говор западной стороны. – Кто-то у нас стуканул, йо.

Дональд Уорден смотрит на напарника, но молчит. Д’Аддарио в главном офисе заканчивает с последними пунктами на планшете. Вокруг него сгрудились два десятка детективов – из убийств, ограблений, сексуальных преступлений, – слушая очередную утреннюю порцию теле-тайпов, особых распоряжений и внутренних решений. Уорден тоже слушает, но не слышит.

– В этом беда всего расследования, – говорит он наконец, отправляясь во второй поход к кофейнику. – В нем утечек больше, чем в решете.

Джеймс кивает, потом бросает газету на стол Уолтемейера. Д’Аддарио заканчивает инструктаж, и Уорден выходит из комнаты отдыха, взглядываясь в лица, по меньшей мере, полудюжины человек, друживших с некоторыми полицейскими Западного и Центрального районов, теперь угодившими под расследование убийства Скотта. И допускает трудную мысль: источником репортера здесь может быть любой.

Черт, в список подозреваемых придется занести даже сержанта. Терри Макларни – не любитель преследовать сослуживцев, особенно своих из Западного. Он этого и не скрывал с того самого момента, когда обнаружили Джона Скотта, и по этой самой причине у него забрали дело Монро-стрит.

Макларни противна мысль, что его детективов науськали на его же старых корешей из Западного. Перед возвращением в отдел убийств в восемьдесят пятом он служил в той проклятой дыре сержантом сектора. Там его чуть не убили – чуть не пристрелили, как пса, во время погони за грабителем на Аруна-авеню, – и он видел, что далеко не один такой. Если

хотите копать под копов в Западном, то это, пожалуйста, без него. В его мире маловато оттенков серого. Копы – хорошие, преступники – плохие; а если копы и не хорошие, то они все равно копы.

Но стал бы Макларни сливать информацию? Уорден сомневается. Макларни может ныть и воротить нос от дела Скотта, но Уорден не верит, что тот готов подставить своих детективов. На самом деле трудно представить, что кто угодно из детективов сознательно слил информацию, чтобы помешать расследованию.

Нет, думает Уорден, покончив с сомнениями. Скорее всего, источник действительно в департаменте, но вряд ли в отделе убийств. Вероятно, это юристы полицейского профсоюза пытаются выставить нового свидетеля подозреваемым, чтобы отвести внимание от сотрудников. Это логично, тем более что в конце статьи приведена цитата одного из юристов с указанием имени.

И все же Уорден с Джеймсом знают, что статья – точная и актуальная: грубоватая в своем предположении, будто новый гражданский свидетель стал подозреваемым, но в остальном – в десяточку. И оба понимают: следовательно, источник Твигга близок к следствию. Даже если основной источник – юристы профсоюза, они все равно знают слишком много внутреняка.

Для Уордена эта газетная статья – лишь один из симптомов общей проблемы Монро-стрит: их следствие идет в аквариуме. И как иначе? Когда одни копы допрашивают других, обычно этим занимается отдел внутренних расследований – детективы, специализирующиеся конкретно на преследовании сослуживцев. Детектива ОВД готовят к роли врага. Он работает в другом офисе, на другом этаже, отчитывается перед другими руководителями, ему платят за то, чтобы доказывать вину приносивших присягу людей. Детектив ОВД свободен от верности участку, от самого братства; он предан системе, департаменту. Или, если словами патрульного, он – гребаная крыса.

Поскольку потенциальные подозреваемые – все участники погони за Джоном Скоттом, фактически расследование Монро-стрит внутреннее. Но раз Джона Скотта убили, ОВД уже не может его вести. Это уголовное дело и находится оно в юрисдикции убойного отдела.

У Уордена и самого хватает конфликтов интересов. Четверть века – в любой профессии не пустяк, но для Уордена его годы службы в форме – это все. Он пронес с собой частичку Нормана Бакмана, частичку Скотти Маккауна. И все-таки он вел дело Монро-стрит, потому что на доске стоит его буква – его буква рядом с красным именем Джона Скотта. Это убийство; это его убийство. И если какому-то копу не хватило мозгов или смелости в нем признаться, то Уорден готов его списать.

Отчасти это давалось проще потому, что многие сослуживцы вели себя так же, как свидетели по любому другому делу. Кто-то врал, не ведя и бровью, кто-то сознательно юлил; все запирались. Уордену и Джеймсу больно сидеть в допросной, когда люди в форме ссут им в глаза и говорят, что это божья роса. Не дождалась она сотрудничества и со стороны районных отделений. Что-то телефон не разрывался от звонков патрульных, боящихся, что их втянут в преступление другого копа, и которые бы хотели дистанцироваться или договориться о сделке. Уорден понимает: очевидно, все слышали, что у отдела убийств маловато улики для предъявления обвинений. Если убийство и правда совершил коп, никто об этом не скажет ни слова, пока следствие не покажет что-то конкретное.

И это тоже результат большого числа болтунов, большого числа связей между отделом убийств и остальным департаментом. Уорден и Джеймс два месяца вели уголовное расследование на полном обозрении потенциальных подозреваемых и свидетелей, о каждом их шаге тут же разносили по сарафанному радио. Нынешняя газета – только один яркий пример.

Хрен с ним, думает Уорден с зажатой в зубах сигаретой по дороге в туалет. Хотя бы начальникам пришлось пошевелиться. Когда у тебя половина сраного дела просочилось в

газету, пора менять тактику. Этим утром из прокуратуры уже дважды звонил Тим Дури, чтобы договориться о встрече с Уорденом и Джеймсом в отделе насильственных преступлений.

Все еще мысленно передвигая детальки головоломки, Уорден выходит из туалета и натывается на полковника Дика Лэнэма, главу уголовного розыска, выходящего из-за угла по дороге в свой кабинет. Лэнэм тоже пребывает в возмущении – в его кулаке туго свернута газета.

– Мне жаль, Дональд, – полковник качает головой. – Подвалило вам забот.

Уорден пожимает плечами.

– Одной больше, одной меньше.

– Что ж, мне все равно жаль, что вам приходится это терпеть, – говорит Лэнэм. – Я изо всех сил отговаривал Твигга от статьи и думал, что он согласился.

Уорден молча слушает, как полковник распространяется о стараниях отложить публикацию, неоднократно подчеркивая, что Роджер Твигг – самый упертый, самодовольный и приставучий репортер на его памяти.

– Я ему объяснял, как это на нас отразится, – рассказывает полковник, – просил подождать всего пару недель – а он что делает?

В звании майора Лэнэм сам возглавлял ОВД и сталкивался с Твиггом в ряде чувствительных дел. Поэтому Уордена не удивляет, что у полковника с репортером состоялся долгий разговор перед публикацией. Но стал бы он умышленно сливать информацию? Вряд ли, думает Уорден. Лэнэму, как начальнику угрозыска, не хочется видеть на балансе нераскрытую полицейскую стрельбу, а как бывший работник ОВД он не испытывает угрызений совести из-за следствия против копов. Нет, думает Уорден, это не полковник. Если Лэнэм и общался с Твиггом, то действительно только чтобы придержать публикацию.

– Что ж, – говорит Уорден, – хотелось бы знать, кто источник.

– О да, – Лэнэм уже отворачивается к кабинету, – мне бы и самому хотелось знать. Слишком уж много ему известно.

Через три часа после прочтения статьи Уорден и Джеймс проходят пешком три квартала от штаба до суда имени Кларенса М. Митчелла-мл. на Калверт-стрит, где предъявляют значки приставам судебного шерифа и поднимаются на лифте на третий этаж дворца правосудия.

Там они пробираются через тесный лабиринт кабинетов, где располагается отдел насильственных преступлений, и садятся в самой большой кабинке – кабинете Тимоти Дж. Дури, помощника прокурора штата и главы ОНП. На его столе, конечно же, газета «Сан», сложенная на эксклюзиве Роджера Твигга.

Разговор длится долго, и в убойный детективы возвращаются со списком из десятка свидетелей – гражданских и полицейских, – которым теперь пришлют повестку в суд.

Я не против, думает Уорден по дороге. На этом деле мне ввали, играли со мной в молчанку, мои лучшие зацепки размазали по газетной странице. Если им так хочется врать об убийстве, то хрен с ним, пусть теперь врут сразу под присягой. А если им хочется сливать данные репортерам, пусть теперь сливают из суда.

– Блин, Дональд, – говорит Джеймс напарнику, вешая куртку в главном офисе. – Если спросишь меня, Дури надо было это сделать уже пару недель назад.

Пока дело Монро-стрит не скомпрометировали еще больше – Твигг или кто-нибудь другой, – его забирают у отдела убийств. Оно идет к большому жюри.

Среда, 10 февраля

Рыбник открывает дверь с вилкой в руке, в потертой фланелевой рубашке и вельветовых штанах. Его небритое лицо бесстрастно.

– Отойдите, – говорит Том Пеллегрини. – Мы заходим.

– Я арестован?

– Нет. Но у нас есть ордер на обыск вашей квартиры.

Рыбник хмыкает, потом уходит на кухню. Лэндсман, Пеллегрини и Эджертон заводят в трехкомнатную квартиру на втором этаже еще полдюжину человек. Здесь грязно, но терпимо; вещей мало. Даже шкафы почти пустые.

Каждый детектив берет на себя комнату и приступает к обыску, а Рыбник возвращается к жареной курице, овощам и банке «Кольта 45». Он отрывает вилкой мясо от бедрышка, потом берет пальцами ножку.

– А можно посмотреть? – спрашивает он.

– На что? – уточняет Лэндсман.

– На ордер. Можно посмотреть?

Лэндсман возвращается на кухню и кладет на стол копию.

– Можете оставить себе.

Рыбник ест курицу и медленно читает аффидевит²⁸. В нем технически описаны причины обыска: знал жертву. Трудоустроивал жертву в магазине. Вводил следователей в заблуждение касательно алиби. Неизвестно местонахождение в день похищения. Рыбник читает, не выдавая на лице ничего. Его пальцы оставляют на краю каждой страницы жирный отпечаток.

Лэндсман присоединяется к Эджертону и Пеллегрини в спальне, пока остальные детективы и приписанные сотрудники перебирают немногие пожитки торговца.

– Здесь почти ничего, Джей, – говорит Пеллегрини. – Может, возьмем парней и заедем на Ньюингтон, пока ты сходишь в его магазин через улицу?

Лэндсман кивает. Ньюингтон-авеню – вторая запланированная на эту ночь облава. Разные ордера на разные адреса отражают раскол мнений по делу Латонии Уоллес. Сегодня основные следователи засели на противоположных концах административного офиса и устроили дуэль на пишмашинках: Пеллегрини и Эджертон подбивали данные на новых подозреваемых в доме 702 по Ньюингтон; Лэндсман вкладывал все, что знал, в пару ордеров на обыск квартиры Рыбника и остатков его магазина на Уайтлок-стрит, сгоревшего незадолго до исчезновения ребенка. Это даже иронично: Лэндсман вернулся к Рыбнику, а Пеллегрини и Эджертон – всего пару дней назад горячо утверждавшие, что надо разрабатывать торговца, – пришли к новой версии.

Отказ Лэндсмана забыть о Рыбнике – тоже эволюция его прошлой точки зрения, когда он вроде как исключил торговца на основе своих расчетов времени смерти. Но на очередной консультации с медэкспертами Лэндсман и Пеллегрини снова привели те же расчеты: трупное окоchenение заканчивалось, глаза влажные, признаков разложения нет, – от двенадцати до восемнадцати часов. Похоже на правду, согласились медэксперты, – если, конечно, убийца не нашел для хранения тела холодное место, а в это время года им может быть пустующий дом, гараж или подвал без отопления. Это бы задержало трупные явления.

«Насколько?» – уточнил Лэндсман.

Вплоть до двадцати четырех часов. А то и больше.

Твою мать, ведь ровно это Эджертон и говорил два дня назад. Получив окно от двадцати четырех до тридцати шести часов, детективам пришлось учесть вариант «похищение во втор-

²⁸ Аффидевит – юридически заверенное письменное показание.

ник – убийство той же ночью или с утра в среду». У Рыбника на этот период алиби так и не было. Если допустить, что он хранил тело в холоде, то из-за новых расчетов снова становился подозреваемым. А старания Пеллегрини подкосили второй факт, на котором стояла версия о длительном похищении и убийстве в среду ночью: хот-доги и квашеная капуста в желудке девочки. Их вычеркнули после того, как Пеллегрини опрашивал жителя Резервуар-Хилла, работавшего в столовой школы Ютоу-Маршберн. Воспользовавшись возможностью, чтобы перепроверить все данные в деле, детектив заодно спросил, правда ли 2 февраля у них подавали спагетти и фрикадельки. Работник посмотрел старые меню и позвонил Пеллегрини на следующий день: на самом деле на обед 2 февраля подавали хот-доги с квашеной капустой. Спагетти – это ужин предыдущего дня. Детективов почему-то дезинформировали; теперь и содержимое желудка жертвы указывало на убийство в ночь вторника.

Пеллегрини пугало, что все их основные выводы, сделанные в первые же часы, до сих пор сомнительны или опровергаются новыми данными. Будто потяни всего за одну ниточку – и распухнет полдела. На взгляд Пеллегрини, верный способ завести следствие в тупик – не быть уверенным ни в чем и сомневаться во всем. Приблизительное время смерти, содержимое желудка – что еще их подведет?

В данном случае изменившийся расклад хотя бы позволил вернуться к их лучшему подозреваемому. Правда, квартира и магазин Рыбника – в долгих полутора кварталах от Ньюингтон-авеню, что противоречит версии Лэндсмана о близости места убийства, но правда и то, что продавец имел доступ как минимум к одному транспортному средству – пикапу, который он регулярно брал у другого торговца с Уайтлок-стрит. Проверая алиби Рыбника на среду, детективы узнали, что пикап еще оставался у него в ту ночь, когда тело сбросили за Ньюингтон-авеню. Пока что рабочая версия исходила из того, что если убийца повезет тело в машине, то уж точно не в ближайший переулок, а куда-нибудь в безлюдное место. Но что, если убийца испугался? И что, если тело лежало в кузове, разве что только чем-нибудь прикрытое, на сравнительном обозрении?

И какого хрена Рыбник не попытался на первом же допросе толком объяснить, где был во вторник и утром среды? Или он просто торговец с частичной занятостью, у кого все дни сливаются в голове? Или он сознательно избегал фальшивого алиби, чтобы его не опровергли детективы? На первом допросе Рыбник привел в качестве алиби его дела с другом, по которым он на самом деле ездил в среду. Это просто ошибка – или сознательная попытка ввести следствие в заблуждение?

В недели после убийства слухи об интересе Рыбника к маленьким девочкам наводнили Резервуар-Хилл настолько, что стали регулярно поступать заявления о его прошлых попытках растления. По большей части – безосновательные. Но когда детективы пробили имя торговца по базе Национального центра информации о преступности – NCIC, – то нашли соответствующее обвинение из лет, которые не охватывала балтиморская база данных: статутное обвинение в изнасиловании от 1957 года, когда Рыбнику еще было около двадцати. Речь шла о четырнадцатилетней девочке.

Пеллегрини запросил в архиве микро пленку полицейских отчетов и обнаружил судимость с приговором всего на год заключения. Особых подробностей эта археология не дала, зато вселила в детективов надежду, что они имеют дело с сексуальным преступником. Более того, благодаря этому Лэндсман смог нарастить мясо на сухих костях своих ордеров.

В тот же день он показал аффидевиту Говарду Гершу, прокурору-ветерану, как раз зашедшему в отдел убийств.

– Эй, Говард, глянь-ка.

Герш пробежался по достаточным основаниям меньше чем за минуту.

– Сойдет, – сказал он, – но разве вы не выдаете себя с головой?

Это вопрос тактики. Когда предъявят ордер, Рыбник прочитает аффидевит и узнает, что именно, по мнению детективов, связывает его с делом. Аналогично он может узнать слабое место своего алиби. Лэндсман сказал, что в тексте хотя бы не указаны имена тех, кто опровергает версию подозреваемого.

– Мы не сдаем своих свидетелей.

Герш пожал плечами и вернул бумаги.

– Удачной охоты.

– Спасибо, Говард.

В десять часов того же вечера Лэндсман поспешил с ордерами домой к дежурному судье, и детективы с приданными сотрудниками собрались на стоянке библиотеки на Парк-авеню, где в последний раз видели живой Латонию Уоллес. По плану они сначала должны были нагрянуть в квартиру и магазин Рыбника, но теперь, после пустышки на Уайтлок-стрит, Пеллегрини и Эджертоны уже не терпелось проверить новую версию. Они предоставили Лэндсману с приданным сотрудником заканчивать обыск сгоревшего магазина, а сами повели вторую группу на полтора квартала восточнее – на Ньюингтон-авеню.

Два «кавалера» и две патрульные машины подъезжают к трехэтажному каменному дому в ряду на северной стороне улицы, полиция высыпает наружу и налетает на дом в стиле свипа «Грин-Бэй Пэкерс»²⁹. Эдди Браун врывается первый, за ним – два патрульных из Центрального. Затем – Пеллегрини и Эджертон, затем – Фред Черути и еще патрульные.

Семнадцатилетнего парня, который неспешно вышел в прихожую на громкий стук в дверь, теперь прижали к облупившейся штукатурке, пока патрульный орет ему на ухо заткнуться и не двигаться во время личного досмотра. Второй пацан в сером спортивном костюме выходит из средней комнаты на первом этаже, осмысляет, кто к ним только что ввалился, и несется обратно.

– Мусора! – кричит он. – Йо, чуваки, йо, мусора...

Эдди Браун выхватывает новоявленного Пола Ревира³⁰ из дверей и прижимает к перегородке, а Черути и остальные патрульные пробиваются через темный коридор к свету в центральной комнате.

Там их четверо – тесно сбились вокруг аэрозольного чистящего средства и небольшой пачки целлофановых упаковок для сэндвичей. Из них только один удосужился взглянуть на гостей. Он непонимающе молчит пару секунд, а как только серый кумар развеивается, вдруг бросается с дикими криками к задней двери. Приданный сотрудник из Южного ловит его на кухне за загривок, нагибает над раковиной. Остальные трое витают в своем мире и не двигаются с места. Самый старший демонстрирует полное безразличие, и, прижав пакет к лицу, занюхивает разок напоследок. От химической вони в комнате не продохнуть.

– Меня от этой херни сейчас стошнит, – говорит Черути, положив одного лицом в стол.

– Что скажешь? – спрашивает патрульный, сажая другого арестованного на стул. – Mamочка расстроится, что ты прогуливаешь школу?

Из спален второго этажа слышится какофония мата полицейских и женских криков, за ними – крики послабее с третьего этажа. Жильцов выдергивают двойками-тройками из почти десятка спален и сопровождают по широкой прогнившей лестнице в центр дома – подростков и детей, женщин и мужчин средних лет, – пока в средней комнате не собирается компания из двадцати трех человек.

Здесь стоит странная тишина. Уже почти полночь, и всюду носится десяток полицейских, но плененное население дома 702 по Ньюингтон не задает вопросов об облаве, словно дошло

²⁹ «Грин-Бэй Пэкерс» – спортивная команда из города Грин-Бэй, штат Висконсин. Свип (снос) – атакующая тактика в американском футболе.

³⁰ Пол Ревир (1734–1818) – герой Американской революции. В 1775 году проскакал к повстанцам, чтобы предупредить о британских войсках.

до той точки, когда облавам уже не нужны причины. Компания медленно расплзается в комнате осадочными слоями: дети валяются посередине на полу, подростки – стоят или сидят по краям, у стен, взрослые – на диване, стульях и вокруг обшарпанного стола. Проходит целых пять минут, когда, наконец, грузный мужчина в синих боксерах и резиновых тапочках не задает очевидный вопрос:

– Какого хрена вы делаете у меня дома?

В дверях появляется Эдди Браун, грузный мужик смеряет его взглядом.

– Ты здесь главный?

– Один из, – отвечает Браун.

– У вас нет права вторгаться в мой дом.

– До фи́га у нас прав. У нас есть ордер.

– Какой ордер? На что?

– Ордер с подписью судьи.

– Судьям не за что выписывать на меня ордер. Я сам пожалуюсь судье, что вы вторглись в мой дом.

Браун равнодушно улыбается.

– Покажите ваш ордер.

Детектив отмахивается.

– Когда закончим, оставим копию.

– Нет у вас ни хрена.

Браун пожимает плечами и снова улыбается.

– Хуесосы.

Браун вскидывается и прожигает дырки в мужике в синих боксерах, но в его глазах видит только категорическое отрицание.

– Это кто вякнул? – рявкает Браун.

Мужик медленно оглядывается на младшего жильца – парня в серой толстовке, ранее выкрикивавший предупреждения. Он прислонился рядом с открытой дверью в коридор и бурчит взглядом Брауна.

– Ты что-то сказал?

– Говорю что хочу, – угрюмо отвечает пацан.

Браун делает два шага в комнату, хватая парня и тащит в коридор. Черути и патрульный из Центрального района заходят посмотреть на представление. Браун прижимается к лицу парня вплотную, пока не становится всем его миром – перед ним ничего, кроме одного злого стокилограммового и чуть ли не двухметрового детектива.

– Что теперь скажешь? – спрашивает Браун.

– Я ничего не говорил.

– Повтори.

– Чувак, ниче я...

На лице Брауна кривится саркастичная улыбка, и он молча тащит пацана обратно в комнату, где уже приступили к работе двое приданных сотрудников – собирают имена и даты рождения.

– И долго нам так сидеть? – спрашивает мужик в синих боксерах.

– Пока не закончим, – говорит Браун.

В задней спальне на втором этаже Эджертон и Пеллегрини медленно и методично прокладывают дорогу через ворохи шмоток и заплесневевшие матрасы, через бумажки и вонючие объедки – в поисках места, где в последний раз была живой Латония Ким Уоллес.

Обыск притона клееманов на Ньюингтон – новый коридор в тянущемся уже неделю расследовании, проверка версии, которую Пеллегрини и Эджертон готовили последние два дня. Этот сценарий объясняет в убийстве все то, что казалось самым необъяснимым. В частно-

сти, версия вроде бы впервые отвечает, почему Латонию Уоллес оставили именно у задней двери дома 718. Это так нелогично, так причудливо, что уже одного объяснения хватало, чтобы открыть новое направление в расследовании.

С самого утра, когда обнаружили Латонию Уоллес, все детективы, видевшие место происшествия, спрашивали себя, зачем убийце рисковать и нести тело ребенка в огороженный задний двор дома 718, а потом еще оставлять его в пределах слышимости у черного хода. Если убийца смог проникнуть незамеченным на задворки Ньюингтон, почему бы просто не бросить тело в общем переулке и не сбежать? Если уж приглянулись дворы, почему не выбрать тот, который поближе к любому концу квартала – единственным местам, где убийца мог войти в переулок? И прежде всего – зачем убийце рисковать и входить в огороженный двор жилого дома, а там еще идти десять метров и класть тело так близко к черному ходу? Другие дворы доступнее, к тому же три выходящих в переулок здания – очевидные заброшки. Так зачем рисковать быть увиденным или услышанным жильцами 718-го, когда с тем же успехом тело можно бросить во дворе дома, где окна забиты фанерой и где никогда не выглянет ни один очевидец?

Еще до того как выяснилось, что старый алкаш с Ньюингтон не дотягивает до роли убийцы, в мыслях двух детективов начал зарождаться ответ – ответ, ловко сочетавшийся с первыми теориями Лэндсмана.

Лэндсман с самого начала утверждал, что убийство, по всей видимости, совершено в доме или гараже поблизости с двором. Затем в предрассветный час убийца вынес мертвого ребенка в переулок, положил у порога 718-го и скрылся. Скорее всего, настаивал Лэндсман, место преступления находится в одном из домов на Кэллоу, Парк или Ньюингтон – трех границах переулка. А если оно и не по соседству, то самое большое в одном квартале от переулка в любом направлении: детективы не могли себе представить, чтобы убийца с неприкрытым телом в руках шел несколько кварталов от своего района, будто один переулок чем-то лучше другого.

Естественно, оставалась небольшая вероятность, что убийца, побоявшись уезжать далеко на машине с телом девочки, доставил ее в переулок за Ньюингтон откуда-то с небольшого расстояния – и этот вариант Лэндсман рассматривал в приложении к Рыбнику, проживавшему на Уайтлок, в нескольких кварталах от места происшествия, что противоречило рабочей версии. При опросе одна соседка из дома 720 даже сообщила, что вроде бы смутно припоминает, как в четыре часа утра, когда обнаружили тело, видела свет фар на стене спальни. Но кроме этого сонного воспоминания, никто не заявил о незнакомом автомобиле на задворках Ньюингтон. Более того, никто вообще не помнил машин в той тесной подворотне – если не считать «линкольн континенталь» одного местного, часто парковавшегося на позади дома 716.

Новое откровение о деле Латонии Уоллес, чьим автором был Эджертон, а первым новообращенным – Пеллегрини, включало все эти аргументы и в то же время разъясняло странное, нелогичное местонахождение трупа: убийца попал во двор не через переулок. И не через дом 718 – очевидную альтернативу. Престарелая пара, проживающая в нем и обнаружившая тело, заслуживала доверия, к тому же детективы тщательно проверили их жилье. Никто не думал, что они соучастники или что тело каким-то образом могли пронести через дом без их ведома.

Только взглянув на место происшествия с десятка разных углов, Эджертон вышел на третью возможность: убийца пришел сверху.

Неделю назад, когда обнаружили тело, несколько детективов поднимались по металлической пожарной лестнице из двух маршей, начинавшейся на крыше дома 718 и спускавшейся на задний двор – в паре метров от кухонной двери и места, где лежал труп. Детективы искали на ней следы крови или другие трасологические улики и ничего не нашли. Эджертон с Черути даже облазили лестничные площадки соседних зданий, чтобы сравнить старые бельевые веревки со странгуляционной бороздой на шее девочки, но всерьез о крышах никто не задумался. В голове Эджертона эта мысль стала оформляться только после десятка визитов

на Ньюингтон, и в воскресное утро через три дня после обнаружения тела он перенес свою теорию на бумагу.

Эджертон склеил два листа почтовой бумаги формата 25 на 40 и разделил на шестнадцать длинных прямоугольников – дома в северном ряду Ньюингтон-авеню. Посреди схемы, за прямоугольником с подписью 718, Эджертон схематично нарисовал человечка, отметив местоположение тела. Потом обозначил пожарную лестницу 718-го, поднимающуюся на площадку второго этажа, а потом на крышу, а также пожарные и приставные лестницы на соседних участках.

Прямой выход на крышу имелся в десяти из шестнадцати домов на северной стороне Ньюингтон. Латонию Уоллес могли заманить внутрь, изнасиловать и убить, потом вынести в окно на втором этаже на плоскую площадку, покрытую гудроном. Оттуда убийца мог по пожарной лестнице перенести тело наверх, пройти по общей крыше и спуститься по металлической лестнице во двор 718-го. Только эта версия объясняла, почему тело с таким риском бросили у задней двери в огороженном дворе, а не в общем переулке или во дворе без забора. Если смотреть с земли, дом 718 – странный выбор. Но если смотреть с крыши, то у него из-за надежной металлической лестницы один из самых доступных дворов во всем квартале.

В то же воскресенье Эджертон, Пеллегрини и Лэндсман обследовали верхушки домов на Ньюингтон в поисках улик и прямых выходов на крышу. Они обнаружили, что все люки либо залиты гудроном, либо заблокированы другими способами. Но жилец все-таки мог вылезти в окно второго этажа любого из десяти домов и подняться по пожарной или приставной лестнице.

Эджертон записал в стенографическом блокноте номера домов – 700, 702, 708, 710, 716, 720, 722, 724, 726 и 728, – и заодно отметил, что 710-й и 722-й – уже проверенные детективами заброшки. Их он вычеркнул, как и 726-й, недавно обновленный и превращенный в яппи-чудо с потолочными окнами и трековым освещением – единственная уступка этого квартала десятилетней кампании по привлечению домовладельцев и по реновации трущоб Резервуар-Хилла. Дом готовили к продаже, и он стоял незаселенным, а значит, оставались семь подходящих домов с доступом на крышу.

Во вторник теория обрела больше веса, когда Рич Гарви, просматривая цветные снимки с места происшествия, обратил внимание на черные пятна на желтых штанах девочки.

– Эй, Том, – подозвал он Пеллегрини к столу. – Глянь-ка на эту черную хрень у нее на штанах. Как думаешь, просто грязь?

Пеллегрини покачал головой.

– Боже, не знаю, что это за фигня, но в лаборатории нам что-нибудь скажут. Вроде какие-то масляные разводы.

Кровельный гудрон, на самом деле думал Пеллегрини. Он спустился с фотографией в криминалистическую лабораторию на пятом этаже, чтобы сравнить ее с одеждой ребенка, на которой там искали волосы, волокна ткани и другие трасологические улики. Химический анализ черных пятен мог занять недели или даже месяцы, а дать при этом только классовые характеристики вещества. Пеллегрини спросил, можно ли подтвердить нефтяную основу вещества или хотя бы сказать, похоже это на кровельный гудрон или нет. Похоже, ответили химики после предварительного анализа, даже весьма, но полный анализ займет время.

Позже в тот день Эджертон и Пеллегрини закончили сверку схемы крыш с опросом квартала 700, когда сличали семь вероятных домов со списками жильцов и их уголовным прошлым. Сосредоточились детективы на адресах, где мужчины либо проживали одни, либо их местоположение в дни пропажи ребенка было неизвестным, а также на домах, где проживали профессиональные преступники. Отсев подтвержденных алиби, женщин и законопослушных граждан быстро привел их к дому 702.

Мало того, что здесь находилась самая многочисленная коллекция отщепенцев, рецидивистов и наркоманов, так еще после проверки рапортов в отделе сексуальных преступлений

всплыла интригующая запись от октября 1986-го: соработники забрали из дома шестилетнюю девочку из-за признаков сексуального надругательства. Впрочем, тогда никого не привлекли. У самого дома имелась залитая гудроном площадка второго этажа с деревянной лестницей на крышу, и во время воскресного обыска детективы отметили, что, судя по виду, задние окна второго этажа недавно поднимали. Металлический экран был частично срезан, открывая выход на площадку. К тому же на заднем краю крыши Пеллегрини обнаружил на гудроне свежий отпечаток от тупого предмета – возможно, завернутого в ткань.

В день, когда обнаружили тело, в ходе предварительного опроса в отдел убийств доставляли и шестерых взрослых жильцов дома 702 на основании уголовного прошлого – наравне с другими обитателями квартала. Тогда эти мужчины не вызвали никаких подозрений, хотя и обаять точно никого не обаяли. Перед опросом они целый час просидели в аквариуме, оглушительно хохоча и соревнуясь в громкости метеоризма.

Сейчас, пока детективы обшаривают хлам в 702-м, это еще кажется цветочками. Некогда величественная викторианская постройка теперь стала не более чем выпотрошенной оболочкой без электричества и водопровода. По углам теснятся тарелки с едой, охапки одежды и памперсов, пластмассовые ведра и металлические горшки с мочой. С каждой новой комнатой вонь давит все сильнее, пока уже и патрульные, и детективы не начинают периодически бегать вниз на перекур, чтобы продышаться на крыльце зимним воздухом. Жильцы каждой комнаты справлялись с отсутствием водопровода тем, что мочились в общую емкость. И в каждой комнате слоями копились бумажные и пластиковые тарелки с объедками, одна поверх другой, так что при археологическом анализе можно определить недельное меню. При перемещении любого баракла во всех направлениях прыскают тараканы и водяные жуки, и, несмотря на жару на верхних этажах, ни один детектив не рискует снять пальто или пиджак из страха, что их кто-нибудь оккупирует.

– Если ее убили здесь, – говорит Эджертон, пробираясь по комнате, отданной во власть испорченной еде и мокрым заплесневелым тряпкам, – представьте ее последние часы.

Эджертон и Пеллегрини, а затем и Лэндсман, приехавший с Уайтлок-стрит, начинают обыск спальни в задней части второго этажа, принадлежащей мужчине, ранее подозревавшемуся в изнасиловании шестилетней девочки. Браун, Черути и остальные расходятся по третьему этажу и комнатам в передней части. Следом за ними прибывают криминалисты, фотографируют каждую комнату и найденные предметы, ищут отпечатки на всех поверхностях, указанных детективами, и наносят лейкооснование малахитового зеленого на все пятна, хотя бы отдаленно смахивающие на кровь.

Процесс медленный и затруднен невероятным количеством хлама и грязи. На одни только задние спальни – где есть прямой выход на крышу – уходит почти два часа: детективам приходится переворачивать мебель и выносить каждый предмет по отдельности, пока комнаты мало-помалу не опустошаются. Кроме окровавленной одежды или простыней и ножа с серрейтором они разыскивают золотую сережку в форме звездочки – то есть практически иголку в стоге сена. Из задней спальни с выбитым окном-экраном они изымают двое заляпанных джинсов и толстовку, на которые среагировал тест, а также обнаруживают спальню с похожими пятнами. Эти находки придают уверенности для того, чтобы продолжать до поздней ночи – переворачивать гниющие матрасы и передвигать побитые комоды со сломанными ящиками в методическом поиске скрытого места преступления.

Обыск, начавшийся незадолго до полуночи, тянется до трех, потом четырех, потом пяти утра, когда уже только Пеллегрини и Эджертон держатся на ногах и пасуют даже криминалисты. С косяков и стен, комодов и поручней сняты уже десятки скрытых отпечатков в слабой надежде, что хоть один совпадет с отпечатками жертвы. Но Эджертон и Пеллегрини все не унимаются, и, переходя на третий этаж, требуют дактилоскопировать еще больше предметов.

В 5:30 взрослых мужчин вместе сковывают наручниками и толпой препровождают в автозак Центрального района. Их отвезут в центр и рассадят по разным комнатам, где все те же следователи, которые всю ночь ковырялись в доме, приступят к безнадежному делу – вынуждать их признаться в детоубийстве. И хоть подозреваемых из 702-го еще ни в чем не обвинили, относятся к ним чуть ли не с преувеличенным отвращением. О нем не говорят открыто, но и не скрывают, причем это слабо связано с убийством Латонии Уоллес. Может, кто-то из полудюжины и убил девочку; может, нет. Но теперь, после шести часов в доме 702 по Ньюингтон, у детективов и патрульных достаточно улик для обвинения другого сорта.

Причем дело не в нищете: любой коп, поработавший с год на улицах, посмотрелся на нищету, а некоторые вроде Брауна и Черути сами родились в суровых условиях. И не в преступности, несмотря на длинные списки судимостей, на заявление об изнасиловании шестилетней и на подростков, нюхающих чистящие средства прямо в гостиной. Любой коп, побывавший в 702-м, ежедневно имеет дело с преступным поведением и уже смотрит на злодеев без лишних эмоций – почти как на неизбежных клиентов, таких же обязательных в балтиморском моралите, как юристы и судьи, инспекторы по УДО и тюремные охранники.

Презрение к обитателям дома 702 коренится глубже, растет из какого-то внутреннего требования планки: мол, да, есть нищие, есть преступники, но нельзя же и в худших американских трущобах падать ниже дна. Детективам балтиморского отдела убийств приходится через день ездить в какую-нибудь богом забытую кирпичную развалину с трехметровой жилой площадью, где больше никогда не поселится ни один налогоплательщик. И заляпанный гипсокартон там сгнил, и половицы покоробились и расщепились, и кухня набита тараканами, которые уже не боятся электрического света. Но несмотря ни на что, чаще всего лишения сопровождаются какими-никакими символами человеческой надежды, борьбы древней, как само гетто: приколотые к стене спальни полароиды с мальчиком в хэллоуинском костюме; валентинка ребенка для матери; меню школьных обедов на допотопном холодильнике с круглым конденсатором на крышке; собранные в одной рамочке фотографии десятка внуков; новенький диван с пластиковым чехлом, одиноко стоящий в гостиной посреди обшарпанного и грязного хлама; вездесущая репродукция «Тайной вечери», или Иисус с нимбом, или напыленные портреты Мартина Лютера Кинга-младшего – на фанере, на бумаге, даже на черном бархате: очи воздеты, глава увенчана цитатами из его мартовской или Вашингтонской речей. Это хозяйства, где мать все еще выходит поплакать на крыльце, когда снаружи останавливается автозак; где детективы обращаются на «вы»; где патрульные спрашивают подростка, не жмут ли наручники, и, сажая на заднее сиденье, прикрывают ему голову рукой.

Но в доме на Ньюингтон-авеню два десятка человек привыкли оставлять еду там, где упала, сваливать невытую одежду и подгузники в угол, валяться удивительно неподвижно, пока по простыням ползают паразиты, опустошать бутылку «Мэд Дога» или «Ти-Берда», а потом выссывать ее обратно в пластмассовое ведро у кровати, считать средство для чистки ванной и целлофановый пакет вечерним развлечением. Историки говорят, когда жертвы нацистского холокоста слышали, что армия Союзников находится в нескольких милях от лагеря, некоторые отскабливали и отмывали свои бараки, чтобы показать миру: здесь жили люди. Но на Ньюингтон-авеню все рубиконы человеческого существования давно пройдены. Здесь насмеются над самой идеей борьбы, а безусловное поражение одного поколения вбивают в головы следующему.

Для детективов, находящихся в доме, презрение и даже гнев – лишь естественная реакция. Ну или так они считают до самого утра, пока из стада людей в средней комнате не выходит десятилетний мальчонка в чумазой толстовке «Ориолс», чтобы дернуть Эдди Брауна за рукав куртки и попросить разрешения взять что-то из комнаты.

– А что надо-то?

– Домашнюю работу.

Браун недоверчиво осекается.

– Домашнюю работу?

– Она у меня в комнате.

– Это в какой?

– Наверху, спереди.

– Что именно надо? Я принесу.

– Учебник и пара страничек, но я не помню, куда положил.

Так Браун идет за мальчиком в самую большую спальню второго этажа и наблюдает, как он забирает с заваленного стола учебник и рабочую тетрадь третьего класса.

– По какому предмету?

– Грамматика.

– Грамматика?

– Да.

– И как учишься?

– Нормально.

Они спускаются – и мальчик пропадает, растворяется в кишасей массе в средней комнате. Эдди Браун смотрит вслед в дверной проем, словно на другой конец длинного туннеля.

– Вот серьезно, – говорит он, закуривая, – староват я уже для этого.

3

Среда, 10 февраля

Прошло уже 111 дней с тех пор, как в Джина Кэссиди стреляли на пересечении улиц Эплтон и Мошер, и 111 дней Терри Макларни ходит с грузом всего Балтиморского полицейского департамента на плечах. Никогда еще в Балтиморе не было открытого дела по убийству или ранению сотрудника полиции; никогда еще не было проигранного суда. Но Макларни, как и любой другой коп, знает: день расплаты грядет. Уже много лет городские коллегии присяжных готовы выносить за нападения на полицейских вердикты об убийстве второй степени; пацан, выстреливший Бакману шесть раз в голову, получил вторую степень и уже давно вышел по УДО. Торчок, убивший Марти Уорда, – выстрелил ему в грудь во время неудачной наркооблавы, – тоже отделался второй степенью. Макларни, как и любой другой детектив, знает: только вопрос времени, когда случится немыслимое и преступник уйдет безнаказанным. И Макларни говорит себе: только не в его смену, только не в случае Кэссиди.

Но дни идут, а новых улик – или чего угодно, что укрепит дело, которое прокуроры все еще зовут слишком хлипким для присяжных, – так и нет. Папка по ранению Кэссиди пухнет от служебных рапортов, но, сказать по правде, у Макларни не больше улик на подозреваемого, чем было в октябре. Даже меньше. В октябре он хотя бы верил, что поймал истинного виновника.

Сейчас уже не может быть уверен. Теперь чем ближе дело к назначенному на май разбирательству, тем чаще он ловит себя на мысленной молитве. Его обращения короткие и без экивоков, возносятся на уличных углах или в офисной комнате отдыха, – молитвы римско-католическому богу, что не услышал Терри Макларни, когда тот сам истекал кровью на Аруна-авеню. А сейчас детектив нет-нет да пробормочет под нос простую просьбу, которыми Он наверняка завален и так. Господи, помоги мне засадить того, кто стрелял в Джина, и, можешь не сомневаться, больше я тебя своими неприятностями не побеспокою. С уважением, сержант Т. П. Макларни, отдел убийств, уголовный розыск, Балтимор, штат Мэриленд.

От поздних звонков Джина лучше не становится. Непривычный к постоянной тьме, Кэссиди иногда просыпается посреди ночи и не знает, утро сейчас или день. И тогда он звонит в отдел убийств, чтобы узнать, что там нового, что еще накопили на этого Оуэнса. Макларни говорит ему правду, говорит, что все дело против Энтони Оуэнса – по-прежнему двое не пышущих энтузиазмом несовершеннолетних свидетелей.

– Сколько ты хочешь, Джин? – спросил однажды Макларни.

– По-моему, – ответил Кэссиди, – он должен просидеть в тюрьме за каждый день, что я хожу слепым.

– Пятьдесят сойдет?

Да, сказал Кэссиди. А куда деваться.

Пятьдесят – мало, это знали оба. Пятьдесят – это УДО меньше чем через двадцать лет. Но Макларни даже на пятьдесят не наскреб. Сейчас Макларни смотрит на самое важное дело в своей жизни и видит только одно: провал. Черт, не будь Кэссиди копом, дело бы приостановили до суда.

Но тут не может быть приостановки, помилования, небрежной сделки. Джин Кэссиди должен выйти из зала, услышав от городских присяжных приговор не меньше, чем о первой степени. Это ему должен департамент – а Макларни сейчас, по сути, воплощение департамента. Как друг Кэссиди, как сотрудник, несущий ответственность за уголовное дело, как человек, руководивший следствием, только Макларни может отдать этот долг, сделать все как надо.

Это давление усугубляется странной негласной виной. Потому что в теплый октябрьский вечер, когда в отдел убийств поступил вызов, Макларни в офисе не было. Уже ушел со своей смены с четырех до двенадцати – его пораньше подменили полуночники – и услышал о происшествии, только когда его вызвали обратно в офис из бара.

Ранен офицер в Западном.

Выстрел в голову.

Кэссиди.

Это Кэссиди.

Макларни пулей сорвался в офис. Для него это было не просто какое-то ранение полицейского. Кэссиди – друг, перспективный патрульный; Макларни лично натаскивал его во времена недолгой службы сержантом сектора в Западном. Кэссиди был юным дарованием – умным, жестким, честным, – таким копом, который и нужен департаменту на улицах. Даже переведясь обратно в убойный, Макларни не потерял связь с Джином. И вот вдруг он ранен, возможно, умирает.

Его нашли сидящим на северо-восточном углу перекрестка Эпплтон и Мошер. Первым пришел Джим Боуэн, пешком из отделения в нескольких кварталах, и он был в шоке от того, что не сразу узнал сослуживца. Вместо лица – кровавая каша, пришлось присесть и прочитать имя на форме: Кэссиди. Еще Боуэн увидел, что его пистолет – в кобуре, а дубинка – в машине, стоящей на холостом ходу в метре от тротуара. Начали подтягиваться другие патрульные Западного, один другого потрясеннее.

– Джин, Джин... Ох блин.

– Джин, ты меня слышишь?

– Джин, ты знаешь, кто стрелял?

Кэссиди произнес только слово.

– Да.

Знал.

Скорая пролетела меньше мили до травматологического отделения в Университетской больнице, где врачи оценили шансы на выживание в четыре процента. Одна пуля вошла в левую щеку, пробурилась через череп и перебила оптический нерв правого глаза. Вторая прошила левую скулу, повредив второй глаз и окончательно погрузив Джина Кэссиди во тьму, после чего засела в мозге вне досягаемости скальпеля. Из-за второй пули врачи и заговорили о самом худшем исходе: даже если двадцатисемилетний полицейский выживет, его может ждать серьезное повреждение мозга.

Когда с двумя другими патрульными приехала молодая жена Кэссиди из Западного, перед травматологией начались бдения. Затем пошел парад белых фуражек и золотых кантов – полковники и заместители комиссара, – а за ними детективы, хирурги и католический священник, предложивший соборование.

В первые часы расследование ступило на исконную стезю всех перестрелок с участием полиции. Разъяренные детективы и патрульные Западного наводнили окрестности Мошер и Эпплтон и хватали на углах всех кого ни попадя. Гражданских, барыг, наркоманов, пьянь – все живое дрючили, трясли и запугивали. Две пули в упор – это объявление войны, и все демаркационные линии между полицией и жителями Западного района вдруг оказались стерты.

Макларни действовал в ту первую жуткую ночь жестче всех из начальства убойного, землю носом рыл, метался от одного возможного свидетеля к другому, грозил, ярился, вселял страх перед Господом, дьяволом и самим Т. П. Макларни в сердце каждого на своем пути. Когда стреляют в полицейского, отмаза «я ничего не видел» уже не канает; впрочем, все равно его напор в ту первую ночь граничил с безумием. Его детективы трактовали это почти как покаяние, бешеную попытку компенсировать простую истину: когда поступил вызов, он где-то попивал пиво.

На самом деле уход Макларни со смены пораньше ничего особенного не значил. График убойного по большей части гибкий, одна смена сливается с другой, пока доделывается бумажная работа и подходят свежие силы. Кто-то уходит пораньше, кто-то – попозже, кто-то работает сверхурочно над новыми делами, кто-то сидит в баре уже через минуту после того, как из лифта является подмога. «Красный шар» невозможно предвидеть, но Макларни в глубине души плевать на логику. Это не просто «красный шар», и для Макларни важно, что, когда в Джина Кэссиди стреляли на улице, его на посту не было.

Неуправляемый гнев сержанта в первую ночь насторожил детективов. Кое-кто – в том числе лейтенант Д'Аддарио – пытался его успокоить, сказать, что он принимает все слишком близко к сердцу, предложить пойти домой, оставить дело детективам, которые не служили с Кэссиди, которые могут работать с делом как с обычным преступлением – преступлением тяжким, но все же не личной раной.

Во время одного уличного опроса Макларни даже дал волю рукам и раздробил себе костяшки. Через месяцы это станет обычной подколкой: в ночь, когда ранили Кэссиди, Макларни сломал руку в трех местах.

В трех местах?

Ага, в квартале 1800 по Дивижн-стрит, в квартале 1600 по Лоуренс и в...

Макларни не контролировал себя, но и уйти не мог. Впрочем, никто этого и не ждал. Что бы детективы ни думали о его первоначальном участии в расследовании, его ярость они понимали.

В два ночи, где-то через три часа после ранения, в 911 поступил анонимный звонок: езжайте в дом на Северной Стрикер-стрит, найдете пистолет, из которого стреляли в полицейского. Оружия не нашли, но детективы все-таки взяли проживавшего по адресу шестнадцатилетнего парня и забрали в центр, где он начал отпираться от участия в происшествии. Допрос был протяженным и разгоряченным, особенно когда детективы провели тест с лейкооснованием на подошвах его кроссовок и выявили следы крови. Тут уж всем пришлось держать Макларни, чтобы не подпустить к перепуганному замученному пацану, который после долгих часов допроса с пристрастием наконец выдал Энтони Т. Оуэнса, стрелка. Второй, Клифтон Фрейзер, по его словам, присутствовал, но не участвовал. Себя молодой свидетель помещал на расстояние пары метров от происшествия и заявлял, что видел, как полицейский влетел в толпу на углу, после чего в него без повода выстрелил восемнадцатилетний Оуэнс, мелкий наркоторер.

Детективы, работая без передышек, оформили ордера на арест и обыск Оуэнса, подписали у дежурного судьи и в тот же вечер, в 18:30, ворвались в квартиру на Северо-Западе Балтимора. Облава ничего не дала, но еще до их отъезда поступил новый анонимный звонок о том, что человек, стрелявший в полицейского, находится в доме на Фултон-стрит. Полиция помчалась по адресу, но Оуэнса не нашла. Зато обнаружила двадцатичетырехлетнего Клифтона Фрейзера, названного свидетелем. Фрейзера забрали в центр, где он отказался давать показания и потребовал адвоката. Его разыскивали по другому обвинению в нападении, поэтому его пришлось перевести в городскую тюрьму, откуда он вышел по залогоу уже через несколько часов после слушания с уполномоченным суда.

В тот же вечер в отдел убийств пришла младшая сестра шестнадцатилетнего свидетеля и заявила, что тоже находилась на Эплтон-стрит с подружками и видела, как полицейского ранили после того, как он подошел к компании на углу. По ее показаниям выходило, что перед выстрелом Клифтон Фрейзер подтолкнул Оуэнса и что-то ему сказал. Еще она настаивала, что после выстрелов Оуэнс скрылся на черном «форд эскорте», за рулем которого сидел Фрейзер. В свете новых обстоятельств детективы опять принялись его искать – и тут обнаружили, что после выхода под залог он скрылся. На него выписали второй ордер, не прекращая розыск

Оуэнса. В тот же вечер, пока тринадцатилетняя девочка подписывала страницы своих показаний, Энтони Оуэнс подошел к дежурному сотруднику в Центральном районе.

– Это про меня говорят, что я стрелял в полицейского.

Он обратился в Центральный из страха, что если его возьмут на улицах Западного, то избьют или даже убьют, – страха вполне оправданного. Детективы не допустят к подозреваемому Макларни, но ему все равно не пройти невредимым через оформление, районный КПЗ и поездку в городскую тюрьму. Это, конечно, было жестоко, но без перебора, и, возможно, Энтони Оуэнс и сам понимал, что в каком-то смысле так надо в случаях, когда полицейскому дважды стреляют в лицо. Он стерпел побои без жалоб.

Еще несколько дней после операции Джин Кэссиди находился между жизнью и смертью, пребывая в полукоматозном состоянии в палате интенсивной терапии рядом с женой, матерью и братом. Начальство после первой же ночи испарилось, зато к семье присоединились друзья и сотрудники полиции Западного района. Каждый день врачи называли новые шансы выживания, но только через две недели Кэссиди наконец дал им подсказку – заерзал, когда медсестра меняла ему повязки.

– О, Джин, – сказала медсестра. – Жизнь – суровая штука.

– Да уж... – Кэссиди с трудом ворочал языком, – это... слабо... сказано.

Он ослеп. А еще пуля в мозге лишила его обоняния и вкуса. Вдобавок к этим пожизненным увечьям ему нужно было заново учиться говорить, ходить, следить за каждым своим движением. Убедившись, что пациент выживет, хирурги предложили остаться в больнице на четыре месяца, после чего последовали бы месяцы физиотерапии. Но, как ни поразительно, уже на третью неделю Кэссиди ходил с чужой помощью и заново учил слова на сеансах с логопедом, и становилось понятно, что его мозг работает как прежде. Из травматологического его выписали уже в конце месяца.

Когда Кэссиди вернулся в мир живых, Макларни и Гэри Данниген – старший детектив по делу, – уже были тут как тут, надеясь на то, что он укрепит обвинение против Оуэнса, вспомнив детали нападения независимо от показаний свидетелей, а то и опознав или описав стрелка. Но, к своей же величайшей досаде, последнее, что он помнил, – как в тот день перед работой завтракал хот-догом дома у отчима. За исключением лица Джима Боуэна, промелькнувшего над ним в скорой – причем врачи считали, что этого он видеть уже не мог, – Кэссиди ничего не помнил.

Когда ему рассказали об Оуэнсе, о выстреле без повода, когда он разгонял наркоторговцев с угла, Кэссиди только развел руками. А почему, спрашивал он, я оставил дубинку в машине, если разгонял наркоторговцев? И с каких пор на Эпплтон и Мошер собираются наркоторговцы? Кэссиди проработал там уже год и не помнил, чтобы на Эпплтон кто-то банчил. Для Кэссиди история не клеилась, но сам он, как ни силился, ничего вспомнить не мог.

И не мог вспомнить кое-что еще – происшествие одной ночью в палате, когда его разум еще обволакивала серая пелена. Что-то – возможно, какая-то вьевшаяся в подкорку этика Западного района, – подняло Кэссиди на ноги впервые после Эпплтон-стрит. Он медленно подошел к койке другого пациента – пятнадцатилетнего паренька, пострадавшего в ДТП.

– Эй, – сказал Кэссиди.

Паренек посмотрел на ужасающее чудовище в одном больничном халате, с распухшими и незрячими глазами, с бритой головой в шрамах от операции.

– Чего? – спросил он.

– Ты арестован.

– Чего?

– Ты арестован.

– Мистер, по-моему, вам лучше прилечь.

Привидение как будто задумалось, а потом отвернулось.

– Ладно, – сказал Кэссиди.

В недели после нападения Макларни с подопечными собрали детективов из наркоотделов угрозыска и Западного района и приступили к наблюдению за рынками рядом с Эпплтон-стрит. Задумка была проста: если Кэссиди ранили за то, что он пытался расчистить угол, об этом должен знать каждый барыга в секторе. Кто-то мог быть свидетелем; другие – знать свидетелей. Закрыли больше десятка торговцев, потом допросили их с позиции силы, требуя сведения в обмен на сделки по обвинениям в наркоторговле. Как ни поразительно, ценных данных не нашлось ни у кого.

Ночь нападения была зябкой, но не слишком, а значит, имелись все основания считать, что местные сидели перед домами до самого вечера. И все же второй опрос на Мошер и Эпплтон не принес свидетелей. Ничего не дали продолжительные поиски черного «форд эскорта», считавшегося машиной преступника.

В конце января дело перешло в отдел профессиональных преступников прокуратуры штата, и двое прокуроров-ветеранов, Говард Герш и Гэри Шенкер, изучили обвинения и показания свидетелей. Оуэнса и Фрейзера можно было удерживать без права на залог, но с точки зрения обвинения это была катастрофа. В вынужденных свидетелях – шестнадцатилетний хулиган и его тринадцатилетняя сестра, ненадежная и почти неуловимая из-за своей любви сбегать из дома. Более того, показания детей, хоть и похожие, расходились по ключевым пунктам, причем только девочка называла Фрейзера соучастником. Ко всему прочему не было ни оружия, ни улики, ни мотива, который успокоил бы присяжного, готового рассмотреть даже самые слабые доказательства вины.

Макларни обуревал нешуточный страх. А если ко времени суда у них так и не будет улики? А если они так и не найдут другого свидетеля? А если они пойдут в суд и проиграют по существу? А если стрелок выйдет на свободу? Во время одного особенно скверного приступа сомнений Макларни даже позвонил Кэссиди и по совету прокуроров спросил, что он скажет насчет сделки с Оуэнсом на тридцатку по обвинению в покушении на убийство второй степени. Это означало право на УДО через десять лет.

Нет, сказал Кэссиди. Не тридцатка.

И правильно, думал Макларни. Неприлично даже думать о сделке. Кэссиди ослеп, его карьере конец. И, хотя работодатели Патти Кэссиди предлагали ее дожидаться, она все-таки ушла с работы бухгалтером, чтобы во время многомесячной терапии быть рядом с Джином. Две жизни уже никогда не будут прежними – даже больше двух, поправил себя Макларни.

Перед самым Рождеством нескончаемым симптомам Патти поставили правильный диагноз. Ее тошнота и усталость – не последствия стресса из-за нападения, как она думала. Она беременна. Ребенок зачат всего за несколько дней до ранения Джина – чудесный дар, живое воплощение их будущего. Но незачем говорить, что и в новостях о беременности сквозила печаль: этого ребенка Джин Кэссиди никогда не увидит.

Беременность Патти только распалила одержимость Макларни. Но некоторые детективы считали, что его напор можно как минимум отчасти объяснить чем-то еще – связанным не с Кэссиди и не с ребенком, а с тем, что произошло в переулке у Монро-стрит, меньше чем в двух кварталах от нападения на Кэссиди.

Для Макларни расследование смерти Джона Рэндольфа Скотта стало оскорблением. Для него немыслимо преследование других полицейских. Он не смирился бы с миром, где в Джина Кэссиди стреляют на улице, а меньше чем через месяц отдел убийств – собственно, группа самого Макларни, – открывает охоту на тех, кто работал с Джином, прогоняет патрульных через полиграф, проверяет служебные револьверы и обыскивает шкафчики в отделениях.

Это просто бред, и, на взгляд Макларни, дело Джона Скотта до сих пор открыто только потому, что подозреваемые – копы. В мире Макларни коп не мог застрелить человека и бросить труп в подворотне – по крайней мере, не его сослуживцы. Вот где Уорден сбился с пути. Уорден

– настоящий коп, хороший следак, но если он и правда верит, что того пацана застрелили полицейские, то он просто неправ. В корне неправ. Макларни не винил самого детектива. В его глазах Уорден был человеком старой закваски, таким, кто следует всем приказам начальства, даже самым дебильным. Поэтому вина лежала не на Уордене, а на начальстве, и в особенности – на административном лейтенанте и капитане, которые вынесли дело Монро-стрит из обычной вертикали власти. Они слишком поспешили списать версию с гражданским подозреваемым, думал Макларни, слишком поспешили натравить Уордена на копов. Сам-то лейтенант – не следователь, как и капитан; уже по одной этой причине, считал Макларни, им нельзя было забирать дело Скотта у него с Д’Аддарио. И главное, Макларни поработал в Западном, а они – нет. Он знал, что бывает на улицах и чего не бывает. И верил, что дело Монро-стрит было обречено с того мига, когда все стороны решили, будто убийство совершил коп.

Мощная речь, и в его смене никто не сказал бы, что Макларни не верит в каждое ее слово. С другой стороны, а как он мог *не* верить? Его мнение о Западном районе, мнение о себе не могло ставиться под сомнение больше чего угодно в его жизни. На взгляд Макларни, за истиной далеко ходить не надо – вспомните хоть Джина Кэссиди, истекающего кровью на углу Эплтон и Мошер.

То, что произошло в Западном районе, называется «полицейская работа». И если больше никто во всем департаменте этого не понимает – ну, Макларни может выразиться просто и красноречиво: на хрен Монро-стрит и на хрен их. Он решил, что и близко не подойдет к тому делу. Лучше заняться чем-то продуктивным и удовлетворительным: он разберется с нападением на Кэссиди.

Сразу после новостей о беременности Патти он написал капитану запрос о предоставлении двух людей из Западного района, начиная с 1 февраля, сказав себе, что, если придется, они будут копать до самого суда в мае. Больше ничего не оставалось: проиграть в суде по нападению на полицейского, причем конкретно этому, – невысказано.

Капитан дал добро, и Западный прислал двух лучших людей. Это была парочка в стиле комикса «Матт и Джефф»: Гэри Таггл – низенький жилистый черный паренек, работавший в штатском, и Кори Белт – высокий толстошей монолит с внешностью и характером дефенсив энда, что особенно импонировало Макларни – в прошлом университетскому лайнмену. Оба умные и приличные, оба агрессивные даже по меркам Западного. На улицах Макларни наслаждался даже внешним видом своей новой команды – очевидным контрастом между толстеющим тридцатипятилетним сержантом и двумя подтянутыми хищниками под его началом.

– Подъезжаем мы к углу, я выхожу, – рассказывал Макларни после очередных приключений на западной стороне. – Преступники просто смотрят на меня и думают: «Без проблем, от этой развалины я убегу». Потом из машины выходят двое – и все автоматически разворачиваются и кладут руки на стену.

Макларни, Белт, Таггл – с первого числа месяца эта троица каждый будний день проводила на улицах Западного, опрашивала жильцов на улицах рядом с местом преступления, трясла свидетелей, проверяла даже самые расплывчатые слухи.

Но и теперь, через девять дней, Макларни с группой предъявить нечего. Ни новых свидетелей. Ни оружия – все еще. Ничего сверх того, что было известно в октябре. На улицах уже даже забыли о стрельбе четырехмесячной давности.

Снова собираясь этим утром в Западный, Макларни чувствует, как страх прирос еще чуть-чуть. Когда-то он был сержантом Кэссиди, звал его другом, и теперь не может видеть дело иначе как крестовый поход. Не только из-за того, что оно значит для Кэссиди, но и из-за того, что оно значит для самого Макларни: для кого значок есть его суть и одержимость, что в наше время встречается редко, и кто пылко верит в братство копов – язычество не хуже других для честного ирландца.

Терренс Патрик Макларни уже давно открыл в себе эту одержимость – в день, когда ехал на патрульной машине в Центральном районе и принял вызов на сработавшую сигнализацию в банке на Ютоу и Норт. Разве может быть ощущение лучше, чем когда несешься по Пенсильвания-авеню с синими мигалками и заставкой «Шафта», орущей из кассетника на переднем сиденье? Разве бывает кайф больше, чем ворваться в вестибюль банка мимо ошарашенных клиентов – двадцатилетний центурион, что живет большой дубиной и 38-м калибром на ремне? И неважно, что сигнализация сработала по ошибке; речь о самом зрелище. В мире серого бессмысленного равенства Макларни – хороший человек в городе, захваченном злодеями. На какой еще работе найдешь такое чистое мировоззрение?

Со временем Макларни вжился в образ, как мало кто может, и стал матерым, самоироничным, пьющим копом почти мифического масштаба. Он выглядел, гоготал, бухал и матерился, словно старомодный ирландский патрульный, чья талия проигрывала закулисный бой с домашним пивом. До того, как он расплылся в стокилограммового сержанта, Макларни играл в колледже в американский футбол, и только с годами мускулистые очертания лайнмена нападения сдались перед натиском ежедневного режима, состоящего из патрульной машины, барного стула и постели.

Его гардероб только подчеркнул потерю формы, и детективы единогласно считали, что Макларни выезжает на работу, только когда семейная собака притащит его рубашку с пиджаком другого конца двора. Он неоднократно заявлял, что не понимает природы этого явления и что его жена самолично ездила в дорогой пригородный торговый центр и возвращалась с приемлемой мужской одеждой. В стенах дома в округе Говард и на первых милях межштатного шоссе 95 костюм привлекательно выглядел и хорошо сидел. Но где-то между съездом на шоссе 175 и городской чертой происходил некий спонтанный взрыв. Воротник рубашки мялся под невыразимыми углами, отчего выкручивался узел галстука. Рукава пиджака вдруг протирались, пуговицы катапультировались. Изнанка пиджака над правым бедром цеплялась за рукоятку револьвера и рвалась. На одной подошве росла дыра.

– Ничего не могу поделать, – утверждал Макларни, в упор не признавая придинок, кроме тех дней, когда опаздывал на работу и гладил только рубашку, и то спереди, уверенный, что «люди все равно больше ни на что не смотрят».

Коренастого и светловолосого обладателя быстрой щербатой улыбки Терри Макларни не назовешь мыслителем или даже умником. И все же близким знакомым часто казалось, что его внешний вид и поведение задуманы так, чтобы скрывать истинный характер. Он был выходцем из Вашингтонских пригородов среднего класса, сыном аналитика из министерства обороны с высоким рейтингом по шкале «Голдман-Сакс». Во время службы патрульным, Макларни, сидя на пассажирском сиденье машины Центрального района, учился на юриста, но так и не потрудился, собственно, сдать экзамен в мэрилендскую адвокатуру. Копы всегда считали, что на профессии юриста есть какое-то пятно, их этика всегда говорила, что даже лучшие и самые профессиональные адвокаты – не более чем хорошо оплачиваемые палки в колесах уголовного правосудия. Несмотря на все образование, Макларни прикипел к этой этике: он вам не юрист, а коп.

И все же Макларни – один из самых умных и сознательных людей в убойном. Он Фальстаф отдела, настоящий комедийный хор. Сложные розыгрыши и неведомые ругательства – это по части Джея Лэндсмана, зато юмор Макларни, тонкий и скромный, часто доносил специфическое чувство товарищества, рождающееся на полицейской работе. Детективы балтиморского убойного еще много поколений будут рассказывать байки о Т. П. Макларни. О том Макларни, что всего день проработал в одном кабинете с Лэндсманом, а потом с серьезным видом написал Д'Аддарио конфиденциальную записку: «Сержант Лэндсман странно на меня пялится. Я уверен, что я для него всего лишь сексуальный объект». О том Макларни, что после четырех бутылок пива разговаривал футбольными метафорами и вечно давал своим детективам один и

тот же совет: «Мои люди должны выходить на поле с планом. Не хочу знать, с каким, но какой-то быть должен». О том Макларни, что однажды уехал домой с загруженной смены, чтобы спасти жену и сына, пристрелив из своего 38-го разбушевавшуюся мышь в чулане спальни. («Я потом прибрался, – объяснял он, вернувшись в офис. – Но вообще подумывал оставить труп, чтоб другим неповадно было».)

В то же время Макларни – неустанный следователь, работающий по делу точно и тщательно. Его звездный час настал в 1982-м, когда он был старшим по зверским убийствам Бронштейнов – престарелой еврейской пары, жестоко зарезанной и брошенной в гостиной их дома в Пимлико. Двое убийц, их подружки, даже их тридцатилетний кузен раз за разом возвращались в дом, переступали через тела и выносили очередную партию ценностей. Макларни неделями работал над делом, отследив кое-что из украденного до скупщика в проджекте Перкинс-Хоумс, от кого и узнал имена двух подозреваемых – их потом приговорят к смерти и к пожизненному без права на помилование.

Как и в случае с Бронштейнами, лучше всего Макларни показывал себя в делах, где жертвой была женщина. Этот предрассудок держался еще долго после того, как он вернулся в отдел убийств на должность сержанта. Будучи копом традиционных и сентиментальных взглядов, он подзуживал и пинал своих детективов, которым попадалось дело с женщиной-жертвой: может, если друг друга убивают мужчины, – это нарушение закона, но если убивают женщину – это истинная трагедия.

– Вот за это, – говорил он, глядя на фотографии места преступления и не замечая собственной мелодраматичности, – мы обязаны отомстить.

Он выпустился из академии в марте 1976-го и служил в Центральном, но даже тогда всерьез подумывал о корочке юриста, а то и окладе прокурора – и эту альтернативу радостно поддерживала Кэтрин, его жена. Макларни поступил в Балтиморский университет одновременно с тем, как сержант сектора поставил его в автопатруль с Бобом Макаллистером на посту у Пенсильвания-авеню. То было причудливое, шизофреническое существование: днями он обсуждал деликты и контракты на первом курсе юридического, ночами выезжал на вызовы в Лексингтон-Террас и Мерфи-Хоумс, худшие высотные проджекты города. На посту, где на каждом втором происшествии приходилось расчехлять дубинки, оба узнали, что, когда надо драться, они не подведут. Высотки на западной стороне были отдельным миром – восемь башен упадка и отчаяния, круглосуточный супермаркет героина и кокаина. И, словно одного этого мало, они еще вдвоем продержались в бунтах 79-го, известных ветеранам БПД просто как Зимняя олимпиада, когда заснеженный Балтимор повсеместно разорвали его собственные обитатели. Это Макаллистер держал их двоих в узде; это ему чаще приходилось успокаивать, выступать голосом разума. В самую рань они парковались в Центральном, где потише, и Макаллистер зачитывал Макларни вопросы по праву, возвращая на землю после долгой ночи в проджектах. Тихий, здравомыслящий и самоироничный Мак стал мостом между мирами, единственным, что не дало Макларни ответить на втором курсе, что Истец А хочет наебать Подсудимого Б, и Судье В хорошо бы их обоих кинуть в холодную, если ебало не завалит.

В конце концов, оба сдали вступительный экзамен в угрозыск. Макаллистеру проджекты уже стояли поперек горла, и больше всего на свете ему хотелось в отдел убийств, но Макларни расследования смертей не привлекали. Ему подавай простых ограблений – по той инфантильной причине, что даже после двух лет на улице он считал вооруженное ограбление – «Денег нет, и тогда ты просто идешь с пушкой в банк и берешь сколько надо?» – поистине паразитальной, просто-таки комиксовой идеей.

Они оба два года подряд получали высшие баллы на экзаменах угрозыска, но, когда вакансии наконец открылись, это Маку пришлось довольствоваться грабежами, а Макларни в итоге попал в отдел убийств благодаря полицейской академии, где недолго преподавал право. К его собственному удивлению, он влюбился в убийный с первого взгляда – в работу, в людей.

Это был элитный отдел, следственный отдел – лучший в департаменте, – а Макларни всегда представлял себя следователем. Стоило ему получить значок детектива и стол, как от экзамена в адвокатуру и юридической карьеры остались лишь туманные воспоминания.

Затем, после двух самых счастливых лет в жизни, Макларни совершил, на его взгляд, роковую ошибку: сдал экзамен на сержанта. Полоски на рукаве принесли чуть больший оклад и перевод в Западный, где ему поручили Второй сектор и группу из чистеньких здоровых ребят-тишек, двадцатитрех— и четырехлетних экземпляров, с кем он в своем преклонном возрасте тридцати одного года чувствовал себя динозавром. И вдруг это теперь Макларни пришлось стать спокойным и уравновешенным. Каждую ночь в течение двух лет службы сержантом он распределял машины и отправлял паству в жестокий и беспощадный район города, где нельзя верить никому, кроме себя самого и своей смены. В Западном происходило слишком много и слишком быстро, и каждый патрульный проводил смену один, зависел от того, что напарники услышат его вызов, придут вовремя, наведут порядок.

Макларни научился отличать сильных от слабых – тех, кто будет сражаться, от тех, кто не будет, тех, кто знает улицу, от тех, кто напрашивается на травмы. Поуп – хороший мужик. Кэссиди – очень хороший. Хендрикс – боец. Но хоть Макларни знал, что остальным там не место, на посты кого-то ставить было надо. И каждую ночь он час-другой бегом заполнял обязательные бумаги, а потом выезжал в сектор на собственной машине и объезжал всю смену, стараясь быть на подхвате для каждого вызова. Эти два года Макларни гадал не о том, кто из его людей пострадает, а о том, как это произойдет. На Западе копу необязательно было облажаться, чтобы пострадать, и Макларни представлял, так ли все случится. Или в тот проклятый миг кого-то подведет подготовка, кто-то не сможет контролировать свой пост, кого-то вообще нельзя было сажать в долбаную машину? А главное, Макларни гадал, сможет ли жить с этим дальше.

Это случилось в один прекрасный день – между прочим, первого сентября. Макларни запомнил погоду, потому что заканчивалось очередное балтиморское лето, а он ненави-дел носить кевларовый бронежилет в жару. Он услышал вызов по радиии, когда проверял заправку на Калвертон, в нескольких кварталах западнее, тут же включил мигалки и понесся по Эдмондсон, прибыв почти одновременно со вторым сообщением по радиии – о том, что подозреваемого видели на Бенталу. Макларни свернул на первом же перекрестке на север, сбросил скорость. На тенистом крыльце посреди квартала мирно сидела престарелая чета, и, стоило на них взглянуть, они спрятали глаза. Может, просто не хотели общаться с полицией; а может, что-то видели. Макларни вышел из машины к крыльцу, и старик встретил его со странным задумчивым выражением.

– Вы не видели, как тут кто-нибудь пробегал? Неподалеку ограбили заправку.

Старик, похоже, знал об этом и почти небрежно сказал, что видел, как человек пробежал по улице, упал, поднялся и метнулся за угол в густой кустарник.

– Вон в тот?

С крыльца Макларни мало что мог разглядеть. Тогда он вызвал подмогу; первым явился Реджи Хендрикс. Макларни наблюдал, как его подчиненный поднимается по пологому склону на угловой участок, и крикнул, чтобы тот был осторожнее, вдруг подозреваемый все еще прячется в кустах. Оба были с револьверами наизготовку, и тут вышел сосед на свое крыльцо и спросил, что происходит. Макларни отвернулся, чтобы приказать ему вернуться в дом.

– Вон он! – крикнул Хендрикс.

Но Макларни не видел. Он взбежал по склону в сторону подчиненного, думая, что лучше держаться поближе к Хендриксу, чтобы подозреваемый вдруг не оказался между ними.

Хендрикс продолжал кричать, но Макларни по-прежнему ничего не видел, пока подозреваемый вдруг не оказался на открытой местности – бежал через двор, все еще глядя на них. Макларни увидел пистолет, увидел, что он стреляет, и открыл ответный огонь. Хендрикс

тоже выстрелил. «Как-то это странно», – подумал Макларни отрешенно, дивясь тому, что они с подозреваемым как будто просто стоят и стреляют друг в друга – и, собственно, так оно и было. Он почувствовал обе пули – его толкнула каждая, – и в то же время увидел, как подозреваемый дернулся и с трудом побрел по склону к улице.

Макларни повернулся и хотел побежать обратно через двор, но нога его не слушалась. Он выпустил четыре пули и теперь хромал к улице, где хотел пустить оставшиеся две вслед преступнику. Но спустившись, увидел того на тротуаре, его пистолет – в стороне. Он подошел и сам лег на живот в нескольких метрах. Одну руку вытянул, не сводя прицела с головы преступника. Тот повернул голову к Макларни и ничего не сказал. Потом поднял руку и с трудом махнул. Хватит, хотел сказать он. Достаточно.

К тому времени над ними уже стояла половина Западного, и Макларни наконец отпустил пистолет, когда увидел, как Крэйг Поуп нацелил преступнику в лицо свой 38-й. А потом пришла боль – резкий прострел в животе, – и он попытался определить, куда попали. Ноге триндец – но, думал он, в конце концов, подумаешь, нога. Вторая пуля, предположил он, попала в живот, под краем бронежилета. Тоже хорошо, думал Макларни, там нет жизненно важных органов.

Он почувствовал на спине что-то мокрое.

– Майк, переверни меня, посмотри, навывлет или нет.

Гайек приподнял его за плечо.

– Да, навывлет.

Навивлет. Чудный способ узнать, что от кевлара толку ноль, но Макларни радовался хотя бы тому, что пуля не засела в теле.

Их повезли в одно травматологическое отделение разными скорыми, и по пути Макларни сказал медикам об ощущении, будто он падает, будто вот-вот свалится с носилок. Боль при этом усилилась.

– Не отключайся, – начали кричать ему. – Не отключайся!

Ах да, подумал Макларни. Шок.

Во время подготовки к операции он слышал, как раненый им человек издает стоны, и видел, как ему самому медики втыкают внутривенные капельницы и катетеры. Филлипс, полицейский из его сектора, позвонил Кэтрин, та отреагировала, как любой здравомыслящий человек, – выразила однозначную тревогу о благополучии мужа и равно однозначную мысль, что даже в таком городе, как Балтимор, большинство юристов доживает дни, ни разу не поймав пулю.

Ну все, сказала она ему потом. Чего ты еще дожидаться? Макларни был не вправе с ней спорить – и сам это знал. Ему тридцать два, у него семья, он зарабатывает вдвое меньше своего выпускника, а в награду его чуть не пристрелили на улице, как пса. Если свести к сути, то истина – всегда вещь простая и упрямая, и да, ему пришлось признать, что особой выгоды быть копом нет. Собственно, никакой нет. И все же после происшествия он не передумал – в каком-то смысле для этого уже было поздно.

Он вернулся на службу только через восемь месяцев, причем большую их часть ходил с калоприемником, пока его пищеварительная система оправлялась для операции по закрытию стомы. После каждой операции так терзали колики, что по ночам он ложился на пол, а после закрытия стомы восстановление дополнительно затянулось из-за гепатита. Пару раз его навещал Джин Кэссиди, однажды сводил на обед. А когда Макларни попытался скрасить тяготы реабилитации, заказав себе оздоровительного пива, Кэссиди дал ему по рукам. Хороший человек этот Кэссиди.

Многолетняя традиция балтиморского департамента предписывает раненому после возвращения на службу соглашаться на любой пост, для которого он подходит. Тем летом, когда Макларни готовился снова надеть форму, ушел на пенсию Род Бранднер, оставив о себе память

как об одном из лучших сержантов в истории убойного. Бранднер сколотил отличную группу и работал у Д'Аддарио, а значит, Макларни тоже попал бы к человеческому лейтенанту.

Он вернулся на шестой этаж, не афишируя свое ранение и не стремясь рассказывать и пересказывать эту историю. Временами только посмеивался вслух над заслуженным статусом. Во время любых передышек на работе он лишь улыбался и качал головой. «Меня никто не тронет, – говорил он. – Меня ранили при исполнении».

Со временем это стало обычной шуткой отдела. Макларни выходил из кабинета после вызова на ковер к капитану, и Лэндсман охотно косил под дурачка.

– Ну что, капитан тебя нагнул, Терр?

– Да нет.

– А что ты сделал? Показал ему свои ранения?

– Ага.

– Так ему и надо. Каждый раз, когда капитан беснуется, Макларни просто рвет на груди рубашку.

Но Макларни не гордился шрамами. И со временем стал говорить, что та перестрелка – самый безответственный поступок в жизни. Его сыну Брайану было всего восемь, и ему сказали, что папа поскользнулся и упал с лестницы. Но через день-другой мальчик подслушал, как отец Макларни разговаривал по телефону с другом семьи, вернулся к себе в комнату и начал швыряться вещами. С ребенком такого возраста, позже говорил Макларни друзьям, у меня нет права поймать пулю.

В конце концов, он начал гордиться чем-то менее масштабным. Когда в него попали на Аруна-авеню, Терренс Макларни не упал. Он остался стоять и вел ответный огонь, пока не поразил цель. Через два дня Рейфорд Барри Футман, двадцать девять лет, скончался от осложнений после ранения в грудь. Извлеченную на вскрытии пулю проанализировали и подтвердили, что она вылетела из служебного револьвера Макларни.

Через некоторое время после перестрелки один детектив принес Макларни список прошлых приводов покойника – распечатку на несколько страниц. Макларни читал, пока не успокоился, отдельно для себя отметив, что недавно Футман вышел по УДО после тяжкого преступления. Но ему не хотелось видеть фотографию мертвеца и не хотелось читать досье. Это было бы уже слишком.

Пятница, 12 февраля

Макларни сидит за столом Даннигена в дополнительном офисе и слушает, как с размеренно всхлипывает девушка за дверью допросной. Это настоящие слезы. Макларни знает.

Он навалился на стол, слушая, как девушка пытается взять себя в руки, когда детективы пытаются еще раз пройти по ее показаниям. Голос надламывается, из носа течет. Она чувствует боль, даже утрату, не хуже, чем они – из-за Джина Кэссиди. И от этого Макларни с души воротит.

Выходит из своего кабинета Д'Аддарио, подходит к допросной и заглядывает в зеркальное окошко.

– Как идет?

– Раскрыли, лейтенант.

– Уже?

– Она сдала Бутчи.

Бутчи. Это слезы по Бутчи Фрейзеру.

Истерика началась полчаса назад, когда они наконец достучались до Йоланды Маркс, и из нее стала урывками пробиваться правда. В допросной Макларни слушал рыдания до тех пор, пока противоречия, пошатнувшаяся мораль не стали невыносимыми. Тогда у него к горлу подступила небольшая речь, и он сказал девчонке из Западного Балтимора, что она поступает правильно. Сказал, кто такой Бутчи Фрейзер, что он сделал и почему все должно кончиться так, а не иначе. Сказал о Джине и Патти Кэссиди, о еще не родившемся ребенке, о нескончаемой тьме.

– Задумайся, – добавил он.

После этого настало молчание, на минуту-другую, пока в ее голове вырисовывалась чужая трагедия. Макларни уже ушел из допросной, и теперь она снова всхлипывала – только к Джину Кэссиди слезы не имели никакого отношения. Правда была проста: Йоланда Маркс любила Бутчи Фрейзера, но ей пришлось его сдать.

– Она заговорила? – спрашивает Лэндсман, проходя через допофис.

– Да, – Макларни рассеянно выдвигает верхний ящик Даннигена. – Сейчас будем писать.

– И что она говорит?

– Дело раскрыли.

– Эй, молодчина же, Терр.

Лэндсман исчезает в своем кабинете, а Макларни достает из ящика пригоршню скрепок, выкладывает на столе и начинает мучать первую, вертя в толстых пальцах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.